

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

2 (42)

2024

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-86391 от 11 декабря 2023

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием *Подписной*

индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2024

Корректор

О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета

Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ФГБОУ

ВО "Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых" (ВлГУ), каб. 08-1

Подписано в печать 08.11.2024 Заказ

№

Выход в свет 27.11.2024

Бесплатно

Формат 70×108/16

Усл. печ. л. 13,02 Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в типографии Аркаим

600017, г. Владимир,

ул. Кирова, 14 Г

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института ВлГУ (главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ (зам. главного редактора серии)
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- А. Ю. Бендин* доктор ист. наук, профессор каф. богословия Института теологии БГУ (Беларусь)
- И. Деретич* доктор философии, профессор каф. философии Белградского университета (Сербия)
- М. П. Жигалова* доктор педагогических наук, профессор каф. лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Беларусь)
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионоведения СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
- Ж. В. Латышева* доктор философских наук, доцент зав. кафедрой ЖРСО ВлГУ
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор ректор МПГУ
- А. В. Марков* доктор филол. наук, профессор профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ
- Н. М. Маркова* кандидат филос. наук, доцент зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
- С. А. Мартьянова* кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии ВлГУ
- Ю. Г. Матушанская* доктор филос. наук, профессор профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
- А. С. Минаков* доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России МПГУ
- С. С. Новиков* доктор ист. наук, доцент профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка ВлГУ
- Л. В. Рацибурская* доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени ГУП
- А. С. Тимошук* доктор филос. наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
- Т. Е. Шаповалова* доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГУП
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук, доцент доцент кафедры истории России ВлГУ (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- В. Е. Бездель**
Трудовое обучение детей в БССР в 50 – 80-е годы XX века..... 7
- Я. М. Санникова**
К изучению вопроса централизованного кредитования
сельского хозяйства Якутии в 1992 – 1995 годах 12
- В. Ж. Цветков, В. С. Жуков**
«Меня причислили к эсерам и республиканцам»: к вопросу
о политических взглядах генерал-лейтенанта И. П. Романовского..... 18
- В. В. Черемухин**
Помещичий вопрос и Полтавская губерния в Гражданской войне
(по данным электоральной кампании 1919 года) 27

ФИЛОЛОГИЯ

- С. Ф. Бут-Гусаим**
Поэтонимикон исторического романа Зинаиды Дудюк «Сыны Рарога» 34
- М. П. Жигалова**
Родина, любовь, человеческая душа в лирике Виктора Крупника:
практика интерпретации и анализа 39
- А. А. Лавицкий**
Современный деструктивный дискурс: жанровая специфика текстов 50
- А. А. Хуснутдинов**
К истории фразеологических выражений из рассказа Антона Чехова
«Человек в футляре»..... 55
- В. Чжан**
История и современное состояние аппроксиматора *как бы* в русском
литературном языке 66

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, Т. А. Кильдяшова, Ю. А. Сибирцева Философско-религиоведческий анализ проблем трансляции знаний о религии	75
Е. А. Плеханов, Д. А. Федулеева Справедливость как правда в философии права Б. Н. Чичерина.....	86
А. С. Тимощук, Е. А. Тимощук Феноменология как рациональная духовность.....	99
Сведения об авторах.....	110

CONTENTS

HISTORY

V. E. Bezdel

Labor Training of Children in the BSSR in the 50s – 80s of the Twentieth Century ... 7

Ya. M. Sannikova

On the Study of the Issue of Centralized Lending to Agriculture
in Yakutia in 1992 – 1995..... 12

V. Zh. Tsvetkov, V. S. Zhukov

"I was Ranked Among the Social-revolutionaries and Republicans":
on the Question of the Political Views of Lieutenant General I. P. Romanovsky 18

V. V. Cheremukhin

The Landscape Question and Poltava Province in the Civil War
(Based on Data of the Electoral Campaign of 1919)..... 27

PHILOLOGY

S. F. But-Gusaim

The Poetonymicon of the Historical Novel Zinaida Dudyuk "Sons of Rarog" 34

M. P. Zhigalova

Homeland, Love, the Human Soul in the Lyrics of Viktor Krupnik:
Interpretation and Analysis..... 39

A. A. Lavitski

Modern Destructive Discourse: Genre Specificity of Texts..... 50

A. A. Khusnutdinov

On the History of Phraseological Expressions from Anton Chekhov's Story
«The man in a case» 55

W. Zhang

History and Current State of the Approximator as if in Russian Literary Language ... 66

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, T. A. Kildyashova, Yu. A. Sibirtseva Philosophical and Religious Studies Analysis of the Problems of Translation of Knowledge about Religion	75
E. A. Plekhanov, D. A. Feduleeva Justice as Truth in B. N. Chicherin's Philosophy of Law	86
A. S. Timoshchuk, E. A. Timoshchuk Phenomenology as Rational Spirituality.....	99
Contributors	110

УДК 37:94(47)"1950-1980"

В. Е. Бездель

ТРУДОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В БССР В 50 – 80-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье рассматривается формирование системы трудового обучения детей в БССР в 50 – 80-е гг. XX в. Автор указывает причины, по которым трудовое обучение было одним из приоритетных направлений в политике и идеологии государства; формы, посредством которых реализовывали трудовое обучение. Отмечается, что на протяжении рассматриваемого периода политика государства в сфере трудового обучения менялась: от совмещения обучения с производительным трудом до сознательного выбора профессии.

Ключевые слова: трудовое обучение, БССР, школы-интернаты, общественно полезный труд, политехническое обучение.

Трудовое обучение в 50 – 80-е гг. XX в. было одним из важнейших направлений в системе школьного образования и советской идеологии. По мнению ряда исследователей, трудовая деятельность являлась ключевой составляющей детской повседневности [11; 12] рассматриваемого периода.

Трудовое обучение играло важную роль в идеологической политике государства. В 1961 г. на XXII съезде КПСС в Третьей программе было законодательно определено, какими чертами должен обладать настоящий коммунист, советский человек. Всестороннее и гармонично развитая личность, воспитанная на идеалах Великого Октября, преданная делу коммунизма, – таким виделся советский гражданин авторам этой программы. Воспитание у подрастающего поколения любви и уважения к труду способствовало вовлечению в дело строительства коммунизма, формировало советскую идентичность, приобщало к идеалам и ценностям советского общества. Система трудового обучения де-

тей, направленная на приобретение трудовых навыков в школе, осознанный выбор профессии в том числе, решала экономические задачи.

После Великой Отечественной войны первостепенным было восстановление экономики. Направляя подростков в школы ФЗО, на рабфаки для получения рабочих профессий, государство стремилось минимизировать нехватку рабочих рук, создавало трудовой резерв для промышленности и сельского хозяйства, а также способствовало снижению количества беспризорных и безнадзорных детей.

В начале 1950-х гг. приоритеты изменились. Во-первых, СССР вступил в «холодную» войну, противостояние двух систем, в рамках которых были противопоставлены и модели «детства»: «счастливого» советского и детства в капиталистических странах, детства, в котором ребенок лишен возможности реализовать себя. Во-вторых, научно-техническая революция требовала высококвалифицированных кадров, умеющих решать

сложные технические задачи, необходима была эффективная система подготовки к труду, начиная со школы. Также НТР способствовала всплеску технического творчества среди всех возрастных категорий населения СССР, в том числе и детей, поддерживаемого государством, что, с одной стороны, помогало отбирать ценные научные разработки, с другой – наполнять и контролировать досуговое пространство ребенка, реализуя процесс трудового обучения и воспитания как в рамках школ, так и внешкольных учреждений. В-третьих, труд, как было сказано ранее, выполнял важную воспитательную и идеологическую функцию.

Таким образом, в Советском государстве в 1950 – 80-е гг. была сформирована система трудового обучения и воспитания. Она включала в себя несколько направлений: во-первых, трудовое обучение в школе (уроки труда, работа в мастерских, производственное обучение на заводах, летняя производственная практика), вторым направлением стал общественно полезный труд (самообслуживание в школе, тимуровское движение, шефство, помощь ветеранам, семьям участников Великой Отечественной войны и т. д.), трудовое обучение во внешкольных учреждениях (кружки в Домах пионеров, юннатов, летние лагеря труда и отдыха и т. д.).

В 1950-е гг. в школах реализовывали концепцию политехнического обучения [1]. Руководители Советского государства по-разному понимали его сущность, но ключевым в ней оставалось огромное значение труда и трудового обучения при формировании личности советского человека и коммуниста. Под политехническим

обучением подразумевалось получение детьми представления об основах наук и их роли в производстве с последующим осознанным выбором профессии, а не получение конкретной специальности. В директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951 – 1955 гг., утвержденных на XIX съезде ВКП(б), говорилось, что «в целях обеспечения учащимся, заканчивающим среднюю школу, условий для свободного выбора профессий приступить к осуществлению политехнического обучения в средней школе и провести мероприятия, необходимые для перехода к всеобщему политехническому обучению» [13, с. 281].

Немаловажным было привитие подрастающему поколению уважительного отношения к людям рабочих профессий и формирование у самих подростков готовности трудиться на производстве и в сельском хозяйстве, чувства сопричастности к экономическим преобразованиям в советском обществе.

Сторонником идеи отношения к труду как к делу чести являлся Н. С. Хрущев. Он предложил идею создания школ-интернатов, учреждений нового типа, которые должны обеспечить подготовку образованных и культурных строителей коммунизма, а цель их деятельности – «соединение обучения с производительным трудом, обеспечивающее прочные знания основ наук, широкий политехнический кругозор и знания основ промышленного и сельскохозяйственного производства, трудовое воспитание и всестороннее духовное развитие» [2, л. 438 – 440].

Исследовательница Г. М. Иванова считает, и мы согласны с ней, что повсеместное внедрение таких школ помогло бы решить актуальные для

того периода проблемы: подготовка школьников соответствовала бы запросам экономики, обучение было бы интересным для детей, нивелировало пробелы родительского воспитания, материально-техническая база способствовала бы производственному обучению [12]. Реализация этого проекта натолкнулась на серьезные финансовые трудности, и этот тип школ так и не стал преобладающим: в БССР их насчитывалось 120 при более 4000 неполных средних и средних школ, а после отставки Н. С. Хрущева их количество и вовсе стало сокращаться.

Следуя идее максимально приблизить теоретическое обучение в школах к практическим потребностям, в 1958 г. Верховный Совет СССР (в 1959 г. Верховный Совет БССР) принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Главная цель реформы заключалась в подготовке «образованных людей, хорошо знающих основы наук и вместе с тем способных к систематическому физическому труду», технически грамотных кадров для промышленности и сельского хозяйства. Вводилось всеобщее обязательное 8-летнее образование. Срок полного среднего образования увеличивался с 10 до 11 лет, предусматривалось осуществлять его на основе соединения обучения с трудом в дневной или вечерней школе либо в техникуме. Два дня в неделю школьники старших классов дневных школ должны были работать на предприятиях или в сельском хозяйстве, вовлекаясь таким образом в доступные для них формы труда. Выпускники средней школы наряду с аттестатом зрелости получали свидетельство о специальности, пере-

чень которых должны были формировать местные органы с учетом потребностей предприятий региона, чтобы после окончания школы подростки могли продолжить обучение в техникуме или пойти работать на производство. В 1962 г. были проверены школы всех областей БССР. Результаты проверки были неутешительны: учащиеся обучались по неперспективным специальностям, без учета потребностей предприятий [1, с. 5].

К негативным последствиям реформы также следует отнести перегрузку учеников. Дети помогали в уборке урожая, собирали металлолом, макулатуру, сажали деревья, выращивали на пришкольных участках овощи, разводили кроликов и домашнюю птицу зачастую в ущерб образовательному процессу. Учебный и воспитательный потенциал трудового обучения отступил на второй план, что приводило к обратному результату: у детей формировалось негативное отношение к трудовому обучению, труд воспринимался ими как обязанность, они не всегда понимали смысл и назначение своего труда. Кроме того, во многих школах не было необходимой материально-технической базы, чтобы обеспечить на высоком уровне политехническое обучение школьников.

Смена политического руководства в 1964 г. повлияла на дальнейшее развитие общеобразовательной школы и реализацию трудового обучения в ней. Если при Н. С. Хрущеве обязательным было совмещение обучения и производительного труда, то на XXIII съезде КПСС, а также в постановлении ЦК КПСС от 10.11.1966 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» говорилось о «вооружении учащихся

прочными знаниями основ наук» и «подготовке к сознательному выбору профессии» [12, с. 325].

В середине 60-х – начале 70-х гг. XX в. по-прежнему ощущалась нехватка кадров рабочих профессий, особенно в сельском хозяйстве. Государство рассматривало трудовое обучение школьников как подготовку к осознанному выбору профессии, ориентированному в первую очередь на производство. В начале 1970-х гг., согласно статистическим данным, 95 % школ республики имели необходимое оборудование для осуществления трудового обучения [8, л. 29 об.]. В 1974 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации межшкольных учебно-производственных комбинатов трудового обучения и профориентации учащихся» закрепило новую форму трудовой подготовки школьников: учебно-производственные комбинаты. В конце 1979 г. всеми формами трудовой подготовки было охвачено свыше 80 % учащихся 9-х, 10-х классов средних школ БССР [9, л. 49].

Подростков и выпускников школ все меньше привлекали рабочие специальности, особенно сельскохозяйственного профиля, пусть и с высоким уровнем заработной платы. Органы власти констатировали, что «школы очень слабо ориентируют своих выпускников на рабочие профессии. Весной направления на работу выдают 1/4 – 1/5 части выпускников» [4, л. 124]. Из числа окончивших 10-е классы, получивших среднее образование в училищах и вечерних школах выбирали сельскохозяйственные профессии от 5 до 11 % [6, л. 157].

Чтобы уменьшить отток подростков из сельской местности, органами власти ежегодно разрабатывался

план мероприятий по привлечению выпускников на работу в колхозах и совхозах. Например, колхоз имени Димитрова в Витебском районе и Яновичская школа разработали программу, по которой выпускникам устанавливали пятичасовой рабочий день, заработная плата на протяжении двух лет была выше на 20 % [3, л. 178]. Несмотря на это, отмечалось сокращение количества выпускников сельских школ, которые остаются на работу в местных колхозах и совхозах. Указанная тенденция объяснялась в том числе постепенным снижением в БССР в 1970-е гг. сельского населения и школ в сельской местности. Согласно статистическим данным, прием в первые классы сельских школ уменьшился с 99,7 тыс. в 1970 г. до 69 тыс. в 1975 г., а общая численность учащихся – с 988,9 тыс. до 811,5 тыс. соответственно [8, л. 3 об.].

В обществе формировался устойчивый спрос на получение высшего образования, росла популярность профессий, требующих подготовки в высших учебных заведениях. Все больше школьников, окончивших восемь классов, стремились получить полное среднее образование. В 1971 г. в 9-е классы общеобразовательной школы БССР было принято 65,4 % окончивших восьмые классы, 8,8 % продолжили обучение в 9-х классах вечерних школ [5, л. 9 об.], а в 1975 г. этот показатель составлял 92 % [7, л. 30]. В марте 1979 г. руководство БССР объявило, что переход к всеобщему среднему образованию завершен: 99 % выпускников восьмых классов продолжают обучение в школе [9, л. 6].

По мнению ряда исследователей, «трудовое воспитание в советской школе к началу 1970-х гг. вступило в

кризисную фазу. “Психологический настрой” на овладение навыками рабочих профессий уступал место желанию “лучше устроиться” в жизни, что в то время почти повсеместно обеспечивалось высшим образованием» [10, с. 219]. На решение этой проблемы и поиск новых научно обоснованных подходов к формированию у учащихся потребности в общественно полезном труде и его значимости была направлена школьная реформа 1984 г., что является темой отдельного рассмотрения.

Таким образом, в советском обществе трудовое обучение выступало одним из главных направлений фор-

мирования личности ребенка, будущего строителя коммунизма и советского гражданина. На протяжении 50 – 80-х гг. XX в. подходы к пониманию сущности трудового обучения и форм его реализации менялись, что нашло отражение в школьной реформе 1958 г., решениях XXII, XXIII съездов партии, иных законодательных актах. Среди безусловно положительных последствий реализации трудового обучения выделим следующие: укрепление материальной базы школ, в особенности сельских, наполнение досуга школьников, повышение общего уровня образования белорусского советского общества.

Библиографические ссылки

1. Бездель В. Е. Политехническое обучение в школах БССР в 50-е гг. XX в. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2021. № 7. С. 2 – 6.
2. Государственный архив Витебской области. Ф. 2797. Оп. 2. Д. 162.
3. Там же. Оп. 14. Д. 129.
4. Там же. Д. 149.
5. Там же. Д. 165.
6. Там же. Д. 173.
7. Там же. Д. 219.
8. Там же. Д. 301.
9. Там же. Д. 497.
10. Гребнев И. В., Сомова Д. В. Трудовое воспитание в советской школе: парадоксы становления и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (939). С. 215 – 223.
11. Ермолова А. И. Советская детская повседневность: факторы влияния и конструирования (на материалах г. Томска. 1961 – 1985 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2021. 25 с.
12. Иванова Г. М. Советская школа в 1950 – 1960-е годы. М. : Фонд «Московское время», 2018. 432 с.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983 – 1990. В 16 т. Т. 8: 1946 – 1955. М., 1985. 542 с.

**LABOR TRAINING OF CHILDREN IN THE BSSR IN THE 50s – 80s
OF THE TWENTIETH CENTURY**

The article considers the formation of the system of labor education for children in the BSSR in the 50s – 80s of the twentieth century. The author points out the reasons why labor training was one of the priorities in the policy and ideology of the state; the forms by which labor training was implemented. It is noted that during the period under review, the state's policy in the field of labor training has changed: from combining education with productive work to a conscious choice of profession.

Keywords: labor training, BSSR, boarding schools, socially useful work, polytechnic education.

УДК 93/94 631.1

Я. М. Санникова

**К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКУТИИ В 1992 – 1995 ГОДАХ**

Статья посвящена изучению вопроса государственного централизованного кредитования сельского хозяйства в 1992 – 1995 гг. в стране и решений по данному вопросу в Якутии. Автор обратила внимание на представленный вопрос с точки зрения поиска архивных документов, отражающих степень давления задолженности по данному кредиту на традиционное арктическое хозяйство в первый постсоветский период. На данном этапе исследования результаты представляют гипотезу, раскрывающую систему подобного кредитования сельского хозяйства как крупную историческую проблему.

Ключевые слова: Российская Федерация, Якутия, экономика, сельское хозяйство, традиционное хозяйство, централизованное кредитовани

Как ни странно, архивных документов, отражающих обобщенные данные или официальный учет хозяйств, охваченных на местах централизованным государственным кредитованием в 1992 – 1994 гг., автору до сих пор не удалось обнаружить. Тем не менее в контексте исследования проблем развития традиционного хозяйства арктических районов Якутии в постсоветский период обращено внимание на централизованное кредитование сельского хозяйства региона в это время. В последующие годы осо-

бенности финансового положения хозяйств на местах были связаны с решениями органов исполнительной власти региона по использованию ими централизованных кредитов и принятым задолженностям по ним. Первоначально автор исходила из того, что одной из причин системного кризиса сельского хозяйства как по всей стране, так и в изучаемом регионе была высокая закредитованность хозяйств на местах, что заставляло их каждый сезон производства сельскохозяйственной продукции ходить по долговому кругу.

И здесь хотелось бы остановиться только на 1992 – 1995 гг., когда в регионе, как и по всей стране, выдавался государственный централизованный кредит в 1992 – 1994 гг. и был списан в виде государственного долга во второй половине 1995 г. (не затрагивая вопроса о товарном кредите для сельхозпроизводителей, реализовывавшемся в республике начиная со второй половины 1995 г.).

Исследований того периода, затрагивающих непосредственно систему сельскохозяйственного кредита в России в 1992 – 1995 гг., совершенно мало [1; 2; 5; 6]. Позже подобных работ, пожалуй, и не было. Наиболее понятную картину по этому вопросу в стране непосредственно в тот период показали в статье 1996 г. экономисты Е. Серова, Р. Янбух [5]. В отличие от кредитования в советский период плановой экономики, в основном предоставлявшего совхозам и колхозам, по сути, краткосрочные и долгосрочные займы (или некоммерческие кредиты) из государственного Агропромбанка с небольшим процентом и с практикой их пролонгации или списания в счет государственного долга, в 1992 г. вследствие политики «шоковой терапии» впервые государственный кредит был совершенно другим [Там же, с. 59]. Либерализация экономики резко обострила традиционную специфику сезонного сельскохозяйственного кредита, выразившегося в и без того всегда существовавшем нарастающем неравенстве цен на продукцию и ресурсы для производства. Либерализация цен в начале 1992 г. обусловила стремительный рост диспаритета цен для села. В условиях, когда уже не существовало прежней кредитной системы

государства и специфики сельскохозяйственного кредита как такового, в том числе зависимости от природно-климатических факторов, в начале радикальных экономических реформ все сельхозпроизводители страны столкнулись с острой проблемой отсутствия кредита, прежде всего сезонного. Федеральное правительство попыталось оперативно решить проблему наиболее простым и доступным способом. Им стал субсидированный кредит.

Тем самым в новой России на все последующие годы определилось направление развития системы сельскохозяйственного кредита [Там же, с. 60 – 61]. Изначально государство предоставляло сельхозпроизводителям так называемый льготный централизованный кредит. В 1992 г. крупные хозяйства в основном еще оставались совхозами, им выделялся кредит за счет федеральных источников под 28 % годовых, а фермерам – под 8 %. Данная ставка включала 3 % маржу для коммерческих банков, проводивших эти кредиты на местах. В 1993 г. ссудный процент для всех категорий сельхозтоваропроизводителей был установлен в 28 %. Здесь нет смысла подробнее останавливаться на том, что получали от данных операций коммерческие банки в сфере сельскохозяйственного кредитования, однако стоит заметить, что централизованный кредит предоставлялся таким образом, что уполномоченные банки получали свою маржу ежемесячно, а основной долг и проценты по нему уплачивались по окончании сельскохозяйственного года. Реально же в стране распределение централизованного кредита осуществляли управления сельского хозяйства на местах. Применительно к Якутии

это делалось по районам. Было подчеркнуто, что практически все субъекты Российской Федерации связали выделение централизованных кредитов с поставками продукции в федеральные и региональные фонды. Это означало, что единственный на тот момент источник кредита для сельхозпроизводителя тут же стал рычагом сдерживания процессов коммерциализации производства, его структурной перестройки, формирования альтернативных каналов сбыта и др.

В Якутии с ее районами арктических хозяйств, труднодоступными транспортными схемами в экстремальных природно-климатических условиях и ставшей финансово неподъемной доставкой в точки сбыта произведенной продукции это не было определяющим для хозяйств как изучаемых районов, так и в целом по республике. В конце 1993 г. все виды льготного кредита были отменены, но так как именно этот кредит был льготным не только по процентам, но и по срокам погашения, то с отменой субсидированной процентной ставки сохранился централизованный кредит и в 1994 г., но под процент, равный текущей учетной ставке Центрального банка Российской Федерации [5, с. 62 – 63]. 1994 год оказался в России наиболее тяжелым для сельского хозяйства в финансовом отношении. Ситуация в Якутии не стала исключением. Нужно отметить, что именно с 1994 г. сельское хозяйство республики реально вошло в единое управленческое поле [4]. В это же время произошла и финансовая централизация. На федеральном уровне хозяйства новых категорий уже вернулись к знакомой практике советского периода – к списанию долгов. Однако для

многих хозяйств это не стало простым выходом. Тем не менее в конце 1994 – начале 1995 г. были приняты решения, пролонгировавшие задолженность сельхозтоваропроизводителей по централизованным долгам 1992 – 1994 гг. на более чем 20 трлн руб., включая основной долг и проценты по нему. Эта сумма была отнесена на внутренний государственный долг России (порядка 10 % общего его объема). На основе Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. № 2218 «О реформировании задолженности предприятий и организаций агропромышленного комплекса по централизованным кредитам, выданным в 1993 – 1994 годах» долг был рассрочен до 2005 г.

Предполагается, что по всем регионам схема списания кредитного долга у сельскохозяйственных производителей была похожей. Здесь стоит более подробно рассмотреть документы, которые были изданы по этому поводу Правительством Республики Саха (Якутия). Они были основаны на реализации Федерального закона РФ от 24 апреля 1995 г. № 46-ФЗ «О реформировании задолженности по централизованным кредитам и начисленным по ним процентам организаций агропромышленного комплекса, а также организаций, осуществляющих завоз (хранение и реализацию) продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности».

23 июня 1995 г. между Министерством финансов Российской Федерации, в лице первого заместителя министра В. Г. Артюхова, и органом исполнительной власти субъекта РФ – Правительством Республики Саха (Якутия), в лице Председателя Ю. В. Кайдышева, выступавшего как заем-

щик, было подписано «Соглашение об обязательствах по государственному внутреннему долгу, возникающему в связи с рассрочкой на 10 лет погашения задолженности организаций агропромышленного комплекса по централизованным кредитам, полученным в 1992 – 1994 годах, и начисленным по ним процентам» [3, л. 30 – 32]. Предметом соглашения стало переоформление не имеющей источников возврата задолженности по состоянию на 1 апреля 1995 г. расположенных на территории Республики Саха (Якутия) сельскохозяйственных организаций всех форм собственности и других организаций агропромышленного комплекса и потребительской кооперации по централизованным кредитам, предоставленным в 1992 – 1994 гг., и процентов по ним, которые не были рассрочены в соответствии с Указом Президента РФ от 29 декабря 1994 г. № 2218 в сумме 104,7 млрд руб. на государственный долг РФ. Правительство республики обеспечивало как заемщик переоформление на себя обязательства вышеуказанных хозяйствующих субъектов республики перед коммерческими банками, иными финансово-банковскими учреждениями по централизованным кредитам, предоставленным в 1992 – 1994 гг., и процентов по ним, не имеющим источников возврата задолженности по состоянию на 1 апреля 1995 г. Указанное переоформление осуществлялось посредством получения заемщиком долговых обязательств организаций по безусловной уплате соответствующей суммы долга каждой организацией ежегодно не позднее 1 ноября начиная с 1998 г. в течение 8 лет равными долями с уплатой 10 % годовых

вых в денежной форме или поставками сельскохозяйственной продукции и продовольствия в региональные фонды. Заемщик гарантировал безусловную уплату федеральному министерству за счет средств бюджета Республики Саха (Якутия) в счет Главного управления Федерального казначейства в ОПЕРУ Центрального банка РФ ежегодно до 15 ноября начиная с 1998 г. в течение 8 лет равными долями с уплатой 10 % годовых средств, необходимых для погашения и обслуживания государственного внутреннего долга, образовавшегося в связи с переоформлением в государственный долг не имеющей источников возврата задолженности по состоянию на 1 апреля 1995 г. по централизованным кредитам, предоставленным в 1992 – 1994 гг., и процентам по ним. Правительство республики принимало постановление (решение) по суммам задолженности, подлежащей рассрочке на 10 лет, по каждой конкретной организации под ее обязательство по безусловной уплате долга и средств, необходимых для обслуживания в размере 10 % годовых, в денежной форме или поставками сельскохозяйственной продукции и продовольствия в региональные фонды. Кроме того, правительство вело реестр этих обязательств.

Правительство Республики Саха (Якутия) само должно было довести указанное постановление (решение) до местных финансовых органов и организаций, органов Федерального казначейства, Главных территориальных управлений Центрального банка России и национальных банков республик в составе РФ, а выписку из постановления (решения) – до коммерческих

банков, обслуживающих организации. Постановление (решение) заемщика и реестр долговых обязательств организаций являлись неотъемлемой частью настоящего соглашения (к сожалению, его экземпляр на данный момент не обнаружен в архивных источниках). Министерство финансов РФ обеспечивало переоформление вышеуказанной задолженности и осуществляло контроль за погашением долга заемщиков перед федеральным бюджетом и возмещением расходов на обслуживание государственного внутреннего долга. При несвоевременном исполнении обязательств у финансового ведомства было право производить взыскание в бесспорном порядке с текущего счета основного бюджета Республики Саха (Якутия). Данное соглашение действовало до завершения всех взаиморасчетов между сторонами [3, л. 30 – 32].

Позже, 24 августа 1995 г., было подписано и второе соглашение, касающееся централизованных кредитных ресурсов, а именно обязательств по государственному внутреннему долгу на сумму 58,260 млрд руб., образовавшуюся по состоянию на 1 апреля 1995 г., возникающему в связи с рассрочкой на 10 лет погашения задолженности организаций агропромышленного комплекса и потребительской кооперации по централизованным кредитам и процентам по ним, погашенным с корреспондентских счетов коммерческих банков без уплаты средств заемщиками. Кроме документов, на основе которых было подписано первое соглашение, основанием стали телеграммы Банка России, Минфина России, Минсельхозпрода России, Миннаца России и Центросоюза России от 30 мая 1995 г. (о них говорилось в самом документе,

оригиналы которых не обнаружены). Правительство РС (Я), на этот раз в лице первого заместителя председателя А. А. Томтосова, в качестве заемщика должно было обеспечить переоформление на себя вышеуказанных обязательств сельскохозяйственных организаций всех форм собственности, а также других организаций агропромышленного комплекса и потребительской кооперации, расположенных на территории Республики Саха (Якутия) [Там же, л. 33 – 35].

Условия для хозяйствующих субъектов были такими же, как в первом соглашении. Перед Министерством финансов Российской Федерации Правительство республики также гарантировало безусловную уплату долга по той же схеме, что и в первом соглашении. При нарушении условий последнего взыскание уплаты также могло осуществляться напрямую с текущего счета основного бюджета Республики Саха (Якутия) [Там же].

Таким образом, если следовать содержанию этих двух документов – соглашений по поводу перевода долговых обязательств хозяйствующих субъектов Республики Саха (Якутия), в том числе хозяйств, ко второй половине 1995 г. Правительство республики переоформило задолженности и проценты по централизованным кредитам 1992 – 1994 гг. в агропромышленном комплексе в государственный долг региона. Общая сумма долга вышла в размере 162,960 млрд руб. Правительство республики принимало решение по суммам задолженности, подлежащей рассрочке на 10 лет. В том числе по каждому конкретному хозяйству должны были определить его обязательство в денежной форме или по-

ставками сельскохозяйственной продукции и продовольствия в региональные фонды под его ранее принятое кредитное обязательство по безусловной уплате долга и средств, необходимых для обслуживания в размере 10 % годовых. Для этого вводился реестр этих обязательств хозяйств. На данном этапе документы по реестру, где должны быть обозначены в том числе хозяйства изучаемых районов, не обнаружены.

Таким образом, изучение вопроса о государственном централизованном кредитовании и его последствиях для сельского хозяйства страны и от-

дельного региона в 1992 – 1995 гг. очень важно для понимания объективной картины финансового и экономического положения хозяйств на местах, в том числе в изучаемых автором арктических районах Якутии. В общей картине проблем развития традиционного арктического хозяйства в постсоветский период необходимо определить степень влияния этого вопроса на социально-экономическую жизнедеятельность хозяйств. Поэтому поиск архивных документов, которые могут дать локальные примеры по данному изучаемому вопросу, продолжается.

Библиографические ссылки

1. Гафурова П. Ф. Формирование рыночного механизма банковского кредитования сельского хозяйства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1994.
2. Коваленко С. Б., Стрельникова Т. А. Кредитование сельского хозяйства // Финансовая газета. 1997. № 29. С. 6 – 7.
3. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 63. Оп. 43. Д. 741.
4. Санникова Я. М. Управление традиционным хозяйством (на примере Якутии в конце XX века) [Электронный ресурс]. Якутск : ИГиИПМНС СОП РАН, 2022. 178 с. URL: <http://igi.ysn.ru/wp-content/uploads/2023/01/Sannikova-YA.M.Monografiya.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).
5. Серова Е., Янбых Р. Кредитование сельского хозяйства в России: состояние и перспективы // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 59 – 73.
6. Соколова Ж. В. Финансовый кризис и положение сельскохозяйственных товаропроизводителей (по материалам социологических исследований) // Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал. 2000. № 1. С. 159.

Ya. M. Sannikova

ON THE STUDY OF THE ISSUE OF CENTRALIZED LENDING TO AGRICULTURE IN YAKUTIA IN 1992 – 1995

A brief article is devoted to the study of the issue of state centralized lending to agriculture in 1992 – 1995 in Russia and decision-making on this loan in Yakutia. The author conducted a search for archival documents reflecting the degree of debt pressure on the traditional Arctic economy in the first post-Soviet period. At this stage of the study, the results are of an intermediate nature and show the very essence of the system of centralized lending to agriculture in the country.

Keywords: state centralized lending, agriculture, traditional economy, Russian Federation, Yakutia, 1992 – 1995.

**«МЕНЯ ПРИЧИСЛИЛИ К ЭСЕРАМ И РЕСПУБЛИКАНЦАМ»:
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И. П. РОМАНОВСКОГО**

В статье с опорой на многочисленные исторические источники предпринимается попытка охарактеризовать политические взгляды одного из лидеров южнорусского Белого движения – начальника штаба Добровольческой армии и впоследствии Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР) генерал-лейтенанта Ивана Павловича Романовского. Среди современников генерала были распространены самые различные (в том числе откровенно ошибочные и несуразные) представления о его политических убеждениях и симпатиях. Романовского причисляли к «масонам», «социалистам», «республиканцам», считали, что он втайне симпатизирует эсерам и даже является членом этой политической партии. Подобные домыслы и слухи, фактически не имевшие под собой никаких убедительных доказательств и обоснований, стали тем не менее составной частью «черной легенды» о Романовском как о «злом гении» генерала А. И. Деникина и в целом всего южнорусского Белого движения, а впоследствии сыграли отнюдь не последнюю роль в трагической гибели Ивана Павловича весной 1920 г. в Константинополе от руки правого террориста, члена тайной монархической организации М. А. Харузина. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на активный и устойчивый интерес современных исследователей к истории Белого движения в целом, генерал И. П. Романовский до сих пор остается едва ли не самой малоизученной фигурой среди крупных деятелей российской контрреволюции эпохи Гражданской войны 1917 – 1922 гг.

Ключевые слова: Иван Павлович Романовский, Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, Вооруженные Силы на Юге России, политические взгляды.

Введение. Генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский (1877 – 1920 гг.), несомненно, принадлежит к числу ключевых фигур переломной эпохи отечественной истории – эпохи революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны 1917 – 1922 гг. Верный сподвижник генерала Л. Г. Корнилова и активный участник его выступления против Временного правительства в августе 1917 г., впоследствии – начальник штаба Доброволь-

ческой армии и Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР), близкий друг и соратник генерала А. И. Деникина, он долгое время был, по сути, вторым человеком в иерархии южнорусского Белого движения.

Вместе с тем этот человек, казавшийся загадочным даже многим своим современникам [11, с. 85], и по сей день остается едва ли не самой малоизученной фигурой среди крупных деятелей Белого движения. Обзор ис-

торической литературы невольно наводит на мысль, что исследователи, так или иначе обращающиеся в своих работах к анализу личности Романовского, интересуются не столько собственно жизнью (в том числе разнообразными аспектами военно-политической деятельности этого, несомненно, незаурядного человека), сколько обстоятельствами гибели генерала, убитого членом тайной монархической организации поручиком М. А. Харузиным. Безусловно, трагедия, разыгравшаяся в здании русского посольства в Константинополе 23 марта (5 апреля) 1920 г., представляет собой благодатную почву для исследований в жанре исторического расследования (что, на наш взгляд, блестяще проделал петербургский историк А. А. Чемакин в своей фундаментальной монографии «“Анонимный центр“: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920)» [13]). Однако не менее важной и интересной исследовательской задачей представляется нам изучение жизненного пути Ивана Павловича. Данная статья, посвященная характеристике политических взглядов генерала, рассматривается нами как один из шагов в этом направлении.

Ход и результаты исследования. Среди современников Романовского (главным образом, среди тех, кто не был с ним лично знаком) бытовало мнение о нем как о «масоне», «социалисте», «республиканце». К примеру, ходили слухи, что Иван Павлович «преклоняется перед революцией, разрушившей армию», его «считали тайно сочувствующим революции “жидомасоном”» [16, с. 208]. Отдельные мему-

аристы из числа рядовых участников Белого движения на Юге России (в частности, С. Н. Шидловский) голословно и бездоказательно упрекали начальника деникинского штаба в «демократичности», из чего проистекал и далеко идущий вывод о фактической профнепригодности Романовского, поскольку, «как известно, наши демократы по большей части не способны к государственному строительству и управлению» [14, с. 45].

Впрочем, в отношении политических взглядов генерала на страницах воспоминаний можно встретить оценки и иного рода. К примеру, И. М. Калинин, военный юрист, бывший начальник военно-судной части штаба Донского корпуса, вернувшийся в начале 1920-х гг. в СССР и опубликовавший здесь свои «разоблачительные» мемуары о южнорусском Белом движении, утверждал, что собственных политических убеждений у Ивана Павловича, по сути, и не было: «черносотенцы считали его масоном, либералы – черносотенцем. В действительности он представлял из себя тупого, недалекого солдата, притом довольно надменного, свыше меры честолюбивого» [8, с. 52]. Как мы увидим далее, подобная оценка, равно как и утверждения о принадлежности Романовского к «масонству» и его симпатиях к «социализму», не имела ничего общего с действительностью.

При реконструкции политического портрета Ивана Павловича следует, прежде всего, помнить о его близких, доверительных отношениях с А. И. Деникиным, предполагавших, помимо прочего, и известную степень политического единомыслия между

ними. На страницах своих знаменитых «Очерков русской смуты» Антон Иванович прямо писал о связывавшей его с Романовским «общности взглядов стратегических и *политических* (курсив наш. – В. Ц., В. Ж.)» [7, с. 680]. А основу политического мировоззрения лидера южнорусского Белого движения, как известно, составлял либерализм (в «Пути русского офицера» Деникин откровенно признавался, что еще задолго до революции 1917 г. «приял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма» [6, с. 75]). Следовательно, как справедливо заметил видный член кадетской партии профессор К. Н. Соколов, близость к Деникину «обязывала его (т. е. Романовского. – В. Ц., В. Ж.) к известному “либерализму”» [11, с. 85]. Однако данные положения дают нам возможность лишь констатировать наличие у Ивана Павловича в годы Гражданской войны либеральных симпатий, но отнюдь не позволяют проследить их генезис и развитие в дореволюционный период. Для решения этой задачи требуется обращение к иным источникам.

Насколько можно судить, наиболее раннее свидетельство относительно политических взглядов Романовского содержится в воспоминаниях генерал-майора Александра Ивановича Верховского (1886 – 1938 гг.), бывшего военного министра Временного правительства, а в годы Гражданской войны – военного специалиста РККА. По словам Верховского, в свое время исключенного из Пажеского корпуса за осуждение расстрела войсками демонстрации 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге и потому составив-

шего себе репутацию человека, сочувствующего революционному движению, Иван Павлович разделял его взгляды на «непорядки русской вооруженной силы и русского государственного строя, обнаружившиеся во время войны с Японией» [3, с. 330]. Верховский упоминает, что они вместе с Романовским «негодовали, обсуждая поведение генералитета. Недоумевали, обсуждая политику царя, не желавшего дать народу конституцию. Искали пути, как выйти из создавшегося положения» [Там же]. Неизвестно, насколько далеко зашел в этих поисках Иван Павлович, однако, судя по всему, внешнюю лояльность царскому режиму он сохранял вплоть до последних дней его существования, даже несмотря на то что, по собственному признанию, изложенному впоследствии в показаниях по «делу Корнилова», «страдал за тот развал, который Россия переживала при царе, радовался, когда ... кончился кошмар распутинских и немецких влияний» [5, с. 292].

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что поначалу Романовский весьма сочувственно отнесся к Февральской революции, очевидно, рассчитывая, что она способна дать стране и армии тот необходимый импульс, который позволит довести войну с блоком центральных держав до победного конца. Однако этим иллюзиям очень скоро пришел конец. Уже 2 мая 1917 г. в письме супруге Елене Михайловне Романовской (в девичестве – Бакеевой) Иван Павлович откровенно признавался, что у него нет «уверенности в том, что всё происходящее в настоящее время в России может привести к хорошему результа-

ту» [10, с. 192]. В конечном счете, усугублявшийся с каждым последующим месяцем революции системный кризис, затронувший все сферы жизни государства и общества (прежде всего, болезненно переживаемый генералом развал армии), привел к тому, что к концу лета 1917 г. Романовский уже окончательно убедился в том, что «существовавший состав Временного правительства не являлся ... той силой, которая может вывести Россию из того страшного тупика, в который она попала» [5, с. 292 – 293]. Это убеждение закономерно привело Ивана Павловича в ряды сторонников генерала Л. Г. Корнилова.

Судя по всему, в течение 1917 г. да и на протяжении всех последующих лет Гражданской войны вопрос о форме правления в будущей постреволюционной России представлялся Романовскому отнюдь не первостепенным. В своих показаниях по «делу Корнилова» он писал, что желал лишь установления в стране «сильной власти, какая будет эта власть, ... в сущности, все равно, лишь бы она была сильная, разумная и честная» [5, с. 292]. Уже упоминавшемуся А. И. Верховскому в канун корниловского выступления в конце августа 1917 г. Иван Павлович говорил, что «спасение России сейчас в том, чтобы железной рукой заставить слушаться массу» [3, с. 330]. Эти слова трудно интерпретировать иначе как стремление к установлению военной диктатуры, убежденность в необходимости которой за годы Гражданской войны у Романовского должна была только возрасти.

Однако командование вернувшейся из Первого Кубанского («Ледя-

ного») похода Добровольческой армии уже с лета 1918 г. начало испытывать на себе давление со стороны правых группировок, требовавших от него официального провозглашения армией монархического лозунга. Эти стремления входили в прямое противоречие с принципом «непредрешения» будущей формы правления, который твердо отстаивали генералы А. И. Деникин и М. В. Алексеев, резонно полагавшие, что подобный шаг внесет раскол в ряды армии и значительно сузит ее социальную базу. Кроме того, для вождей добровольцев была совершенно неприемлема возможность (к которой всерьез склонялись руководители формировавшихся на территории гетманской Украины антибольшевистских армий прогерманской ориентации (Южной и Астраханской)) восстановления монархии в России посредством немецких штыков, поскольку в немцах руководители Добровольческой армии, сохранявшей верность союзникам России по Антанте, продолжали, по словам Романовского, видеть «самых страшных врагов» [10, с. 236].

Романовский всецело разделял позицию Деникина и Алексеева и потому стремился пресекать ведение среди добровольцев промонархической пропаганды, что и обусловило возникновение слухов о начальнике штаба армии как о «республиканце» и «социалисте».

Именно на этой почве летом 1918 г. зародился один из наиболее острых межличностных конфликтов в истории южнорусского Белого движения – конфликт между И. П. Романовским и М. Г. Дроздовским. Последний, как известно, не скрывал своих монар-

хических убеждений и даже создал внутри своего знаменитого отряда тайную монархическую организацию. В июне 1918 г. штабом армии была пресечена попытка ее представителей – поручиков Н. Ф. Сигиды и В. Н. Белова – развить агитацию среди корниловцев и марковцев. Верный сподвижник Дроздовского Д. Б. Бологовский на страницах своих воспоминаний напрямую связывал провал этой акции с социалистическими симпатиями начальника штаба армии: «Романовский, вокруг которого группировалось все то социалистическое, что имелось в Ставке, никогда не мог простить Дроздовскому попытки откровенной монархической пропаганды» [13, с. 538].

Однако для того, чтобы правильно понять мотивы действий Романовского в данной ситуации, необходимо упомянуть случай, имевший место с другим крупным полевым командиром белых, без которого, как и без Дроздовского, невозможно представить себе летне-осеннюю кампанию 1918 г. на Кубани и Северном Кавказе, – А. Г. Шкуро. Принимая одну из прибывших к нему делегаций рабочих, знаменитый белый партизан на вопрос о целях, преследуемых Добровольческой армией, ответил, что та ведет борьбу «за освобождение от большевистского засилья, за землю, волю и Учредительное собрание» [15, с. 147]. Казалось бы, «эсеру» Романовскому подобные речи должны были прийти по душе. Однако вскоре после того, как ответ Шкуро стал известен командованию армии, тот был вызван в Ставку, где начальник штаба от имени Главнокомандующего сделал ему внушение за то, что тот вторгается в «область политики» [Там же]. Этот

инцидент как нельзя лучше показывает, что Романовский стремился бороться отнюдь не с монархическими симпатиями (которые, как увидим ниже, вполне разделял и сам) в среде добровольцев, но именно со «вторжениями в область политики» как справа («монархизм» Дроздовского), так и слева («демократизм» Шкуро) со стороны отдельных полевых командиров Добрармии, нарушавших провозглашавшийся ее командованием принцип «непредрешенчества».

Впрочем, вопрос о том, кем был сам генерал И. П. Романовский – монархистом или республиканцем, – остается открытым. На первый взгляд может показаться, что ответ очевиден, ведь мы уже убедились в критическом отношении Ивана Павловича к царскому режиму, а потому генерала можно было бы смело причислять к республиканцам и «февралистам». Казалось бы, отнюдь не о монархических симпатиях начальника деникинского штаба свидетельствуют и его слова о целях борьбы с большевизмом, приводимые в своих воспоминаниях полковником Б. А. Энгельгардтом: «не к монархии, не к возврату земли помещикам зовем мы русских людей, а хотим привести страну к Учредительному собранию – оно и только оно и может разрешить все эти вопросы...» [16, с. 209].

Однако неприязнь к конкретному монарху еще не означает негативного отношения к монархической форме правления как таковой. А потому данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего, обратим внимание, что в письме супруге от 10 июня 1918 г. Иван Павлович, комментируя информацию о своих якобы республи-

канских симпатиях, писал, что «распространяются такие слухи, меня причислили к эсерам и республиканцам» [10, с. 240], из чего можно заключить, что сам Романовский себя к эсерам и республиканцам не причислял.

Между тем правые симпатии (что в реалиях российской политики начала XX в. подразумевало именно симпатии монархические) начальника деникинского штаба подтверждаются целым рядом свидетельств современников. К примеру, уже упоминавшийся кадет К. Н. Соколов считал, что Романовский «по всему своему миросозерцанию ... был, несомненно, крепкий, правый человек» [11, с. 85]. Другой видный белый политик, член Правого центра князь Г. Н. Трубецкой прямо писал, что «Романовский, которого почему-то ославили как республиканца, такой же монархист, как и другие» белые генералы [12, с. 549]. Представителю Южной армии в ответ на упреки в республиканских симпатиях по адресу командования армии Добровольческой Иван Павлович однажды возразил: «... какие мы республиканцы, мы все монархисты...» [9, с. 358].

Пожалуй, наиболее подробную характеристику политических взглядов генерала дал сподвижник Б. В. Савинкова эсер К. М. Вендзягольский. По его словам, Романовский «был глубокий, умный человек, отличавшийся от прочих генералов точностью понимания действительности, очень современным взглядом на сущность революции и на задачи и цели контрреволюции, которая должна была состояться во имя высоких целей возрождения страны и государства. Ген. Романовский был убежденным монархистом,

будучи внимательным и умным свидетелем происходящего, он согласовал свои убеждения, чувства и даже вкусы с современностью. Поэтому он стремился глубоко обосновать контрреволюцию. Он понимал, что не физическое уничтожение революционеров дает контрреволюции фундамент, а только пробуждение в массах контрреволюционного духа и может и должно дать истинное возрождение родины. Всех тех контрреволюционеров, которым казалось, что революцию надо лишь схватить за горло и прикончить посредством нагана и нагайки, Романовский считал неврастениками и авантюристами, вызывающими опасения...» [4, с. 151 – 152]. К сожалению, Ивану Павловичу суждено было стать жертвой покушения со стороны именно последней категории монархистов.

При этом Романовскому, как и многим другим представителям правых политических взглядов дореволюционной России, был присущ антисемитизм. По свидетельству все того же А. И. Верховского, Иван Павлович был убежден, что «все эти гоцы, либеры, даны, нахамкесы и прочие» – это «евреи, которые распинают Россию» [3, с. 331]. Безусловно, подобные суждения не отличались глубиной понимания социально-политической ситуации, сложившейся в стране в 1917 г. Однако насколько же нелепыми на этом фоне выглядят обвинения генерала в принадлежности к «жидомасонству»!

Определенную «левизну» в социально-политических взглядах Романовского можно усмотреть разве что в его позиции по аграрному вопросу. Судя по всему, Иван Павлович не со-

чувствовал точке зрения правых, рассчитывавших добиться, полностью или частично, реставрации помещичьего землевладения. Генерал склонялся к мысли о необходимости признания итогов «черного передела» и передачи уже захваченной крестьянами земли в их частную собственность. По словам полковника Б. А. Энгельгардта, выступившего с подобной инициативой на одном из заседаний Особого совещания при Главкоме ВСЮР, Романовский был едва ли не единственным из присутствующих, кто сочувственно отнесся к его предложению [16, с. 246]. При этом Иван Павлович считал довольно маловероятной перспективу реализации данной меры на практике, поскольку прекрасно понимал, на какое сопротивление со стороны правых она натолкнется, а, по свидетельству К. Н. Соколова, «тех консервативных элементов, которые готовы были бы честно примириться с совершившимся земельным переделом», Романовский в России не видел [11, с. 229].

Мы солидарны с мнением А. А. Чемакина, полагавшего, что Иван Павлович придерживался в аграрном вопросе условно «левой» точки зрения «не потому, что был идейным левым либералом или уж тем более социалистом, а потому что считал предложения правых в аграрном вопросе ошибочными и даже опасными для перспектив Белого движения» [13, с. 173]. К этой ситуации как нельзя лучше подходит фраза К. Н. Соколова о том, что «его (Романовского. – В. Ц., В. Ж.) “левизна”, если о ней вообще возможно говорить, была левизной “по рассудку”» [11, с. 85].

Разумеется, ни о каких эсеровских симпатиях начальника деникинского штаба, которые, по справедливому замечанию орловского историка Р. М. Абинякина, применительно к Романовскому выглядят «совершенно фантастически» [1, с. 373], речи идти не может (как известно, земельная программа партии социалистов-революционеров предусматривала обобществление (социализацию) земли, а отнюдь не передачу ее крестьянам в частную собственность). Пожалуй, можно говорить о том, что Иван Павлович в данном случае предвосхитил один из важнейших документов врангелевской «левой политики правыми руками» – знаменитый «Закон о земле» от 25 мая 1920 г.

Заключение. На наш взгляд, генерал-лейтенанта Ивана Павловича Романовского можно уверенно охарактеризовать как представителя умеренно правых политических взглядов. Ему, несмотря на довольно критическое отношение к царскому режиму, несомненно, были присущи монархические симпатии. Вместе с тем начальник деникинского штаба прекрасно понимал, что в условиях Гражданской войны официальное провозглашение монархического лозунга южнорусским Белым движением было способно лишь повредить делу сопротивления большевизму, поскольку данная мера неизбежно спровоцировала бы раскол в рядах противников большевиков. Именно поэтому (а вовсе не вследствие якобы разделявшихся им «республиканских» и «социалистических» убеждений) Иван Павлович, твердо отстаивавший принцип «непредрешения» будущей формы правления,

стремился пресекать ведение среди бойцов Добровольческой армии (а впоследствии – и Вооруженных Сил на Юге России) промонархической пропаганды.

Однако монархические симпатии Романовского вовсе не означали его принадлежности и идейной близости к черносотенцам. Напротив, по многим вопросам политического и социально-экономического устройства будущей России (в частности, аграрному) он разделял точку зрения их политических противников – либералов. В связи с этим мы склонны согласиться с мнением А. А. Чемакина, полагавшего, что взгляды Ивана Павловича

«можно охарактеризовать как национально-либеральные или либерально-консервативные», поскольку генерал «сочетал условно либеральную, “прогрессивную” позицию в вопросах социальной политики с идеей восстановления великодержавной России» [13, с. 172]. К сказанному уважаемым историком добавим лишь, что восстановление «великодержавия» России для Романовского означало не только восстановление территориальной целостности огромной империи, распавшейся в ходе революционной катастрофы, но и установление в стране после победы над большевиками твердой и сильной верховной власти.

Библиографические ссылки

1. Абинякин Р. М. Генерал-лейтенант И. П. Романовский // Белое движение: исторические портреты / сост. А. С. Кручинин. М. : АСТ, 2014. С. 366 – 403.
2. Баринов И. И. Смерть в Константинополе: новые версии убийства генерала Романовского, 1920 г. // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21). С. 275 – 286.
3. Верховский А. И. На трудном перевале. Записки военного министра. М. : Вече, 2019. 464 с.
4. Гуль Р. Б. Кто убил генерала Романовского? // Р. Б. Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции. В 3 т. Т. 2. Россия во Франции. Нью-Йорк : Мост, 1984. С. 143 – 152.
5. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. В 2 т. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа – 6 ноября 1917 г. : сб. док. и материалов / под ред. Г. Н. Севостьянова ; отв. сот. Ю. Г. Орлова ; сост. О. К. Иванцова, М. В. Тихонова, В. М. Хрусталева. М. : МФД, 2003. 592 с.
6. Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Вече, 2016. 320 с.
7. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Полное издание в одном томе. М. : Альфа-книга, 2020. 1452 с.
8. Калинин И. М. Русская Вандея. М. : Вече, 2023. 480 с.
9. Раевский Н. А. 1918 год. М. : Вече, 2020. 400 с.
10. Романовский И. П. Письма 1917 – 1920 годов // А. А. Столыпин. Дневники 1919 – 1920 годов. И. П. Романовский. Письма 1917 – 1920 годов. М. –

Брюссель : Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL : Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011. С. 167 – 294.

11. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. М. : Вече, 2023. 432 с.

12. Трубецкой Г. Н. Воспоминания русского дипломата / сост., вступ. ст., коммент. К. А. Залесского. М. : Кучково поле, 2020. 800 с.

13. Чемакин А. А. «Анонимный центр». Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918 – 1920). М. : Кучково поле Музеон, 2020. 640 с.

14. Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб. : Алетейя, 2011. 88 с.

15. Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М. : Вече, 2016. 320 с.

16. Энгельгардт Б. А. Контрреволюция / под науч. ред. С. Г. Шиловой. М. : Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. 320 с.

V. Zh. Tsvetkov, V. S. Zhukov

**"I WAS RANKED AMONG THE SOCIAL-REVOLUTIONARIES
AND REPUBLICANS": ON THE QUESTION OF THE POLITICAL VIEWS
OF LIEUTENANT GENERAL I. P. ROMANOVSKY**

The article, based on numerous historical sources, attempts to characterize the political views of one of the leaders of the South Russian White Movement – the chief of Staff of the Volunteer Army and, subsequently, the Armed Forces in the South of Russia, Lieutenant General Ivan Pavlovich Romanovsky. The most diverse (including frankly erroneous and absurd) ideas about his political beliefs and sympathies were spread among the general's contemporaries. Romanovsky was classified as a "freemason", "socialist", "republican", it was believed that he secretly sympathized with the socialist – revolutionaries and was even a member of this political party. Such speculations and rumors, which actually had no convincing evidence and justification, nevertheless became an integral part of the "black legend" about Romanovsky as the "evil genius" of General A.I. Denikin and, in general, the entire South Russian White movement and subsequently played an important role in the tragic death of Ivan Pavlovich in the spring of 1920 in Constantinople, by the hand of a right-wing terrorist, a member of the secret monarchist organization M.A. Kharuzin. The relevance of the study is due to the fact that, despite the active and sustained interest of modern researchers in the history of the White Movement as a whole, General I.P. Romanovsky still remains perhaps the least studied figure among the major figures of the Russian counterrevolution of the Civil War era of 1917 – 1922.

Keywords: Ivan Pavlovich Romanovsky, The Civil War in Russia, the White Movement, the Volunteer Army, the Armed Forces in the South of Russia, political views.

**ПОМЕЩИЧИЙ ВОПРОС И ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
(ПО ДАННЫМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1919 ГОДА)**

Статья посвящена вопросам организации и проведения городских выборов в условиях Гражданской войны на Юге России. На примере электоральной кампании в Полтаве осени 1919 года рассматриваются основные тенденции выборов, в том числе активное противостояние групп квартиранимателей и домовладельцев. Одним из важнейших факторов выборов в Полтаве стал помещичий вопрос. В дискуссиях о выборах принимали активное участие помещики, большей частью оставшиеся анонимными и имевшие существенное значение среди полтавской общественности.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Полтавская губерния, помещики, Белое движение, городские выборы, периодическая печать.

Полтавская земля – земля помещиков. В условиях Гражданской войны в России данный фактор имел большое значение как в пропаганде, так и в местных политических процессах. Одним из таких процессов стали городские выборы на Белом Юге России в 1919 году. Выборы на освобожденных землях были для белых актом легитимации власти в глазах местного населения.

Полтавский наблюдатель в конце сентября 1919 года так описывал старый губернский центр: «Красивый цветущий город Полтава в последнее время превратился в какое-то грязное, темное пятно среди окрестных прекрасных полей. Будто в оправу этих полей по ошибке вставлен серый мутный камень, который тускло смотрит на чистое, солнцем облитое небо. Правда все улицы в зелени, правда дома утопают в садах, но присмотритесь внимательнее! До какой степени изломаны, испорчены тротуары, какое зло-

воние издают те небольшие канавки, которые тянутся параллельно тротуарам, какие темные грязные лужи вытекают на улицы со всех дворов, сколько мусора и грязи во дворах, сколько дохлых собак и кошек постепенно разлагаются в некоторых канавах» [17].

Для властей было очевидно, что упорядочение власти – задача момента. И в этом вопросе особую роль сыграло мнение местных помещиков. «Главная задача момента – это создать власть на местах, власть – грозу преступников и надежду законопослушных граждан, – писала некая помещица на страницах полтавской газеты. – При наличии такой власти совершенно изменится физиономия деревни, так как получают возможность проявлять себя те деревенские элементы, которые вот уже третий год придавлены и молчат. К сожалению, и среди помещиков многие охотно говорят об отчуждении по справедливой оценке. Конечно, нелегко приниматься в теперешних усло-

виях за восстановление хозяйства, надевать тот хомут, от которого и раньше часто болели плечи; многим невольно хочется, чтобы состоялось гибельное для страны принудительное отчуждение, представляется заманчивым резать купоны где-нибудь на берегу моря; не следует только смешивать два понятия: благородный отказ от права и малодушный отказ от долга. Многие помещики все это понимают, но молчат страха ради иудейска, смущаются тем обвинением, которое будет брошено им за каждое трезвое и независимое слово, остаётся пожелать им столько же гражданского мужества, сколько военной доблести проявляют их сыновья и братья в Добрармии» [23].

В освобожденной в августе 1919 года Полтаве вопрос о выборах встал приблизительно в одно время с остальными центрами. Крупный, многолюдный центр крупной помещичьей губернии, «весь утонувший в зелени и пыли», этот город продемонстрировал другую грань муниципальных кампаний в условиях Гражданской войны [14].

В отличие от многих урбанизаций, Полтава оказалась городом, в котором существовали сильные позиции регионального отделения кадетской партии, было крупное лобби городских квартиранимателей, а помещики, владевшие в губернии обширным количеством земель, постоянно подвергались критике. По этой причине в центре внимания полтавской общественности были земельный и крестьянский вопросы. Помимо существовавших официозов в лице «Полтавских губернских ведомостей», ос-

новная часть информации о городе черпалась из достаточно оппозиционного «Голоса Юга», к которому крайне критически относилась губернская администрация в лице губернатора Ставицкого, вступившего в должность 17 августа, а также его заместителя вице-губернатора Панчулидзева.

В начале сентября 1919 года постановлением начальника управления внутренних дел для Полтавской губернии было утверждено общее количество городских гласных, которых предполагалось избрать осенью. В числе городов перечислялись сама Полтава (68 гласных), Кременчуг (101), Ромны (45), Прилуки (44), Лубны и Миргород (по 32), Пирятин (31) и другие города. Всего в 16 городах должны были избрать 589 членов городских дум [3].

Выборы в самой Полтаве были назначены на 1 декабря 1919 года (по старому стилю) [1]. По времени они должны были совпасть с предполагаемыми выборами в Киеве, Одессе и ряде других городов. Ряд газет опубликовали для всеобщего сведения Временное положение о выборах, снабдив его надеждой, чтобы «новый закон помог Полтаве выбрать достойных гласных, могущих оказать содействие этому городу выйти из критического почти безвыходного положения, в которое поставили его революционное безвременье и большевики» [20].

В начале октября городские чиновники приступили к составлению списков избирателей, разделив город на 5 избирательных участков, соответствующих числу полицейских участков [2]. Составление списков совпало с нападением банд большевиков на го-

род, что на некоторое время отвлекло внимание служащих от подготовки к выборам. Удивительно, но аналогичное нападение большевиков на Киев не внесло корректив в планы о выборах. Однако важно, что прифронтовая линия там проходила на границе городской черты. Положение Полтавы признавали более устойчивым. Вместе с тем в городе были и огромные экономические проблемы, ухудшавшиеся влиянием спекулянтов («зараза спекуляции является такой страшной, она так проникает всюду» [26]), а сам город не представлял из себя какой-то безопасный центр. Даже по ночам в городе как будто не было заметно даже вооруженных патрулей [18].

Дискуссия о выборах вместе с тем не утихала. Профессор И. Малиновский в одной из своих статей проводил мысль, что будущий государственный строй «мыслим не иначе, как в форме широкого народоправства», которое он считал «аксиомой нашего будущего государственного бытия» [15].

Свои списки на выборы решил выдвинуть местный Союз квартиронанимателей [10]. У них был свой козырь. Как и в других городах, квартиронаниматели не входили в коалиции с домовладельцами из-за разных коммерческих целей. В Полтаве это приобрело еще более ожесточенную форму, когда в начале сентября был принят квартирный закон, который сразу вызвал резкую критику квартиронанимателей, которые требовали дополнить его положение о временной отсрочке выселения жильцов из занимаемых квартир. «Пользуясь изъятием этих помещений от действия квартирного

закона, владельцы их непомерно повышают плату за них, что, несомненно, повлечёт за собой повышение платы на все товары, к чему, конечно, торговцы будут вынуждены прибегнуть вопреки принимаемым правительством мерам к удешевлению товаров», – говорилось в заявлении квартиронанимателей [11]. По понятным причинам данный вопль не был услышан особым совещанием, но Союз не оставлял попыток донести позицию, постоянно напоминая о том, что закон не совершенен. Когда словесные средства перестали приносить пользу, общественники решили выдвинуть своих кандидатов на муниципальные выборы. Однако неорганизованность членов объединения приводила к тому, что им приходилось собираться несколько раз для принятия окончательного решения о выдвижении кандидатов [8]. На одном из таких заседаний руководство Союза даже выдвинуло идею, что «при нынешней разрухе во всех отраслях нашей хозяйственной жизни при разыгравшихся страстях двух противоположных политических течений весьма важно для каждого из нас, кто войдёт в думу и какая в ней предстоит работа: будет ли думская трибуна представлять собой только говорильню с выпадами по адресу тех или иных партий или же с неё будут раздаваться призывы к плодотворной серьезной деловой работе. Состав гласных зависит от нас самих» [7].

Чтобы хоть как-то упрочить свое положение среди возможных кандидатов на посты гласных, квартиронаниматели и лица им сочувствующие даже прибегли к интересному способу агитации – они не только поддержали

действия властей (хотя кроме квартирного вопроса они действительно стояли на государственных позициях), но и отметили достоинства своих главных конкурентов, в которых они видели две господствующие партийные политические силы – имеется в виду Союз возрождения России и Всероссийский национальный центр. Квартиронаниматели отмечали: «Собственно говоря, если не принимать во внимание крайне правых, с одной стороны, и большевиков – с другой, то этими двумя группами и исчерпывается нынешняя дислокация нашей политической общестственности, – говорилось в передовице газеты. – А так как всякая общественность стоит почти в неразрывной зависимости от своей политической распланировки, то волей-неволей при составлении списков придётся руководствоваться именно этими группировками, хотя бы и видоизменив названия их. Ибо всякие иные, вроде союзов домовладельцев или квартиронанимателей, во-первых, крайне случайны, а во-вторых, коснее и вреднее даже кастовой обособленности». Отмечая это, агитаторы обратили внимание: если Союз возрождения и Национальный центр являются главными партийными структурами, то «разве не могут быть полезные люди и среди квартиронанимателей, и среди домовладельцев?» [13].

Местная избирательная комиссия подсчитала, что правом голоса могут обладать лишь 30 598 человек, весьма неравномерно распределенных между всеми участками [9].

Характерно, что в отличие от избирателей в других городах, которых агитировали приходиться на выборы

под лозунгом достижения возможностей для взаимодействия с администрацией, полтавские избиратели призывались на выборы для решения конкретных социальных вопросов. Несмотря на заявления руководства губернии о восстановлении деятельности местного самоуправления в полном объеме, об этом в реальности говорить не приходилось. Земские учреждения не были восстановлены (или их работа не приносила существенных результатов), а городские служащие, особенно с началом холодов, были скорее готовы оставаться в теплых помещениях на работе, нежели возвращаться по холодам на окраины города, где не хватало отопления [19]. Кроме того, активные общественники умудрялись отстаивать позицию, которая больше подходила для мирного времени, но никак не могла соответствовать реалиям гражданской войны: «Самой администрации нужен аппарат для налаживания местной жизни. Он должен пользоваться независимостью, чтобы быть жизненным, должен быть взят из местных жителей, чтобы знать условия жизни, должен быть выборным, чтобы внушать доверие населению, – это азбука самоуправления» [4].

И если вопрос о независимости (или, вернее, о большей автономности) местного самоуправления поднимали в основном лишь «горячие головы», то большинство избирателей все же волновал вопрос об отоплении. Он касался всех. Эта проблема была настолько острой, а ее решение было настолько необходимым, что она стала одним из лозунгов и требованием для тех гласных, которых предстояло избрать. Это был «жгучий вопрос», так же как и не-

достаточность снабжения города хлебом (цены на хлеб были очень высокими на местных базарах не из-за спекуляции, а от неустойчивости валютного курса и отсутствия постоянного снабжения, на что повлиял и низкий урожай 1919 года по сравнению с предыдущим годом [24; 25]). «Голос Юга» утверждал, что управа «все менее считается с нуждами беднейшей части населения» и был уверен: «Мы вправе ожидать, что избиратели вряд ли снабдят полномочиями большинство тех же лиц, которые теперь стоят во главе города» [12].

Обобщив нужды населения в ряд предвыборных тезисов, 16 ноября представитель квартиронанимателей В. М. Воронов сообщил в беседе с «Голосом Юга», что «пора освоиться с мыслью о том, что если мы сами не улучшим нашего положения, то никакая внешняя сила не покормит, не обогреет и не оденет нас... Мало выбрать людей энергичных и способных и потом сложить руки и ждать всяких благ, надо чтобы население и после выборов помогло своим избранныкам всеми средствами». Программу новой думы он выразил в нескольких пунктах: «1) накопление топлива и предметов первой необходимости и справедливое распределение их среди населения; 2) принятие решительные мер к обеспечению личной безопасности; 3) энергичное вмешательство в отношения между квартиронанимателями и домовладельцами; 4) дальнейшее развитие культурных пониманий городского самоуправления». Обобщая сказанное, Воронов предложил несколько лозунгов, которые соответствовали бы моменту: «Больше объ-

единения, меньше розни. Больше взаимных уступок, меньше непримиримости. Больше доверия, меньше заподозрений. Больше доброжелательства и меньше озлобления. Больше дела и меньше слов» [10].

Не успел Воронов обобщить предвыборные лозунги, как на следующий день, 17 ноября, в здании местного Дворянского собрания собрались 40 представителей местной ячейки партии кадетов во главе с их председателем Я. К. Имшенецким (его брат был членом городской комиссии). Малочисленность собрания даже заставила руководителя собрания поставить вопрос о том, можно ли считать собрание состоявшимся. Вопрос был решен положительно. Вопрос о выборах, бывший центральным на заседании, касался всего актива партии. Поэтому и было решено, что в этих выборах кадеты должны «интенсивно участвовать». Присутствующий на заседании Л. А. Ефимович выразил позицию однопартийцев интересной речью, в которой отметил важность привлечения общественных сил в «переустройство местного управления», но только тех, кто «не колебал бы основ национальной диктатуры, объединяющей около себя всех государственно мыслящих людей». «Диктатурой нации» назвал оратор «великую историческую миссию – объединения России, восстановления власти, подавления мятежных и анархических элементов. После того как это будет достигнуто, диктатура исключается и государство переходит к конституционной жизни». При этом в его понимании нация определяется не в этническом, а в государственном смысле. Тесленко в своей речи отме-

тил, что «общество призывается к управлению, призывается в городские самоуправления на началах всеобщего избирательного права. Реформы, принимаемые властью, демократичны по своему существу».

На заседании присутствовали и представители центрального аппарата Национального центра. Один из них – член ЦК Национального центра А. Д. Дугин подтвердил, что в понимании руководства организации «городские выборы приобретают чрезвычайное значение». Затем продолжил: «Деятельность городских и потом земских самоуправлений, избранных на началах всеобщего избирательного права, будет, так сказать, пробным шагом новой общественности. Они покажут, что ждёт Россию в будущем. Необходима самая плодотворная работа на местах для воссоздания разрушенного. Распоряжений из центра мало, эти распоряжения на местах могут претвориться в нечто другое, местное. Нужно объединение общественных сил, которое, не питая

надежды на восстановление старого порядка, отрешилось бы и от производства социалистических экспериментов». В итоге местная ячейка партии выдвинула список из 102 кандидатов во главе с Я. К. Имшенецким и готова была идти на выборы [21].

Организационная работа к тому моменту уже подходила к своему завершению. В начале ноября были изготовлены избирательные карточки, за которыми каждый избиратель при предъявлении удостоверения личности должен был прийти на избирательный участок [16]. Была сформирована городская избирательная комиссия из пяти местных общественных деятелей [5] и установлен срок, когда комиссия должна была получить итоговые списки кандидатов в гласные [22]. Однако наступление Южного фронта РККА и усилившееся давление на вооруженные силы в районе Полтавы сами собой отменили избирательную гонку, выборы в итоге не состоялись. В конце декабря 1919 года город был взят Красной Армией.

Библиографические ссылки

1. Выборы в городскую думу // Голос Юга (Полтава). 1919. 28 сент. № 43. С. 2.
2. Выборы в думу // Там же. 1919. 4 окт. № 47. С. 4.
3. Гласные городских дум // Там же. 1919. 6 сент. № 26. С. 4.
4. Земское самоуправление // Там же. 1919. 1 нояб. № 67. С. 4.
5. Избирательная комиссия // Там же. 1919. 17 нояб. № 81. С. 6.
6. К выборам в городскую думу // Там же. 1919. 16 окт. № 54. С. 4.
7. К городским выборам (в союзе квартиранимателей) // Там же. 1919. 26 окт. № 62. С. 4.
8. К выборам в городскую думу (в союзе квартиранимателей) // Там же. 1919. 9 нояб. № 74. С. 4.
9. К городским выборам // Там же. 1919. 24 окт. № 60. С. 4.
10. К городским выборам // Там же. 1919. 16 нояб. № 80. С. 4.
11. К квартирному вопросу в Полтаве // Там же. 1919. 5 сент. № 25. С. 4.

12. К предстоящим городским выборам // Там же. 1919. 31 окт. № 66. С. 4.
13. К предстоящим выборам // Там же. 1919. 10 нояб. № 75. С. 1.
14. Кобецкий О. По Новой России (путевые впечатления) // Объединение (Киев). 1919. 13 (26) сент. № 15. С. 1.
15. Малиновский И. Народопрравство и диктатура // Голос Юга (Полтава). 1919. 20 окт. № 58. С. 3.
16. На выборах в городскую думу // Там же. 1919. 13 нояб. № 77. С. 6.
17. Наша Полтава // Там же. 1919. 28 сент. № 43. С. 2.
18. Там же. 1919. 18 окт. № 56. С. 4.
19. Там же 1919. 24 окт. № 60. С. 3.
20. Новый закон о выборах городских гласных // Там же. 1919. 16 окт. № 54. С. 1.
21. Общее собрание Партии народной свободы // Там же. 1919. 19 нояб. № 82. С. 3 – 4.
22. Подача кандидатских списков // Там же. 1919. 15 нояб. № 79. С. 4.
23. Помещица. К земельному вопросу. Письмо в редакцию // Там же. 1919. 24 сент. № 40. С. 3.
24. Урожай хлеба в 1919 г. // Там же. 1919. 18 сент. № 35. С. 1.
25. Урожай хлебов в Полтавской губернии в 1919 году (по сообщениям уездной статистики) // Там же. 1919. 18 сент. № 35. С. 2.
26. Яд спекуляции // Там же. 1919. 6 окт. № 48. С. 1.

V. V. Cheremukhin

**THE LANDSCAPE QUESTION AND POLTAVA PROVINCE IN THE CIVIL WAR
(BASED ON DATA OF THE ELECTORAL CAMPAIGN OF 1919)**

The article is devoted to the issues of organizing and conducting city elections during the Civil War in the South of Russia. Using the example of the election campaign in Poltava in the fall of 1919, the main trends of the elections are examined, including the active confrontation between groups of tenants and homeowners. One of the most important factors in the elections in Poltava was the landowner question. Landowners took an active part in the discussions about the elections, mostly remaining anonymous, and had significant importance among the Poltava public.

Keywords: Civil war in Russia, Poltava province, landowners, White movement, city elections, periodicals.

ПОЭТОНИМИКОН ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ЗИНАИДЫ ДУДЮК «СЫНЫ РАРОГА»

В статье рассмотрена структура и семантика ономастического пространства романа Зинаиды Дудюк «Сыны Рарога». Определена прагматическая значимость заглавия, отнесённого к идейно-характеристическому типу. Выявлена семантическая нагрузка прямоговорящих и косвенноговорящих антропонимов. Охарактеризована поэтикоономастическая функция компонентов периферийного ономастикона (мифонимов, геортонимов, топонимов, космонимов и др.), позволяющих передать особенности видения мира представителями языческой и христианской культуры.

Ключевые слова: антропоним, языческое имя, христианское имя, космоним, топоним, мифоним, библионим, экклезионим.

В романе Зинаиды Дудюк «Сыны Рарога» воссоздаются неизвестные страницы древней славянской истории – противостояние славянского племени рарогов франкам и данам. Писательница, опираясь на сведения, представленные историками, рассказывает о славянских племенах рарогов, венедов, полабов, лютичей, которые занимали огромные территории Европы. Автор повествует о войнах, политических союзах, вере предков. Зинаиде Дудюк удаётся воссоздать особенности видения мира славянами-язычниками и франками-христианами. Решается эта задача во многом путём актуализации в контексте исторического романа прагматической зоны семантики поэтонимов – языческих и христианских имён персонажей, мифонимов, агионимов, топонимов, космонимов.

Изучение семантики и стилистической роли именослова исторической прозы необходимо для постиже-

ния идейно-художественного содержания произведения о событиях и героях прошлого. В современной литературной ономастике появились исследования жанрообразующей роли имён собственных в исторической прозе классиков отечественной литературы [2; 6; 8] и современных авторов [3; 7]. Но поэтонимикон исторической прозы Зинаиды Дудюк пока не был изучен ономатологами с точки зрения структуры, семантики, прагматической значимости, стилистических функций.

Цель представленной работы – выявление культурно-исторической специфики именослова романа Зинаиды Дудюк «Сыны Рарога», прагматической нагрузки антропонимов и периферийных онимов. В исследовании впервые осуществлено полное ономапоэтическое и лингвопрагматическое описание компонентов поэтонимикона романа Зинаиды Дудюк. Обосновано, что семантико-стилистическая специ-

фика ономастического пространства романа предопределяется жанровой природой исторической прозы, тематикой и сюжетом произведения об истории древних славянских племён.

Теоретическое значение исследования в том, что оно раскрывает роль имён собственных в произведениях, написанных в жанре исторической прозы. Материалы работы могут быть использованы в вузовских курсах филологического анализа художественного текста и литературной ономастики.

Название произведения, как писал Ю. Карпенко, является «самым главным собственным именем, центром ономастического пространства» [5, с. 260]. Заглавие романа «*Сыны Рарога*» относится к идейно-характеристическому типу: является образным, оценочным именованием главных героев – славян-рарогов. В этнониме отражен отголосок представлений о тотемном предке славянского племени. Мотивация имени племени актуализируется в диалоге князя Дражки и ведуна Святослава:

– *Рароги – сыновья огненного Сокола, который оберегает наше племя издревле, вселяет храбрость в души, дает силу, веру и надежду. Далеко простирались владения предков на море и на суше, даже даны платили нам дань в свое время.*

– *Понял я, почему у отца был перстень с изображением сокола, который он использовал вместо печати* [4, с. 31].

От тотемного предка – огненного сокола Рарога – славянские князья, воины, прекрасные женщины получили мужество, чтобы защищать свою землю, бороться с сильными врагами;

силу – чтобы искать свою любовь, оберегать любимых от невзгод.

Ядро поэтонимикона романа Зинаиды Дудюк – имена реальных исторических личностей. **Онимы-современники** – имена правителей, жизнь которых приходится на время разворачивания событий романа: князь рарогов *Дражка*, короли Франкии *Карл, Пипин, Людовик*, императрица Византии *Ирина* и ее сын *Константин*, папа Римский *Лев III*, ученые Палатинской академии *Алкуин, Адальгард, Павлин Аквилейский, Теодульф Эрманский*, халиф Багдада *Харун-ар-Рашид*, конунги данов *Хорик, Харальд Клак*.

Особенностью творческого осмысления истории в романе брестской писательницы является приём актуализации внутренней формы имени исторической личности. Мировидению древних славян была свойственна вера в креативную (созидательную) природу имени, которое определяло судьбу властителей. Имя князя рарогов – **Витьслав**. Автор исторического романа рассказывает о том, что в древности славяне словом *вить* называли лыковый венок – знак сбора соплеменников на войну. Гонцы ездили с ним по селениям, собирая мужчин в поход. Рассказ о судьбе славянского племени в романе «*Сыны Рарога*» раскрывает смысл имени князя ободритов, который провел жизнь в военных походах и умер на поле боя. Значимость имени-композиата, образованного слиянием основ *вить* (знак войны) и *слав*, предопределила судьбу славного воина.

Креативная (созидательная) природа названия нашла воплощение в **соименовании**. В древнем социуме

имена были показателями родственных отношений, содержа в своём составе общие структурные компоненты, что передано в антропонимиконе романа: князь рарогов носят имена *Дражка* и *Челодраг*, а их родственник князь лютичей – имя *Драговит*.

Обычай называния представителей правящих династий наследственными именами существовал и в королевстве франков, что отражено в романе Зинаиды Дудюк: имена правителей королевства франков – *Карл* и его сын *Карл младший*, *Пипин* и его внук *Пипин Горбатый*. Прозвище в составе антропоформулы передаёт информацию о физическом недостатке правителя.

Мировоззрение героев романа выражают **имена-ретроспекции**, называющие исторических деятелей древних эпох. Так, в рассуждениях Карла Великого и его соратников, стремящихся создать великую империю в Европе, звучат имена мудрецов и ученых *Августина*, *Цицерона*, *Тацита*, апостола *Павла*, библейского царя *Давида*, императора *Юстиниана*.

Имена литературных героев, созданных воображением писательницы, соответствуют моделям именования славянского языческого ономастикона. Такие поэтонимы – репрезентанты коннотации социальности. Представители высших сословий названы онимами-композициями: жрец Велесовой дубравы *Святослав*, дружинник *Ратибор* и его дочери *Веснолюба* и *Мирослава*. Представители низших слоёв социума – носители отапеллятивных прозвищ *Берёза*, *Огнян*, *Златица*.

В исторической прозе Зинаиды Дудюк поэтонимы выполняют художе-

ственную функцию, становясь «говорящими» именами. С точки зрения степени семантической активности (классификация А. Ф. Рогалева) в их числе отмечаются **прямоговорящие поэтонимы**, при создании которых используется приём прямой рационально-логической характеристики образа именем собственным. Так, именем-характеристикой мужественного воина является оним *Ратибор*. Апеллятивы, лежащие в **основе косвенно-говорящих поэтонимов**, контекстуально соотносятся с моральной характеристикой персонажа, родом его деятельности. Косвенноговорящим именем наделена одна из главных героинь романа – языческая жрица *Берёза*. Это дерево в мифопоэтической модели мира выступает как растение-охранник и медиатор между миром живых и миром умерших [1, с. 56]. Жрица храма Велеса *Берёза* во время погребального обряда помогает княгиням перейти в царство мертвых к умершему мужу: даёт волшебный напиток из маленького кувшина, и вдова идет к кострищу, в котором горит покойник-князь. *Берёза* становится помощницей молодых князей рарогов: обращаясь к родителям-покойникам, помогает правителям найти выход из сложных жизненных ситуаций. Охарактеризованный поэтоним, на наш взгляд, относится к именам с мифологическим подтекстом.

Имя возлюбленной князя Славомира – *Веснолюба*. Оним-композиция образован путём сложения основ лексем *весна* и *любовь*. Юная красавица подарила молодому князю радость первой любви. Весна не зря ассоциируется с молодостью и первым любовным чувством. Самые счастливые дни

юности князя рарогов были связаны с возлюбленной. После нападения данов на поселение девушку увели в плен. В поисках любимой Славомир направляется в святилище Световита на остров Руян, где видит вещий сон о её гибели. Узнав о смерти *Веснолюбы* на пути из плена, Славомир теряет ощущение ценности жизни и в скором времени умирает.

Видение мира славянами-язычниками помогают передать «фонные» **они́мы** – мифонимы, геортонимы, топонимы, космонимы. Ощущение окружающего мира, руководимого богами, наполненного духами, живущими в реках, лесах, ручьях, представлено в произведении пейзажными зарисовками, насыщенными мифонимами: *Велес, Рарог, Лесовик, Доля, Недоля, Мокошь, Перун, Суденицы, Род, Лада, Купала, Хорс, Чернобог, Световит, Ляля*. Контекст исторического романа актуализирует энциклопедическую информацию геортонимов – наименований языческих праздников: *Сороки, Конская неделя, Купалье*. Именами богов-опекунов племени мотивировались названия поселений и небесных светил – **топонимы** и **космонимы**. В романе рассказывается о том, что название городища рарогов *Велегард* происходит от имени бога *Велеса*, изображение головы которого украшало главные ворота укрепления. Слобода торговцев называлась *Рарогом* от имени огненного *Сокола*. Название созвездия *Волосожары* происходило от имени бога *Велеса*.

Топонимическое пространство романа Зинаиды Дудюк детерминиро-

вано мифологическими представлениями о двойственности мира. Маркером «того» света, куда попадают умершие, является топоним *Вырай* – древнее название рая, сказочного края, волшебного царства, блаженной теплой страны. Компонент сакрального топонимикона *Алатырь-камень* – священный камень, «всем камням отец», пуп земли, который наделен целебными свойствами. Посещая *Велесову дубраву*, князя рарогов приносили подарки *Алатырь-камню*, прося благоприятствования в походе против врагов.

Репрезентанты христианской культуры королевства франков – употреблённые в речи короля и его единомышленников **теонимы** (*Господь, Отец Небесный*), **агионимы** (*Иисус Христос, святой Пётр, святой Августин*), **библионимы** («*О граде Божиим, Евангелие*»), **эклезионимы** (*церковь Гроба Господня, храм святого Петра*), **геортонимы** (*Рождество Иоанна Предтечи, Пасха*).

Зарисовки жизни древних государств помогают создать устаревшие имена собственные, прежде всего топонимы. В их числе нами выделены **археонимы**: собственно лексические, полностью отличающиеся от современных названий (*Свейское* (совр. *Балтийское*) *море, Константинополь* (совр. *Стамбул*)), и **лексико-фонетические**, отличающиеся от топонимов нашего времени звучанием (*Лаба* (совр. *Эльба*), *Рома* (совр. *Рим*)). Важный компонент ономастикона романа – **историонимы**, именующие не существующие ныне государства: *Лангобардское королевство, Карантания, Королевство франков, Священная Римская*

империя. К историонимам относится наименование *Палатинская академия* – школа при дворе императора Карла Великого, объединившая учёных, поэтов, художников, которые изучали науки и искусство, античное наследие.

Таким образом, поэтонимы романа Зинаиды Дудюк «Сыны Рарога» выполняют культурно-историческую

функцию. Автор нередко оживляет для читателей внутреннюю форму антропоэтонимов – языческих, христианских имён, прозвищ. Атмосферу жизни раннефеодальных государств и мировидение славян-язычников и франков-христиан передают компоненты периферийного ономастикона – мифонимы, теонимы, агионимы, эклезиионимы.

Библиографические ссылки

1. Беларуская міфалогія : энцыклап. слоўнік / склад. І. Клімковіч. Мінск : Беларусь, 2006. 599 с.
2. Бут-Гусаим С. Ф. Культурно-историческое своеобразие ономастического пространства исторической прозы Юзефа Крашевского и Анатолия Бутевича // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2023. № 1 (37). С. 43 – 51.
3. Бут-Гусаим С. Ф. Ономастикон исторического романа Анатолия Бутевича «Королева не изменяла королю» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (42). С. 146 – 150.
4. Дудюк З. И. Сыны Рарога // Молодость. 2023. № 4. С. 28 – 137.
5. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Літературна ономастика. Одеса : Астропринт, 2008. С. 205 – 220.
6. Рогалев А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель : Барк, 2007. 224 с.
7. Свиридович К. В. Именослов романа Ольги Ипатовой «Золотая жрица Ашвинов» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2023. № 4. С. 73 – 80
8. Шур В. В. Онім у мастацкім тэксце. Мінск : Кнігазбор, 2006. 216 с.

S. F. But-Gusaim

THE POETONYMICON OF THE HISTORICAL NOVEL ZINAIDA DUDYUK "SONS OF RAROG"

The article examines the structure and semantics of the onomastic space of Zinaida Dudyuk's novel "Sons of Rarog". The pragmatic significance of the title relating to the ideological and characteristic type is determined. The semantic load of direct-speaking and indirect-speaking anthropoethonyms is revealed. The poeticonomastic function of the components of the peripheral onomastic (mythonyms, georhonyms, toponyms, cosmonyms, etc.) is characterized, allowing to convey the features of the vision of the world to representatives of linguistic and Christian culture.

Keywords: anthropoethonym, linguistic name, Christian name, homonym, toponym, mythonym, bibleonym, ecclesionym.

**РОДИНА, ЛЮБОВЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУША В ЛИРИКЕ
ВИКТОРА КРУПНИКА: ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И АНАЛИЗА**

В статье проанализированы стихи «С иронией...», «Это наш был мотив...», «На вершине любви...», взятые из сборника «Зелёный остров» Виктора Крупника, московского поэта-эмигранта XX века, в которых отразилась человеческая душа, умеющая любить родину и народ. На основе авторской теории и практики интерпретации и анализа лирического произведения определена структура анализа, в которой важную роль играет сопряженность дотекстовой фоновой информации с сильными позициями, а лексических единиц, ритма и рифмы, средств выразительности – с их влиянием на определение темы и идеи произведения, динамику развития характера лирического героя, а значит, и на широкие философские обобщения читателя, формирующие его мировоззрение.

Ключевые слова: В. Крупник, стихи, интерпретация, анализ, родина, любовь, душа.

Введение. Занимаясь уже более тридцати лет вопросами анализа и интерпретации художественного текста и отмечая его интенсивное развитие как в области литературоведения, так и в области смежных дисциплин, в том числе философии, культурологии, лингвистики, психологии и других, могу отметить, что такое исследование текста открывает новые перспективы для практической деятельности и формирования мировоззрения читателя. Это происходит потому, что в основе интерпретации и анализа лежит не только опыт читателя и его мировидение, но и знания в области смежных дисциплин, в частности умение находить и интерпретировать значимые языковые единицы, которые строят образ лирического героя, умение давать обоснование их интерпретации в данном контексте, а порой и их осмысление носителями другой культуры или их продуктивное использование в

новой коммуникативной, часто и межкультурной ситуации. Нельзя не учитывать и тот факт, что, когда читатель совершает конкретный анализ произведения, в нашем случае анализ лирического произведения с явно выраженным коммуникативным смыслом, т. е. обращением к читателю в рамках конкретной коммуникативной ситуации, это развивает дискурсивную компетенцию у читателя и обучающихся в процессе их работы с текстом, реализует коммуникативно-познавательные намерения автора и читателя.

Цель нашего исследования и состоит в определении и раскрытии роли интерпретации и анализа стихотворений Виктора Крупника «С иронией...», «Это наш был мотив...», «На вершине любви...», взятых из его сборника «Зелёный остров», в формировании таких вечных моральных качеств, как тоска по родине, любовь, душа и т. д.

Достижение этой цели предусматривает четыре этапа интерпретации: понимание (постижение смысла прочитанного в связи с субъективным опытом жизни читателя); экспликация (выражение понятого смысла средствами языка описания, перенос смысла мира художественного произведения в свой, читательский, мир); применение (обогащение социального опыта читателя); идентификация (сопоставление художественных образов со своей личностью и собственным эстетическим и социальным опытом) [2, с. 13 – 15]. Эти принципы выступают инструментом восприятия и понимания художественного произведения, его оценки и анализа. А значит, помогают и решению следующих практико-ориентированных задач: проанализировать стихотворения В. Крупника [4, с. 108 – 112], которые отражают тему родины, любви и страданий человеческой души; выделить средства выразительности и показать их влияние на определение темы и идеи произведения; определить их роль в формировании мировоззрения читателя.

Основная часть. В рамках статьи мы обращаемся к авторской теории и практике интерпретации и анализа лирического произведения, описывающей сопряженность дотекстовой фоновой информации (время и место создания произведения) с сильными позициями (заголовок, первая и последняя фраза, ключевые и доминантные слова, антропонимы и т. д.), сопряженность лексических единиц, ритма и рифмы с динамикой и характером лирического героя, выходом на широкие философские обобщения [3, с. 100 – 103].

На примере интерпретации и анализа стихотворений В. Крупника покажем, как отражены эти взаимосвязанные чувства в его стихотворениях: «С иронией...», «Это наш был мотив...», «На вершине любви...», взятых из сборника «Зелёный остров» [1].

Начиная интерпретацию с чтения и восприятия стихотворения, осмысления дотекстовой информации, читатель отмечает, что каждый день мы ходим по земле, но редко отождествляем свой путь с понятием «Родина» в высоком смысле слова. Живя на своей земле, человек подчас не замечает её красот и не понимает значимости этого. А ведь чувство любви к родным местам и Родине всегда живёт в глубине души каждого человека, где бы он ни находился.

В. Крупник родился и вырос в Москве. Окончил Московский институт связи, работал инженером. В 1990 году сменил вектор судьбы.

Жил в Израиле, Канаде. Умер в 2017 году. В городе Монреале в 2006 году на русском языке и был издан сборник стихов «Зелёный остров», основная мысль которого – показать читателю значимость родных мест и родных людей. Ведь часто человек живёт, не замечая того, что дорого его сердцу, и понимает это только тогда, когда теряет.

Чувством тоски по родине, ностальгией переполнено и стихотворение В. Крупника «С иронией...» [1, с. 13]:

*Мне говорят – Америка скучна, /
Жизнь – бездуховна, а еда – безвку-
сна... / О, русские! Найдётся ли страна, /
Где будет нам не скучно и не грустно? /
Где будет кому руку протянуть /*

*В момент душевной или иной невзгоды, /
Посетовать на свой нелёгкий путь /
И на бесцельно прожитые годы? /
Найдётся ли счастливый уголок /
В земных или космических пределах, /
Где мы б не стали, преступив порог, /
Судить, кто виноват и что же де-
лать? / Где тот приют на глобусе
земном, / Что нам раскрасит небо в
голубое? / Где тот Солярис, что вер-
нёт наш дом / С цветочками на ста-
реньких обоях?*

Это стихотворение-размышление человека, волею судьбы оказавшегося вдали от своей этнической родины. Попробуем вслушаться в рассуждения автора. Уже с первых строк мы понимаем, что лирический герой недоволен ни образом жизни в Америке, ни бытовыми условиями не потому, что там действительно всё плохо: «...Америка скучна, / Жизнь – бездуховна, а еда – безвкусна...», а потому, что это чужбина, и здесь немило всё. И потому, понимая это, автор, обращаясь к своим соотечественникам, высказывает мысль о том, что такой страны, как его родина, нигде и никогда никому не найти («О, русские! Найдётся ли страна, / Где будет нам не скучно и не грустно?»), ведь родина в жизни любого человека одна, и это чувство он всегда носит с собой. И как бы ни сложилась жизнь на чужбине, он всегда будет думать о тех приятных моментах, которые остались там, на родине, но живут в его душе постоянно... И потому, как бы ни рассуждали соотечественники о достоинствах и недостатках нации или государства, как бы и где бы ни искали «счастливого уголка...», где мы б не стали... судить, кто виноват и что же делать?», его всё

равно не найти, ведь найти приют и «раскрасить небо в голубое» может только возвращение в родной дом «с цветочками на стареньких обоях».

Стихотворение переполнено невыразимым чувством тоски («Найдётся ли счастливый уголок / В земных или космических пределах») и печали, сожаления о переезде. Риторические вопросы («Где будет нам не скучно и не грустно?», «Где будет кому руку протянуть», «Где мы б не стали, преступив порог, / Судить, кто виноват и что же делать?», «Где тот приют на глобусе земном», «Где тот Солярис, что вернёт наш дом») лишь укрепляют чувство одиночества лирического героя в чужом краю.

Название стихотворения подтверждает мысль о том, что автор, вступая в виртуальный диалог с собеседником («Мне говорят: Америка скучна, / Жизнь – бездуховна, а еда – безвкусна...»), пытается выразить и своё отношение к любимому родному краю и русскому менталитету, для представителя которого важно иметь свой дом, друзей, добрые отношения с ними, искреннее общение и обсуждение вечных вопросов, а значит, и радость жизни.

В. Крупник, используя *иронию* в качестве приёма, пытается таким образом выразить своё отношение к русскому народу и любимому родному краю, вынося в название слово «ирония».

Известно, что ирония – это злой смех. Так над чем же или над кем злорадует автор? И злорадует ли? Такой приём использует автор для того, чтобы показать, что русскому человеку нигде не будет так хорошо, как на

родине. Потому автор с чувством абсолютной уверенности указывает на то специфическое, национальное, которое присуще русским людям: на их дружелюбие и открытость (*Где будет кому руку протянуть / В момент душевной или иной невзгоды*), их рассуждение и обеспокоенность будущим («*Где мы бы не стали, преступив порог, / Судить, кто виноват и что же делать?*»), их умение дорожить своим родным домом, пусть и бедным («*Где тот Солярис, что вернёт наш дом / С цветочками на стареньких обоях?*»). Это всё и есть причина того, что русскому человеку нет места более комфортного, чем на Родине («*О, русские! Найдётся ли страна, / Где будет нам не скучно и не грустно?*»).

Стихотворение состоит из *четырёх* строк. Сразу же читатель обращает внимание на то, что не только каждая строка заканчивается вопросом, но знак вопроса стоит и в самом конце стихотворения. Значит, автор ищет ответы на все эти вопросы и призывает читателя поискать ответы вместе.

Тема стихотворения – философские рассуждения лирического героя о том, где человек может найти истинное счастье. Именно где, в каком месте, на что указывает и лексический повтор в каждой строке местоимённого наречия «где», и глагола в условном наклонении («*найдётся ли?*»).

Доминантный ряд («страна», «путь», «годы», «счастливый уголок», «приют», «небо голубое», «глобус», «наш дом») отражает те жизненные вехи, которые проходит каждый человек.

Лирический герой, уезжая из страны, хочет уйти от обстоятельств,

но найти приют в другом мире («*Где тот приют на глобусе земном*») не получится, потому что можно уйти от обстоятельств, но от себя ему нигде и никогда не уйти. Где бы он ни оказался, он создаст опять такое же пространство, которым будет недоволен, не перестанет искать виноватых и ломать голову над тем, что же ему делать дальше.

Заметим, что в *третьей* строке речь уже идёт не об отдельной стране, а о планете, о земных и даже космических пределах. О том, что никто не вправе судить другого, потому что не знает ответов на вопросы, «*кто виноват?*» и «*что делать?*». Где спастись от жизненных неурядиц и проблем, где найти свой «*приют*», лирический герой не знает.

Антропоним «Солярис» отсылает читателя к одноимённому роману польского писателя Станислава Лема (1921 – 2006), в котором описаны взаимоотношения людей с разумным Океаном планеты Солярис. И ведь неслучайно автор пытается заглянуть в будущее, используя при этом ещё один антропоним – «Америка».

Использование *эпитета* «голубое небо» воспринимается как чистое, мирное, потому что голубой цвет всегда символизирует безмятежность, спокойствие, нежность, лёгкость. А антропоним «Солярис» воспринимается как та фантастическая планета, которая «*вернёт наш дом / С цветочками на стареньких обоях?*». Её в реальности нет, а значит, нет и ответа на последний вопрос.

Своеобразна и *фоника* стихотворения: обилие свистящих (с, з) и шипящих (ж, ш, ч) звуков усиливает

ощущение конфликтности социума и его неоднозначной восприимчивости. Лексика («скучна», «бездуховна», «безвкусна», «бесцельно») демонстрирует читателю безрадостность жизни и её быстротечность [5, с. 325].

Своеобразен и *синтаксис*. *Многоточие* в первой строфе указывает на то, что в рассуждениях лирического героя о жизни и характере своих земляков-россиян автор видит и черты своего характера, вечное желание усовершенствовать этот мир, найти такое место на планете, где было бы «не скучно и не грустно».

Постановка *тире* свидетельствует о том, что на чужбине всё так и есть для эмигранта («Америка скучна, / Жизнь – бездуховна, а еда – безвкусна...»), потому что всё это для него непривычное, чужое. Читатель понимает, что в погоне за придуманным счастьем человеку никогда не найти «счастливый уголок», потому что он есть только на родине.

Использование *односоставного неопределённо-личного предложения* и в нём глагола во множественном числе указывает на то, что так думают многие русские. Поэтому обращение автора с риторическими вопросами к русским («О, русские!») как к нации выглядит проблематично и в некоторой степени странно, так как, оказывается, они не могут быть счастливы ни в одной другой стране, кроме как в России, хотя из неё уезжают. Только родные люди, друзья всегда протянут руку помощи, потому что у славян всегда так – можно поплакаться, пожаловаться, получить поддержку, и эти слова спасут, согреют, вселят надежду.

Читателю ясно одно, что человек ищет счастья в Америке или других странах, ищет приют на земле и даже в космических глубинах, но мы, русские и славяне, можем быть счастливы только там, где наш дом, родные и любимые.

Стихотворение пронизано чувством любви и печали, тоски и надежды... Но, несмотря ни на что, В. Крупник уверен, что только на родине человек черпает истоки сил душевных. И где бы он впоследствии ни жил, ни находился, всё равно его душа, мысли и чувства до конца жизни останутся там, на его «малой родине», где всё и все его ждут и любят.

Об этом стихотворение «*Это наш был мотив...*» [1, с. 112]:

Это наш был мотив, / Что звучит только раз – / Нет у жизни ни дня на рефрен, / Так зачем же я плыл / В океан твоих глаз, / Если так тебе дорог твой плен. / И моя это боль, / Что чужая рука / Защищает тебя от штормов... / Что любила Ассоль / Простака-рыбака, / Не дождавшись своих парусов...

Стихотворение «*Это наш был мотив...*» поднимает вечную тему, которая близка каждому человеку, – тему любви, потому что каждый хотя бы раз в жизни испытал это чувство.

Если провести прозаические ассоциации, то можно выстроить словесную параллель стиха: любовь, которая бывает только раз в жизни, – чувство, которое никогда не повторится, – я любил, и ты тоже, но выбрала другого – не разглядела своё счастье, отказалась от мечты, от любви всей своей жизни. Речь идёт о «запретной любви», которая вспыхнула, но не по-

лучила развития, так как героиня не решилась разрушить свою прежнюю жизнь.

Стихотворение производит сильное впечатление, потому что автор, умудрённый жизнью мужчина, умеющий ценить самые сокровенные моменты любви, абсолютно искренен со своим читателем. Лирический герой обладает внутренней гармонией, которая конкретно и логично объясняет его состояние души.

Тема стихотворения заключена в первой строке: нет у любви повторений, у каждого влюблённого свой «мотив».

Произведение условно можно разделить на две части. В первой – поэт сравнивает свою любовь с неповторимым мотивом, мелодией жизни, которая бывает только раз. Во второй части стихотворения лирический герой сожалеет, что не нашёл путей соединиться с любимой навеки. И в этом он обвиняет только себя. Он понимает, что любимая ждала его до последнего, но так и не дождалась.

Определить тему и идею стихотворения помогают доминантные слова: «мотив», «раз», «рефрен», «плен», «боль», «чужая рука», абстрактные существительные, создающие эмоциональный фон и раскрывающие эмоциональное состояние лирического героя, его боль, разочарование, одиночество. Автор вводит в текст антропоним «Ассоль» неслучайно. Это сопоставление с героиней новеллы А. Грина «Алые паруса» показывает, что верность мечте и стремление к ней не всегда реализуются. Бедная девушка всем сердцем поверила предсказателю, собирателю легенд Эглю, что за ней приплывёт

принц на алых парусах и ждала его, но он так и не приплыл.

Главный конфликт повести, как и тема стихотворения, – противостояние мечты и реальности.

Ключевые словами в стихотворении: «*только раз*», «*рефрен*», «*океан*», «*плен*», «*боль*», «*чужая рука*», «*Ассоль*», «*парус*», «*простак-рыбак*». Доминантные – глаголы прошедшего времени: «*был*», «*плыл*», «*любила*», «*не дождалась*». Анализ ключевых и доминантных слов позволяет определить *тему* – любовь и *идею* – встретив однажды настоящую любовь, постараться её не потерять.

Известно, что *тема* любви в творчестве каждого поэта становится своего рода отражением его внутреннего мира и жизненной позиции. Кого-то любовь окрыляет, кому-то подрезает крылья, кого-то делает счастливым, а кого-то страдающим. Для В. Маяковского, например, «любовь – тяжёлая гиря», для А. Фета – «поединок роковой», а для В. Крупника – это «*боль, / Что чужая рука / Защищает тебя от штормов...*».

Уже в самом начале стихотворения автор даёт понять читателю, что настоящая любовь бывает только раз в жизни. И как не повторится ни один прожитый день, так не повторится и настоящая любовь (*Нет у жизни ни дня на рефрен...*).

Использование слова «плен» («*Если так тебе дорог твой плен...*») даёт основание читателю думать, что расстались влюбленные из-за отъезда лирического героя и нежелания любимой разделить участь любимого, принять решение оставить свою страну даже во имя любви. Глубокое разоча-

рование лирического героя в ошибочности суждений о силе любви (*Так зачем же я плыл / В океан твоих глаз, /*), потеря надежды на совместное будущее, понимание того, что теперь рядом с его любимой кто-то другой «защищает тебя от штормов...», вызывают у читателя чувство безысходности, невозможности вернуть всё назад.

Антропоним «Ассоль» воспринимается как символ верности и надежды, символ мечты, так и не ставшей реальностью («*Что любила Ассоль / Простака-рыбака, / Не дождавшись своих парусов...*»).

Преобладание в стихотворении гласной «о» позволяет рассуждать о том, что у каждого человека свой собственный мир, своё жизненное пространство, и остаётся только сожалеть о том, если у двух любящих людей оно разное. Так прослеживается основная идея – разлука гасит и большую любовь...

Это стихотворение – рассуждение, предостережение, раскрывающее логически выстроенный путь любви, приведший к разлуке.

Глаголы прошедшего времени и его формы («был», «плыл», «нет», «любила», «не дождавшись») указывают на то, что вернуть уже ничего нельзя, всё в прошлом, и только боль останется навсегда.

В. Крупник использует в стихотворении личные местоимения, потому что произведение – это диалог с самим собой, попытка осмыслить произошедшее и как-то смириться с реальностью. Причём в случившемся виноваты оба («наш мотив», «я», «твоих», «тебе», «моя»). Не случайно инверсия присутствует в каждой строке, отража-

ясь в следующих фразах: «*был мотив*», «*дорог плен*», «*любила Ассоль*». Этот приём подтверждает то, что ушла любовь, её предали, от неё отказались.

Для большей эмоциональной насыщенности стихотворения автор использует аллитерацию. Строки переполнены звуком «л», который проводит параллель с чувством любви; звуком «р», который отождествляется с расставанием.

Стихотворение написано анапестом, мужские рифмы кричат об утраченном чувстве, о предательстве любимого человека. Поэт скуп на эпитеты, так как у разбитой любви нет ничего прекрасного, зато стихотворение изобилует метафорами: «*наш мотив*», «*твой плен*», «*штормов*», «*своих парусов*», «*рефрен*», «*океан глаз*», «*чужая рука*». Он обвиняет свою любимую в трусости («*Если так тебе дорог твой плен*»), предательстве, злясь одновременно и на самого себя, что не смог убедить её, а она не доверилась, не решилась оставить свой «плен», и «*чужая рука*» оказалась дороже настоящей любви.

Стихотворение В. Крупника похоже и на печальный романс. Не случайно автор использует музыкальную терминологию: «мотив», «рефрен». Он сравнивает любовь с музыкой, песней, которая будет звучать всегда. Не всё в любви складывается так, как хотелось бы. Но это чувство прекрасно во всех его проявлениях: первая любовь, безответная, счастливая, запретная, неразделённая... она прекрасна уже потому, что человек способен её испытать.

Да, лирический герой несчастлив сам, он испытывает разочарование, сожаление, боль, что любимой нет ря-

дом. Но в то же время он великодушен, так как любит по-настоящему и желает только добра и счастья своей возлюбленной, хоть и с другим.

Читатель невольно задумывается над вопросом: кто же заслуживает жалости? Герой, который живёт в любви, хоть и несчастной, но искренней, или героиня, совместно проживающая с человеком, которого не любит, а значит, лишена главного в жизни – возможности любить, оставаясь в вечном жизненном плену, из которого даже во имя любви боится выйти. Да, принять «мотив, что звучит только раз» или «плен чужих рук» – это уже выбор каждого.

«Это был наш мотив...» – это стихотворение-воспоминание, ностальгия, сожаление о потерянном времени, об упущенной возможности быть любимым и дарить любовь.

Читатель застаёт лирического героя в минуты душевной боли, признания самому себе в слабости отказа от настойчивости в своей любви: «*Так зачем же я плыл / В океан твоих глаз?*». Это вопрос к самому себе и Судьбе. Зачем всё так? Если любимая в плену у простака-рыбака. Если любовь казалась близкой и возможной, а оказалась лишь иллюзией. Зачем? Если даже воспоминания о мотиве, услышанном когда-то вместе с той, которая могла бы стать любимой, причиняет боль.

Стихотворение не разделено на строфы. Оно состоит из 12 строк. В смысловом отношении можно выделить две части. В первой – лирический герой вспоминает событие, которое запечатлелось в его памяти. Встреча двух любящих людей. Но эта встреча –

лишь мираж в сознании лирического героя, мираж, возникший под влиянием услышанного мотива. Возможность появилась, но он не воспользовался ею – и она исчезает безвозвратно. Да, смелому улыбается жизнь, но лирический герой не из их числа. Он влюблён (*плыл / В океан твоих глаз,*) и находит в глазах призыв, нежность, утончённость, возвышенность – всё то, что заставляет героя забыть о себе.

Во второй части стихотворения читатель понимает, что плен, в котором пребывает Ассоль, добровольный. Она не дождалась своего принца и вышла замуж за «простака-рыбака», и тем самым превратила свою жизнь в «плен».

Образы-символы: возвышенная Ассоль – живое стихотворение и «простака-рыбак» – грубоватый, простоватый реалист противопоставлены друг другу. Они передают чувства лирического героя: боль утраты возможного счастья, разочарование, потому что он скинул с себя не только чары обстоятельств, но и горечь пустоты.

Несколько смягчает тоску лирического героя открытая мужская рифма («чужая рука», «простака-рыбака»), потому что чувствуется надежда на встречу со своей Ассоль.

Выразительность усиливается и благодаря повторению согласных звуков, между которыми устойчиво звучит глухой «т». С одной стороны, звуки «н», «зв», «зн», «дн», «р», «гл» передают внутренне напряжение лирического героя, а с другой – устойчивый «т» даёт ощущение стабильности и понимания того, что выбор «Ассоль», хоть и причиняет боль лирическому герою, но он священен.

В стихотворении можно выделить две лексические группы, противопоставленные друг другу:

Наш (мотив) Твой (плен)

Моя (боль) Чужая (рука)

Ассоль Простак-рыбак.

Ощущение тоски, несоответствия достигается при помощи *антитезы*. Прошедшее время глагольных форм в первой и последней строках стихотворения также указывает на несостоявшееся счастье («это наш БЫЛ мотив...», «не дождавшись своих парусов»). Всё уже было. Ничего не будет далее.

Использованные глаголы и глагольные формы в прошедшем времени передают и невозможность развития чувств лирического героя. Два глагола в настоящем времени («звучит мотив», «чужая рука защищает») только констатируют статичность ситуации. Преобладают те существительные, которые говорят о неизменности случившегося. А счастье было так возможно, так близко... Но... Читатель невольно задаётся вопросом, а можно ли быть счастливым своей любовью в одиночку? Да и Ассоль не хочет уходить из своего «плена» вовсе не из-за любви к простаку-рыбаку, а скорее всего из-за принятых норм супружеской жизни. Последняя строка стихотворения указывает на причину разочарования лирического героя: Ассоль не дождалась «своих парусов» и своего принца.

Но жизнь продолжается для обоих героев. И умение прощать и отпускать из своей жизни то, что не состоялось, поможет лирическому герою и его возлюбленной ощутить мир, тишину и гармонию как в своей душе, так и с окружающим миром. Это и есть

идея стихотворения – идея осознанного созидательного выбора, идея гармонии, воплощения мечты, идея уважения к выбору другой личности.

Стихотворение В. Крупника «*На вершине любви...*» [1, с. 135] можно отнести к вершинам поэзии:

На вершине любви, / Среди ясного света / Дух волшебных созвездий / В любимых глазах, / Бойтесь клятв на крови, / Не давайте обеты, / Не ссылайтесь на вечность / В голубых небесах. / Когда не пережить / Неизбежность прощаний, / Эшафоты разлук, / Гильотины потерь, / Бойтесь святости лжи, / Пустоты обещаний, / Не целуйте руки, / Закрывающей дверь. / Когда силой судьбы / Разомкнутся объятия, / Когда сбудется то, / Чему быть суждено, / Не смотрите назад, / Не шепчите проклятья. – / Нету вечной любви, / И другой не дано.

Это стихотворение философско-нравоучительной направленности написано анапестом. Красивый трёхсложный размер с нарастающей ритмикой слога с первого до последнего, обладая незабываемым ритмом, придаёт лирическому произведению особую важность, величие и серьёзность. Анапест использован неслучайно: поэт обращается к извечной теме любви, несущей восторг при её зарождении и страдания при угасании. Грустные, горькие и умные откровения... Основная мысль стихотворения: нет вечной любви; *идея* состоит в том, что невыносимые душевные муки, когда уходит любовь, нужно принять и перенести с достоинством.

Стихотворение состоит из трёх восьмистрочных строф. В первых строках лирический герой говорит о любви как о чарующем чувстве. Лю-

бовь в апогее – это глаза любимого человека с россыпью созвездий, озаряющих жизнь. Да, любовь – это волшебство, но сразу же следует предупреждение любящим: не клясться в вечной любви и не обещать её. У читателя непроизвольно возникает вопрос: почему?

Начало второй строфы словно режет ножом «...не пережить неизбежность...лжи...». Повторяющиеся звуки «ж», «з» передают леденящий холод металла, с болью врезающийся в любящее сердце.

Метафоры «эшафоты разлук», «гильотины потерь» заставляют читателя почувствовать, насколько невыносимо больно терять любимого человека, обречённого подниматься на эшафот с гильотиной.

И далее лирический герой призывает любящего остерегаться святой лжи – лжи во спасение, не верить пустым обещаниям и не пытаться вернуть разлюбившего человека. Ответ на вопрос почему, читатель находит в третьей, заключительной строфе. Лирический герой, имея жизненный опыт, объясняет, что в потере любви не нужно винить кого-то: любовь даётся свыше, и если она уходит, то так суждено. Так было, есть и будет. Помогают убедиться в этом использованные поэтом слова исконно русской лексики: «разомкнуться», «объятья», «суждено», подчёркивающие неотвратимость судьбы и придающие значимость её силам.

Использование в стихотворении межстрочного синтаксического параллелизма служит разбитому сердцу как руководство к действию: когда случается что-то, действуй так. Придаточные

предложения времени «*Когда не пережить*», «*Когда силой судьбы / Разомкнутся объятья*» присоединяются к главным частям сложноподчинённых предложений, в которых глаголы повелительного наклонения призывают к мудрости: «*Не давайте обеты, / Не ссылайтесь на вечность*», «*Бойтесь святости лжи*», «*Пустоты обещаний*», «*Не шепчите проклятья...*».

Так поэт приводит читателя с эйфорической вершины любви к её горькому подножию, и на этом тяжёлом пути приобретаются опыт и понимание: любовь – высшее проявление жизни, а жизнь – это, увы, быстро бегущее время, и в прошлое возврата нет...

Жанр произведения – послание-предостережение, в котором автор, исходя из собственного опыта, пытается предупредить читателя, чего не нужно делать, когда любишь. Использование глаголов в повелительном наклонении с каждой строфой усиливает голос автора, а выражение «не шепчите проклятья» звучит как крик-предупреждение. Звуки «д» и «т» в последней строфе говорят о твёрдости и непреклонности авторского убеждения. Использование высокой лексики «*клятв на крови*», «*обеты*», «*эшафоты разлук*», «*гильотины потерь*», «*святость лжи*» придают стихотворению определённую пафосность, ещё раз подчёркивая, что любовь – возвышенное, а не земное чувство.

Повторяющиеся конструкции с союзом «когда» говорят о том, что каждый человек в своей жизни испытывал чувство любви, всегда непохожее на чувства другого. А повторение частицы «не» ещё раз убеждает в по-

стоянном существовании любви. Короткий двухстопный анапест, которым написано стихотворение, говорит о немногословности, но ёмкости истинной любви. И пусть она будет у каждого своя. Пусть будет той, которая проклиная и окрыляет, обещает и разочаровывает, опустошает и наполняет, но пусть она будет... потому что «другой не дано».

Любовь... Как много о ней написано. О безысходной и возвышенной, об испепеляющей и исцеляющей, о безответной и всепоглощающей, но всегда разной. Вот и стихотворение «На вершине любви...» посвящено этому всеильному чувству, «*неизбежности прощаний*», «*эшафотам разлук*», «*гильотинам потерь*», «*святости лжи*», «*пустоте обещаний*», «*объятьям*», «*проклятьям*», *такой, но «другой не дано»*. Поэтому у Крупника любовь – это и наказание, и благодать Божья одновременно.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что сборник В. Крупника «Зелёный остров» – о

быстротекущем времени, о родине, жизни и любви – ещё раз демонстрирует читателю смысл и значимость единства любви к родине, человеку и окружающему миру, в котором так много всего и разного. А значит, каждому из нас нужно учиться принимать всё в этом мире с пониманием и благодарностью.

Сформированные и многократно апробированные принципы и методы анализа, в том числе и на базе стихотворений В. Крупника, помогают сделать доказательными теоретические основы интерпретации и анализа текста, учитывающие аналитические принципы и когнитивные механизмы предложенной системы. Вот почему в образовательном процессе так важно и необходимо обучать интерпретации и анализу текстов в единстве их формы и содержания, которые и будут формировать высокоразвитую и мотивированную личность читателя, умеющего наряду с анализом и интерпретацией и продуцировать текст, как вым, по сути, и является анализ.

Библиографические ссылки

1. Крупник В. Зелёный остров : стихотворения. Монреаль, 2006 ; Нежин : Аспект – Полиграф, 2006. 160 с.
2. Жигалова М. П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика : монография. 2-е изд., доп. Брест : БрГУ, 2011. 269 с.
3. Жигалова М. П. Типология анализа произведений русской литературы : монография. Брест : БрГУ, 2004. 300 с.
4. Жизнь человека и её отражение в творчестве Виктора Крупника (на примере стихотворения «Летят года») / Д. А. Морозов [и др.] // Брестчина сквозь века к современности / под ред. М. П. Жигаловой. Брест : БрГТУ, 2023. Ч. 1. С. 108 – 112.
5. Наговицын А. Е. Особенности ритмико-фонетической структуры текста: смысловое наполнение фонетических знаков : учеб. пособие. М. : МПСИ : Флинта, 2005. 408 с.

**HOMELAND, LOVE, THE HUMAN SOUL IN THE LYRICS OF
VIKTOR KRUPNIK: INTERPRETATION AND ANALYSIS**

The article analyzes the poems "With irony ...", "This was our motive ...", "On top of love ...", taken from the collection "Green Island" by Viktor Krupnik, a Moscow emigrant poet of the XX century, which reflected the human soul, able to love the motherland and the people.

Based on the author's theory and practice of interpretation and analysis of a lyrical work, the structure of analysis is determined, in which the conjugation of pre-textual background information with strong positions, and lexical units, rhythm and rhyme, means of expression with their influence on the definition of the theme and idea of the work, on the dynamics of the development of the character of the lyrical hero, and therefore on broad philosophical generalizations of the reader, forming his worldview.

Keywords: V. Krupnik, poems, interpretation, analysis, homeland, love, soul.

УДК 81'22:124.5

А. А. Лавицкий

**СОВРЕМЕННЫЙ ДЕСТРУКТИВНЫЙ ДИСКУРС:
ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ**

В статье рассматривается динамика изменений жанровой специфики текстов современного деструктивного дискурса. Отмечается доминирование в исследуемой дискурсивной практике малых жанровых форм, повсеместно распространенных в сетевой интернет-коммуникации (пост, комментарий, статус), а также креолизованных речевых материалов (демотиваторы, мемы, тексты), функционирующих в популярных социальных сетях и мессенджерах и не типологизированных в теории генристики.

Ключевые слова: деструктивный дискурс, жанр, креолизованный текст, демотиваторы, мемы, социальные сети.

Исследование выполнено в рамках гранта Министерства образования Республики Беларусь М24-001 «Современный деструктивный дискурс Беларуси: юрислингвистический аспект».

Понятие деструктивного дискурса стало особенно активно культивироваться в последние годы, что связано с актуализацией вопросов развития информационного пространства. Еще задолго до вхождения в повсе-

дневную жизнь понятия цифровой коммуникации лингвисты заметили, что язык может быть средством противоправной деятельности. В 80-е гг. прошлого столетия Н. Д. Арутюнова емко и прозорливо писала о том, что

«язык способен и на “преступные” действия, и они тоже не проходят для него бесследно. Различие целей требует различий в средствах» [1, с. 5]. Сегодня мы в полной мере можем увидеть и оценить эти способности, превратившие речевую деятельность в мощный инструментальный деструктивного коммуникативного воздействия на различных уровнях: от межличностного общения, выставляемого в интернет-пространстве на публичное обозрение, до текстов с экстремистским содержанием, распространяемых в социальных мессенджерах и сетях как развлекательный контент.

Как и любой иной дискурс, деструктивный включает в себя множество элементов (лингвистических и экстралингвистических), что позволяет рассматривать его в различных ипостасях и исследовательских аспектах. Именно поэтому комплексное понимание деструктивного дискурса требует интердисциплинарного подхода: ни одна научная парадигма не в силах изучить его самостоятельно. Невозможно даже очертить круг наук, исследовательское внимание которых должно включать данное проблемное поле. Более того, неоспоримое доминирование digital- и smart-пространства в системе массовой коммуникации, в том числе деструктивной, свидетельствует о необходимости обязательного привлечения исследовательских компетенций технических и инженерных наук. В то же время следует признать, что так как основное внимание при рассмотрении деструктивного дискурса сосредотачивается на оценке продуктивности его воздействующего потенциала, безусловным

для его комплексного изучения является доминирование лингвистики как источника научных данных (интердисциплинарный подход не синонимичен полному плюрализму мнений). Объективные и наиболее значимые результаты исследования деструктивного дискурса получены специалистами в области лингвистической конфликтологии, судебной лингвистической экспертизы, семантики и прагматики текста и т. д.

Отмеченная многогранность деструктивного дискурса во многом предопределяет факт отсутствия в науке его общепринятого терминологического значения. Не определена трактовка деструктивного дискурса и как категории юридической лингвистики, для которой важен учет правовых основ регламентации речевого взаимодействия. Имплементация в тексте юридических норм актуальна, прежде всего, для сферы публичной коммуникации, рамки которой технический и технологический процессы последних лет расширили. В то же время размылись и границы межличностного общения: практически любой письменный текст потенциально мгновенно может быть растиражирован ресурсами сети Интернет.

Сущностное значение деструктивного дискурса как лингвоправового феномена основывается на юридическом подходе и потому сужено до деятельностного компонента и может быть истолковано как *информационная деятельность, сопряженная с нарушением прав и свобод личности, должностных лиц, общественного порядка, нанесением репутационного ущерба государству, его институтам,*

а также иным юридическим лицам, находящимся под юридической защитой.

Предложенное определение удовлетворяет правовому компоненту оценки текста, так как речь идет о категориях, обнаруживаемых в законодательной базе практически любого государства (права и свободы личности, должностных лиц; общественный порядок; репутация; юридическое лицо и т. д.). Кроме того, обозначенный подход соответствует возможностям исследовательско-методологического аппарата лингвистики, что позволяет подвергать языковой материал судебной экспертизе. Таким образом, в юрислингвистической интерпретации деструктивный дискурс имеет операционную основу – это особая коммуникативная практика, специфика которой проявляется в характеристиках деятельностного субъекта (делинквентная языковая личность) и продукта его речевой активности (конфликтотенный текст).

Интерес современной юрислингвистики к деструктивному дискурсу сконцентрирован на содержании языкового материала, но не ограничен только этим проблемным полем. Главная опасность деструктивного дискурса обнаруживается в его идеологическом и аксиологическом бытии. Е. И. Галяшина и В. Д. Никишин пишут, что такого рода коммуникация может «смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливая новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием» [2, с. 122]. Следовательно, научного внимания требует не только содержательная сторона деструктивной дискурсивной практики,

но средства ее реализации, их характеристики, например форма (оболочка) текста. Речь в данном случае идет об их жанровой специфике, которая, с точки зрения автора, должна быть «удобной» для восприятия коллективным адресатом и массовой рассылки.

Жанровая принадлежность текста формально не относится к юридически регулируемым категориям и, соответственно, не может быть рассмотрена на лингвоправовом уровне как признак деструктивного дискурса (в праве деструктивность языкового материала обнаруживается при оценке его содержания в подсистеме соответствия/несоответствия требованиям законодательства). В то же время изучение макрохарактеристик деструктивного текста, в том числе его генристики, имеет большое значение для контроля и противодействия распространению деструктивной информации. Кроме того, еще один из основоположников теории дискурса Т. ван Дейк обращал внимание на то, что «речевой поток есть не что иное, как язык в его постоянном движении, который воплощается в социально-исторических, культурных особенностях коммуникантов» [3, с. 112 – 113]. Иными словами, в дискурсивной практике как квинтэссенции социально-идеологического обнаруживаются социологические характеристики его субъекта. Еще Э. Бенвенист утверждал, что дискурс выражает различные социальные установки, в том числе на институционально-аксиологическом уровне [4, с. 54].

Отмеченное выше актуализирует проведенное нами исследование, в рамках которого предпринята попытка изучения жанровых особенностей де-

структивных текстов. В качестве фактических исследовательских данных использованы материалы авторской практики подготовки судебных экспертных заключений за 2021 – 2023 гг., а также сведения, полученные от органов следствия и дознания за указанный период.

До недавнего времени одной из наиболее актуальных тенденций современного коммуникативного пространства являлась мультипликативность [5, с. 50], что нашло отражение в генристических характеристиках текстов: тяготение деструктивного дискурса к малым жанровым формам. Такое положение дел подтверждается и сейчас фактическим языковым материалом: более чем в 80 % случаев экспертному лингвоправовому исследованию подвергаются один-три фразы в относительно небольших контекстах. Чаще всего речь идет о таких доминирующих в социальных сетях жанрах, как комментарий, статус, пост и т. д. Однако нельзя не отметить, что в последние год-полтора наметилась несколько иная тенденция: часть популярных сетевых информационных изданий, утратив правовой статус СМИ, стали все чаще пренебрегать национальными юридическими нормами, регламентирующими массовое коммуникативное взаимодействие. Как следствие, наблюдается рост публицистических материалов вариативных жанровых форм (репортаж, интервью, заметка и т. д.), направляемых правоохранительными органами и судами экспертам-лингвистам для уточнения наличия в их содержании признаков противоправного деяния.

Наиболее активно в деструктивном дискурсе проявилась креолизация языкового материала. Современные технический и технологический инструментарии позволяют достаточно быстро создавать тексты в таких жанровых формах. Речь идет о демотиваторах, мемах, поликодовых материалах, не получивших четкого генристического описания – stories в Instagram, видеоролики в TikTok и так далее (последние, кстати, требуют отдельного исследования, так как их жанровую принадлежность формально определяет только пространство функционирования). К характеристикам указанных языковых материалов относятся зачастую несложная форма креолизации (отдельные жанры, например, демотиваторы, и вовсе отличает строгая система текстовой структуры), ориентация на быстрое восприятие и очевидный перлокутивный локус. В этой связи некоторые специалисты даже указывают на отсутствие у них осложненной семантики [6, с. 127 – 128], что является не совсем верным. С одной стороны, мы имеем дело с трансформацией информационных приоритетов языковой личности, которую привлекает непродолжительный по времени развлекательный контент, а новостная информация должна предпочтительно иметь дайджест-форму. Таким образом, для информационного насыщения важны две категории: объем данных и время (скорость восприятия данных). С другой стороны, основа описываемых малых digital-жанров – высокая степень информационной насыщенности, что при восприятии требует от адресата активизации когнитивных способностей.

Кроме того, в деструктивном дискурсе в содержании таких текстов доминирует не развлекательная составляющая, а желание автора «выразить какую-либо философскую мысль, идею, созвучную автору/пользователю» [7, с. 58].

Тенденция креолизации текстового контента, с нашей точки зрения, не является следствием эволюционного развития деструктивного дискурса, а связана с общей стратегией современной системы массовой коммуникации – ориентацией популярных сетевых платформ на указанный вид языкового материала. Еще Р. О. Якобсон писал о том, что «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [8, с. 323]. Следовательно, креолизация текста усиливает суггестивное влияние на адресата, что имеет принципиально целевое значение для деструктивной речевой практики: поликодовый материал сложнее точно воспроизвести нежели вербальное сообщение, но его концептуализация в языковом сознании сильнее.

Таким образом, современный деструктивный дискурс отличает специфика текстового продукта, к которой относятся его жанровые характеристики. Анализ языковых материалов, направля-

емых для проведения судебной лингвистической экспертизы, показывает, что современный деструктивный дискурс тяготеет к малым жанрам, широко распространенным в пространстве сетевых социальных платформ и мессенджерах (пост, статус, комментарий). Кроме того, делинквентная деструктивная языковая личность часто использует поликодовые тексты, возникшие в период активного развития интернет-коммуникации (демотиваторы, мемы), а также креолизованные материалы, жанровая принадлежность которых еще не осмыслена в генристике (речь идет о формах презентации информации, уникальных для определенных программных продуктов (например, stories в Instagram, видеоролики в TikTok)).

Жанровая специфика деструктивного дискурса отличается стойкой динамикой, обусловленной, в первую очередь, внешними (экстралингвистическими) факторами. Так, например, реальное положение дел последних нескольких лет, связанное с уходом ряда сетевых информационных изданий из правового поля СМИ, повлияло на рост среди деструктивных речевых материалов количества текстов традиционных журналистских жанров (заметка, репортаж, статья, интервью и др.).

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998. 341 с.
2. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // LEX RUSSICA. 2021. № 6 (175). Т. 74. С. 79 – 94.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. 308 с.

4. Benveniste E. On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. Manchester, 1985. 246 p.

5. Лавицкий А. А., Дединкин А. Л. Динамика современного деструктивного дискурса // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2021. № 5 (114). С. 48 – 55.

6. Канашина С. В. Интернет-демотиватор и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 122 – 126.

7. Крылов Ю. В., Стеклова Т. И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиваторов и мемов) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 53 – 61.

8. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации. М., 1985. 460 с.

А. А. Lavitski

MODERN DESTRUCTIVE DISCOURSE: GENRE SPECIFICITY OF TEXTS

The article examines the dynamics of changes in the genre specificity of texts of modern destructive discourse. The dominance in the discursive practice under study is noted of small genre forms that are ubiquitous in online Internet communications (post, comment, status), as well as creolized speech materials (demotivators, memes, texts that function in popular social networks and instant messengers and are not typologized in the theory of henistics).

Keywords: destructive discourse, genre, creolized text, demotivators, memes, social networks.

УДК 811.161.1

А. А. Хуснутдинов

К ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ РАССКАЗА АНТОНА ЧЕХОВА «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования в русском языке выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло». Показывается, что эти выражения, восходящие к известному рассказу А. П. Чехова «Человек в футляре», в процессе своего бытования в языке претерпевают определенные изменения, связанные с особенностями восприятия и трактовкой их носителями языка. Устанавливается, что особенности использования данной единицы в речи обусловлены возможностью разной интерпретации читателями образа главного героя и его окружения, а сама эта возможность заложена автором в тексте рассказа.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, идиоматика, крылатое выражение, история фразеологической единицы.

Предварительные замечания. Научное описание фразеологизма, как и слова, может считаться полноценным, отвечающим требованиям к описанию языковых единиц, входящих в словарный состав языка, при условии включения в это описание истории функционирования каждой единицы с момента ее появления в языке до современного состояния. Описание истории единицы, в свою очередь, предполагает фиксацию и характеристику тех изменений, которые претерпевает единица на протяжении всего периода ее бытования в языке. Эти изменения могут касаться разных сторон единицы – относиться к ее форме, содержанию и употреблению в речи, причем как по каждому признаку в отдельности, так и в совокупности с другими. Оптимальным и обеспечивающим необходимую полноту, точность и объективность такого описания, является, на наш взгляд, путь, предусматривающий исследование истории каждой единицы с привлечением данных словарей и контекстов, иллюстрирующих особенности ее использования в живой речи в разных речевых ситуациях. Заметим, что такого рода исследования – «портреты» слов и выражений – в разных вариантах достаточно широко представлены в научной литературе. Материалы и результаты этих исследований могут быть использованы (и используются) как для научных и учебных целей, так и для лексикографического описания соответствующих единиц в словарях разных типов.

Материалом для данной статьи послужили выборки из словарей русского языка [1; 2; 3; 4; 6; 8], контексты, размещенные в «Национальном корпу-

се русского языка» (ruscorpora.ru (дата обращения: 16.04.2024 г.)), а также примеры из устной речи. (Сокращения в цитатах указываются многоточием в угловых скобках <...>.)

1. Фразеологическая единица «человек в футляре» в словарях русского языка. Словари русского языка выражение *человек в футляре* описывают по-разному. Характерное для фразеологических словарей описание этой единицы представлено в историко-этимологическом словаре русской фразеологии: «**ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ.** *Ирон. О том, кто замкнулся в кругу узких, мещанских интересов, отгородился от реальной жизни, боится нововведений и перемен.* Человеком в футляре А. П. Чехов назвал героя одноименного рассказа (1898) – учителя древних языков Беликова, который полностью отгородился от современной ему действительности: “...У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний”. Займовский 1930, 374; Овсянников 1933, 313; Булатов 1958, 170; Ашукины 1966, 720 – 721; ФСРЯ 1968, 503; Гвоздарев 1974, 129; Гвоздарев 1977, 52 – 53; Фелицына, Прохоров 1979, 215; Берков 1980, 145; Гвоздарев 1982, 11; Шанский 1985, 92, 107; Гвоздарев 1988, 149; ФМ 1990, 169 – 170» [3, с. 619]; см. также: «**ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ.** *Ирон. <...> О человеке, замкнувшемся в кругу узких, мещанских интересов, отгородившемся от реальной жизни и страшащемся нововведений и перемен. <...>*» [2, с. 535]. Такая трактовка фразеологизма восходит к

его описанию в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, воспринятому и другими словарями; ср.: «**Человек в футляре** – *перен.* человек, замкнувшийся в кругу узких, обывательских интересов, боящийся всяких нововведений и оценивающий всякое дело с казенной, формальной точки зрения [по названию рассказа А. П. Чехова]. <...>» [6, с. 1126]; «**Человек в футляре**. О том, кто замкнулся в кругу узких, обывательских интересов, боится всяких нововведений. ● От названия рассказа А. П. Чехова. <...>» [4, с. 1437]. Несколько иное толкование *человека в футляре* дается в объяснительном фразеологическом словаре: «**ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ** *книжн.* Ограниченный человек, как бы находящийся в тесном вместилище и будто бы в силу этого не восприимчивый к новому, несвободный в суждениях, неспособный на проявления непосредственного, живого чувства, напоминающий известное персонажа рассказа Чехова. <...>» [8, с. 596].

Укажем на те семантические признаки, которые отмечают словари при толковании значения идиомы *человек в футляре*. Это человек, замкнувшийся в кругу интересов, определяемых как «мещанские», «обывательские», отгородившийся от реальной жизни пределами своего мирка, боящийся каких-либо нововведений и перемен, а также «оценивающий всякое дело с казенной, формальной точки зрения». Все эти смыслы связаны с футляром, который в рассказе А. П. Чехова выступает как словообраз: «**ФУТЛЯР**, -а; м. [нем. Futteral]. Коробка, ящик или чехол, куда кладет-

ся какая-л. вещь для хранения или предохранения от порчи, повреждений, пыли и т. п. <...>» [4, с. 1437]. Образное представление о футляре основывается на свойствах, определяющих назначение этого предмета: футляр должен, с одной стороны, защищать, ограждать от воздействия извне то, что в нем находится, и, с другой стороны, обеспечить целостность содержимого, сохранение и сбережение его в неприкосновенности. Анализ контекстов, в которых используется выражение *человек в футляре* в речи, показывает, что как «человек в футляре» характеризуется лицо, которое стремится максимально оградить себя от внешнего воздействия, потому что это воздействие, по его представлениям, может быть негативным и приводить к нежелательным последствиям. Контексты показывают, что это общее положение в живой речи реализуется по-разному.

2. Фразеологическая единица «человек в футляре» в русской речи. Значительная часть контекстов отражает употребление выражения *человек в футляре* в том значении, в котором оно описывается в словарях (см. выше). Такое употребление основано на представлении, что внешняя среда – общество, общественная жизнь и так далее – включает в себе нечто положительное, прогрессивное, благотворно влияющее на людей, в силу чего кажутся естественными и нормальными для каждого человека внимание и интерес к тому, что происходит за пределами его личной жизни. Соответственно, человек, стремящийся отгородить свой личный («внутренний») мир от мира общественного («внешне-

го»), рассматривается как личность консервативная, косная, которая всячески противится всему новому и прогрессивному. Отсюда контексты, в которых негативно характеризуются (или прямо осуждаются) люди «в футлярах». Из таких контекстов следует, что это люди закрытые, замкнутые, которые живут по принципу «моя хата с краю», боятся любых перемен, в особенности чего-то нового, необычного, неизвестного, и отдают предпочтение старому, привычному и устоявшемуся; любые действия они оценивают с позиции «как бы чего не вышло», поэтому в служебной деятельности ведут себя как формалисты, бюрократы, не выходящие за пределы того, что предписано приказами и инструкциями. Приведем лишь несколько примеров (обратим внимание на годы, указанные при цитате в скобках): *В женской гимназии (по крайней мере нашей) более простые отношения и с ученицами, и между собой, в мужской же больше формализма, педантизма. Педагоги там выглядят более чиновниками, «человеками в футляре», чем в женской гимназии. Там не услышишь даже и никаких разговоров, кроме служебных.* Н. Ф. Шубкин. Дневник (1914); *Учитель, особенно сельский, был забит и придавлен своими «соседями» и начальством: помещиком, земским начальником, приставом, урядником, попом, инспектором народных училищ. Такое окружение давало свои результаты: оторванный от какой бы то ни было общественной жизни, учитель превращался в маленького чиновника, умеренного и аккуратного, всего боящегося, перед всем дрожащего, – одним словом, в «человека в футляре».*

И, как редкое исключение, можно было встретиться с таким местом, где школа и школьный работник являлись центром общественной жизни села или района. И. Ходоровский. На фронте просвещения (1923 – 1925); *Орлов прошелся по камере и снова остановился перед капитаном. – Господин капитан! Вы формалист, педант, вы насквозь пропитаны юридическими формулами. Вы человек в футляре, картонная душа, папка для дел!* Б. А. Лавренев. Рассказ о простой вещи (1924); *Не может советский человек относиться по-обывательски к тому, что наблюдает, не должен проявлять равнодушие, когда видит беззаконие, преступление. Нельзя уподобляться чеховскому человеку в футляре, который предпочитает молчать и не вмешиваться в «чужие дела», опасаясь, «как бы чего не вышло». Я уверен, что на эту общественную сторону дела будет обращено внимание.* И. Д. Брауде. Речь в защиту В. Я. Абрамова (1949); *По приезде на дачу [Н. С. Хрущев] пригласил меня с ним пообедать. За обедом был разговор на разные темы, много говорил и проявлял заботу о сельском хозяйстве, о работе промышленности, о культурно-бытовых условиях народа. Крепко ругал работников идеологического фронта, называл их «начетчиками, оторванными от реальности и жизни». Здесь он не преминул сказать довольно нелестные слова и высказывания в адрес Сулова, назвав его «человеком в футляре».* П. Е. Шелест. Дневник (1964); *То ли зеленый табачок, то ли кристальчик, растворенный в мартина, а скорее всего, самый дух уже начавшегося американского при-*

ключения действительно чрезвычайно взвинтил нашего Москвича, эту кабинетную крысу, книжного червя, **человека в футляре**, и некое юношеское ковбойство струйками пробежало теперь по его кровотоку, по лимфатической и нервной системам и так меняло, что, пожалуй, и московские соседи не узнали бы: галстук на сторону, голова взъерошена, плечи расправлены, кулаки в карманах. В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп (1976); *Внутренний цензор есть, естественно, у каждого человека. Каждый нормальный человек имеет внутренние ограничения, «что можно – что нельзя». У кого-то эти внутренние ограничения столь сильны, что он кажется «человеком в футляре». Замкнутым и неинтересным. У других, наоборот, внутренний цензор слаб – такие люди воспринимаются как экстравагантные и вызывающие. Но цензор есть у всех.* Б. Немцов. Провинциал в Москве (1999); *«Застегнутый на все пуговицы», не только чопорный, педантичный и консервативный «человек в футляре», но и осторожный, боязливый и болезненный. Ведь он боится нарушить целостность своей одежды и держит оборону от жизни, которой тоже боится. «Застегнутому» трудно принимать решения и общаться с людьми, это пессимист и ипохондрик. К чему снятся пуговицы // Аргументы и факты. 2000. 23 мая; Был ли Леннон на самом деле отшельником, **человеком в футляре?** – интересуюсь я. Таким тогда изобразил кумира американский телевизионный сериал «Джон и Йоко». Нет, она так не считает. Джон вовсе не витал со своей гитарой в каком-то дезинфицированном, заку-*

*поренном пространстве. Белый рояль, черная вдова // РИА Новости. 2005. 13 декабря; Он совершенно не похож на традиционного чиновника, **человека в футляре**. У нас одно расхождение с Сергеем есть: я болею за «Динамо», а он за «Спартак», – признался экс-премьер Сергей Степашин. Лавров не только болеет, но и играет – в Народной футбольной лиге. Летом – рафтинг по горным рекам. Сергей Лавров поделился историей про гадюку и приятными воспоминаниями // Vesti.ru. 2020. 21 марта.*

Обратим внимание на то, что в таких контекстах, в особенности в тех, которые относятся к нашему времени, выражение *человек в футляре* часто употребляется с отрицанием ('он – не человек в футляре'). Отсюда и возможность контекстов, указывающих на то, что под «футляром» («стальным», «золотым» и т. п.) вполне могут оказаться живая человеческая душа и нежное сердце, ср.: *Мне привиделся во сне Илья Николаевич в виде беспощадного революционера, друга Плеханова. Потом при раздумье в полусне я увидел его с необычайно нежным сердцем, и этот второй человек был как бы в стальном футляре.* М. М. Пришвин. Дневники (1927); *У него было нежное, тихое сердце; и он многое возлюбил и многое утаил под своей впалой грудью, в месте сердца, которое спрятано под сюртуком, всегда наглухо застегнутым. А когда я потом его видывал профессором в форменном сюртуке, бредущим по университетскому коридору со странно загнутыми кистями рук (точно он терял манжеты), с ключом грудью носом, он казался **человеком в футляре**, верней <...> пига-*

лицей в футляре, а может быть, и законсервированным пеликаном, клюющим собственное сердце. Во всяком случае, он был герметически закупорен в ясную металлическую жесть, в жесткую жесть университетского быта; и не противился, неся на себе в годах эту жесть. И никто не мог бы сказать, что под этой жестью пылало сердце. Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929); <...> мой герой господин Эшенбах – типичный **человек в футляре**: замкнутый, сдержанный, невозмутимый. Но это только внешне, тогда как в душе у него происходит вулкан эмоций, мыслей и желаний. Я весь большая вредная привычка // Труд-7. 2007. 4 июля.

Заметим также, что в речи современных носителей русского языка внимание может акцентироваться преимущественно на внешних атрибутах «футлярности», например: Мужчины в строгих костюмах меня не волнуют. Костюм нужно уметь носить: дополнять, освежать разными аксессуарами – галстуками, шарфами, рубашками. Иначе мужчина смотрится как **человек в футляре**. Я предпочитаю в мужской моде то направление, которое модельеры называют «расслабленным шиком». Модный мужчина – это ... // Аргументы и факты. 2005. 14 марта; Нередко больные псориазом страдают комплексом неполноценности. Стесняясь своего внешнего вида, они превращаются в **человека в футляре**: редко бывают на публике, носят максимально закрытую одежду, даже в жаркую погоду ходят в шляпе. Как лечить неизлечимую болезнь // Аргументы и факты. 2003. 10 июля.

Такое смещение акцента в восприятии человека в футляре приводит к актуализации в содержании понятия «футляр» признаков, связанных с защитительной, оберегающей, сберегающей функцией этого предмета. В этом случае словом-образом *футляр* обозначается не сам предмет (ящик, коробка, чехол, панцирь, раковина и т. п.), а определяемое им – как защитной оболочкой – пространство, пребывание внутри которого не только предохраняет человека от нежелательного внешнего воздействия, но и, делая его недоступным и как бы невидимым для окружения, обеспечивает ему внутренний комфорт и свободу, ср: Если для того, чтобы уберечь личность от деформации, от натиска извне, нужно стать не просто нормальным, а нормальным в квадрате, **человеком в футляре**, – что ж, пусть будет так... Татьяна Кравченко. Наш человек в футляре // Независимая газета. 2000. 1 декабря; Собянин – политик-невидимка, который всегда рядом и при этом неуловим <...>. О нем – почти ничего даже в Интернете. <...> **Человек в футляре**. Вы не найдете ни одной подробной публикации о Собянине-человеке. Практически нет историй из его личной жизни, о его семье и увлечениях. Разве что любит играть в теннис. Потому что он с Севера, что ли? // Коммерсант. 2010. 18 октября; И в реакции автомобилистов, и в словах губернатора Резник увидел и положительные моменты. – Хорошо, когда человек высказывается, он становится яснее и понятнее. Это лучше, чем когда он ведет себя как **человек в футляре** или губернатор-невидимка. Владимир Дергачев. За слова о «жлобстве» Полтавченко вынесут вотум не-

доверия // Известия. 2012. 17 октября; **Человек в футляре**, темная лошадка, граф Монте-Кристо – так называли бизнесмена, много лет жившего в черном стеклянном доме на склоне горы Мтацминда в Тбилиси, занимавшегося благотворительностью и не выходявшего в свет. Ольга Алленова. Грузия котируется по курсу премьера // Коммерсант. 2012. 27 декабря; ср. также: *Большинство политических решений Владимира Зеленского принимает руководитель администрации главы Украины Андрей Богдан, сообщает «Украинская правда» со ссылкой на свои источники. В статье Зеленский назван «президентом в футляре», которого Богдан и его команда хотят отрезать от внешнего мира.* Андрей Богдан принимает все решения за Владимира Зеленского // Московский комсомолец. 2019. 16 июля.

Попутно отметим, что указанные выше особенности слова-образа *футляр*, ставшего компонентом фразеологической единицы *человек в футляре*, открывают достаточно широкие возможности для разного рода трансформаций данной фразеологической единицы, ср. например: *люди в футляре, человеки в футляре, педагоги в футляре, президент в футляре, женщина в футляре, девушка в футляре, актер в футляре, душа в футляре; человек в стальном футляре, в золоченом футляре; образование в футляре; литература в футляре образовательного стандарта, с футляром, без футляра, футлярный, футлярность* и др. Случаи трансформированного употребления фразеологической единицы *человек в футляре* заслуживают специального рассмотрения. Вероятно, требует исследования также вопрос о форми-

ровании у слова *футляр* нового, более абстрактного значения под влиянием идиомы *человек в футляре*, т. е. о явлении, которое определяется исследователями как «отфразеологическая лексическая деривация» [1].

3. Крылатое выражение «как бы чего не вышло» в русском языке. Особо укажем на выражение «*как бы чего не вышло*», которое стало крылатым и попало в словари: **«КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО**. Слова учителя Беликова из рассказа “**Человек в футляре**”, боявшегося всего нового, неизвестного, выходящего за рамки общепринятого, жившего в постоянном страхе – “**как бы чего не вышло**”. Слова эти, по мнению К. И. Чуковского, восходят к “Современной идиллии” М. Е. Салтыкова-Щедрина, где чиновники хором твердят: “**Как бы чего из этого не вышло!**” (К. Чуковский. Чехонте и эзопов язык. – ЛГ, 12.01.60). Как бы не случилось чего-л. неприятного, неожиданного (о людях, не решающихся что-л. сделать из-за опасений перед какими-л. неведомыми неприятностями). <...>» [2, с. 211].

Это выражение достаточно часто встречается в речи, например: *Вопервых, ты согласен, что положение нашего народа настолько катастрофическое, что действительно нужно проявить максимум усилий для улучшения этого положения, а сам тут же советуешь осторожность, боишься «как бы чего не вышло». Где же логика! Неужели ты уподобился чеховскому человеку в футляре? Ведь это он всегда и во всем повторял: «как бы чего не вышло».* С. Аранов. Из переписки двух калмыков // «Вольное казачество». 1930. № 60; *Мрачные*

тени сталинской диктатуры еще витали над нашими головами, и чеховский человек в футляре с его классическим **«как бы чего не вышло»** подспудно жил, вероятно, в каждом из нас. Л. Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга». 1988; – Потому что этот разговор не вчера начался, Олег Григорьевич! Со мной же все время проводят работу под девизом **«как бы чего не вышло»**... – Ничего странного, – сказал физик. – Сделал же Антон Павлович своего «человека в футляре» педагогом. Имел для этого основания, как ни грустно... – И до сих пор имеет, вы сами видите... Ребята ходят домой к учителю, пьют там чай – «какой пассаж!». Г. Полонский. Ключ без права передачи (1975).

Собранный нами языковой материал показывает, что выражение **«как бы чего не вышло»** стабильно используется в русском языке на протяжении всего двадцатого века и в наши дни. Употребление данного выражения в большей части примеров (в первую очередь тех, которые относятся к двадцатому веку) соответствует описанию в «Большом словаре крылатых слов русского языка» (см. выше). Эта крылатая фраза используется в случаях, когда выражается опасение о возможных нежелательных последствиях каких-либо действий.

Вместе с тем укажем на примеры, в которых выражение **«как бы чего не вышло»** употребляется для характеристики ситуаций, связанных с предпочтением действий проверенными методами и наверняка без риска, с гарантированным результатом (пусть и не самым высоким), ср.: *Заваленность бумагами породила новый тип врача,*

этакую «серую лошадку» в белом халате. У него (нее) хороший почерк, они аккуратны, основное время уделяют документации, в лечении пользуются хорошо проверенными и простыми методами. Главное – не рисковать, как бы чего не вышло. Известия. 1986. 7 января; *И «Зенит» с его российским верховенством немножко смахивает на чеховского «человека в футляре», продвигавшегося по жизни под остороженьким-опасливым девизом **«Как бы чего не вышло»**. Срочное выдерживание год назад из рядов «Рубина», тогда вполне еще зенитовского конкурента (а потом – уже нет), Бухарова и Семака вписывается ведь под этот девиз.* Ю. Цыбанев: Подули на воду – портвейн на стол! Юрий Цыбанев о предстоящем матче «Зенит» – «Порту» // Советский спорт. 2011. 26 сентября.

Таким образом, и в случае с употреблением в речи выражения **«как бы чего не вышло»** мы наблюдаем некоторое смещение акцентов: в таких примерах установка **«как бы чего не вышло»** принимается не из-за боязни чего-либо нового, неизвестного и тому подобного, что может привести к нежелательным последствиям, а из-за боязни неудачи, неуспеха, провала, краха.

4. История крылатых выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло» как способ прочтения текста источника. Особенностью использования в речи выражений **«человек в футляре»** и **«как бы чего не вышло»** является специальное указание на цитируемость: хотя эти выражения и их источник хорошо известны носителям языка (рассказ А. П. Чехова «проходят» в общеобразовательной

школе), в большинстве контекстов они сопровождаются ссылками на главного героя рассказа и/или на самого автора и его произведение. Иначе говоря, использование этих выражений в речи в большинстве случаев нельзя рассматривать как «скрытую» цитату (о способах цитирования и указания на инотекстовые вкрапления см.: [2, с. 3 – 15; 5 и др.]). Нет оснований говорить и о том, что данные выражения, как некоторые крылатые фразы, оторвались от своего источника и утратили видимую связь с ним (ср. с выражениями *административный восторг, калиф на час, места не столь отдаленные; Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо, В борьбе с трудностью силач необычайный* и др.). Из этого следует, что те особенности использования в живой речи выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло», о которых мы говорим в данной статье, включая и изменения в трактовке данных выражений, так или иначе должны восходить к тексту источника – к рассказу Чехова «Человек в футляре». Отсюда, в свою очередь, необходимость прочтения хорошо известного текста «другими глазами»¹. В рамках данной

¹ Известно, что читатель является «соавтором» текста, и многое в восприятии и трактовке произведения обусловлено его индивидуальными и социальными характеристиками, а также особенностями эпохи и условиями, в которых он вырос и живет: «В понимании художественного произведения и в его оценке проявляются субъективные качества личности читателя. Не все с одинаковой глубиной и не в полном объеме воспринимают мысли и чувства писателя. И из современников Пушкина лишь немногие правильно понимали замыслы его произведений и по достоинству оценивали их эстетические качества (особенно критики!).

статьи нет возможности детально рассмотреть особенности рассказа, так или иначе «подсказывающие» указанные в примерах выше возможности использования выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло» в русском языке. Укажем только на несколько моментов, которые, на наш взгляд, стоят внимания.

В первую очередь отметим, что перемены в трактовке рассказа, характеристике героев могут быть обусловлены иным, чем ранее, взглядом читателя на произведение, и этот взгляд может оказать существенное влияние на восприятие текста. Так, в глазах читателя двадцатого века учитель истории и географии М. С. Коваленко выглядит личностью передовой, прогрессивной и независимой в суждениях. Он и не думает скрывать свое возмущение порядками, существующими в гимназии: «Эх, господа, как вы можете тут

Но независимо от этого современники автора воспринимали содержание его текстов иначе, конкретнее и острее, чем последующие поколения. И дело здесь не только в утрате (частичной или полной) актуальности идей, выраженных в пушкинских произведениях, но и в изменении мировоззрения и социальной психологии новых поколений. Другая среда, образ жизни, изменения в оценке воспринимаемых фактов, явлений – все это у них не вызывает тех ассоциаций, намеков, которые были понятны и актуальны для современников. Происходят изменения и в языке, семантике слов и словосочетаний, объеме их содержания. Утратив свое прежнее общеязыковое значение, слово теряет и ту образность, которая была ему придана в авторском употреблении. Дело в том, что современники писателя были ближе к воссозданной им ситуации и вместе с тем были носителями общей с писателем языковой системы, хотя он в зависимости от содержания произведения, жанра и авторских целей мог отступить от нее» [7, с. 5 – 6].

жить! Атмосфера у вас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у вас не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке. Нет, братцы, поживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор, и буду там раков ловить и хохлят учить». Однако в глазах современного читателя такого «учителя» не взял бы на работу ни один директор школы: бесцеремонен, груб, с пренебрежением относится к окружающим, в том числе и к коллегам, в оценках людей не стесняется в выражениях, а Беликова вообще не считает за человека («*глитай, абож наук*»). И тогда уместны вопросы: а Коваленко в рассказе А. П. Чехова – герой положительный или отрицательный? А если окружающая среда такая, как ее описывает Коваленко, то так ли уж плохо стремление человека отгородиться от этой среды, защитить себя от ее воздействия, сохранить свое Я (если нет решимости бороться)? А если на «футляр» посмотреть не глазами Коваленко и рассказчика Буркина, а глазами самого Беликова? Ведь в представлении Беликова «футляр» – это не только оболочка, которая «*уединит*» и «*защитит от внешних влияний*», но и пространство, в котором, как однажды сказала Марина Цветаева, хотя и по другому поводу, «ширь – его узости, теснотам его – простор»; ср. также у Даля: *И тесен дом, да просторен он. Своя себе семейка – свой простор! Своя воля велик простор.*

Возможности разного восприятия рассказа заложены уже в самом тексте произведения. Рассказ построен так, что события, излагаемые в нем, выглядят по-разному, если смотреть на

них глазами рассказчика – учителя гимназии Буркина, его собеседника – Ивана Ивановича, самого Беликова и других (даже повара Афанасия!). Особо внимания заслуживает и взгляд автора. В тексте рассказа разбросано много деталей, на которые читателю стоит обратить внимание. Например, с какой целью в рассказе сообщается, что Беликов в пост ел судака на коровьем масле; значим ли выбор в качестве «звучного» и «прекрасного» греческого слова «антропос» – ‘человек’ («*О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищурился и подняв палец, произносил: – Антропос!*») и т. д. В этой связи укажем и на следующее описание природы в конце рассказа: «*Была уже полночь. Направо видно было всё село, длинная улица тянулась далеко, верст на пять. Всё было погружено в тихий, глубокий сон; ни движения, ни звука, даже не верится, что в природе может быть так тихо. Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с ее избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своем покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно. Налево с края села началось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже ни движения, ни звука».* Таким образом, можно обратить внимание на те фрагменты и детали в рассказе, которые приобретают особый смысл, если со-

отнести текст произведения с особенностями использования выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло» в русском языке. (Вероятно, дополняют представление о «футлярности» и рассказы А. П. Чехова «Крыжовник», «О любви».)

5. Резюме. В заключение предельно кратко сформулируем положения, которые представляются наиболее важными, существенными. Рассказ А. П. Чехова допускает разные взгляды и оценки того, что в нем определяется как «футляр», и эти оценки «подсказываются» особенностями употребления в русском языке выражений «человек в футляре» и «как бы чего не вышло». Зерна и ростки тех значений и

смыслов, в которых используются в русской речи эти выражения, мы находим в самом тексте рассказа А. П. Чехова. Анализ функционирования этих выражений в русском языке (как в трансформированном, так и в нетрансформированном виде) указывает на то, что они претерпевают определенные изменения, которые сказываются на их положении в лексико-фразеологической системе и соотношении их с другими единицами. Особенности употребления этих единиц в речи должны найти отражение в описании их в словарях русского языка разных типов (общих и специальных, словарях-справочниках и учебных, однопольных и непольных).

Библиографические ссылки

1. Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М. : Азбуковник, 2003. 400 с.
2. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулержкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. 624 с.
3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
5. Сидоренко К. П. Интертекст и цитатность. Интертекстема как объект описания в словаре крылатых слов А. С. Пушкина // Пушкин. Альманах / под ред. С. Г. Шулержковой. Магнитогорск : МаГУ, 2002. Вып. 3. С. 47 – 58.
6. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. IV. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1552 с.
7. Федоров А. И. А. С. Пушкин – преобразователь русского литературного языка. Новосибирск : Наука : Сиб. издат. фирма, 1993. 160 с.
8. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М. : Эксмо, 2009. 704 с.

**ON THE HISTORY OF PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS
FROM ANTON CHEKHOV'S STORY «THE MAN IN A CASE»**

The article discusses certain peculiarities of the functioning of the expressions «*čelovek v futliare*» («the man in a case») and «*kak by čego ne vyshlo*» («hope it won't lead to anything») in the Russian language. It is shown that these expressions, originating from Anton Chekhov's famous short story «The Man in a Case», undergo certain changes during their functioning in the language related to the peculiarities of their perception and interpretation by language users. These peculiarities could be explained by the possibility of different interpretations of the image of the main character and his environment by readers as this possibility itself is inherent in the text of the story.

Keywords: Russian language, phraseology, idioms, winged words, history of phraseological units.

УДК 93.394.316

В. Чжан

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АППРОКСИМАТОРА
КАК БЫ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Сочетание *как бы* широко употребляется в современной русской разговорной речи. Данная статья посвящена изучению процесса происхождения и становления прототипического аппроксиматора *как бы* с XVIII века до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: как бы, аппроксимация, аппроксиматор, составная частица, архиепископ Платон (Левшин), Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский.

В качестве одного из самых популярных союзов и частиц сочетание *как бы* широко используются в повседневной разговорной речи, особенно в среде русской молодежи, оно также привлекло внимание многих отечественных и зарубежных ученых к его изучению. По статистике сочетание *как бы* является одним из наиболее частотных (5-й ранг в общем частотном списке) прагматических маркеров русской устной спонтанной речи. В. И. Новиков называет *как бы* символом нашей культурной эпохи, замечая, что

это «словечко-паразит, обитающее исключительно в интеллигентских языковых организмах» [4, с. 140].

Язык динамичен, использование языковых единиц меняется в соответствии с социальными изменениями, психологическим состоянием и когнитивными потребностями говорящих, а значит, меняется и семантическая направленность употребления языковых единиц. В русском обществе до недавнего времени в большую моду входил аппроксиматор (средство выражения приблизительности) *как бы*.

Большинство исследований последних лет, посвященных сочетанию *как бы*, сосредоточено на категории аппроксимации, то есть выделяют семантические особенности в сфере выражения приблизительности и проводят изучение сочетания *как бы* в качестве прагматического маркера аппроксимации. Но почти все эти исследования полностью выполнены в аспекте синхронии. Диахроническая перспектива не учитывается. В связи с этим в данной статье рассматриваются как история, так и современное состояние аппроксиматора *как бы*, его происхождение и становление в историческом плане.

Как бы имеет следующие значения: «1. союз 1) Употр. при присоединении члена предложения со значением условно-предположительного сравнения; как будто. 2) Употр. при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, которая содержит недостоверное сравнение; как если бы. 3) Употр. при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, которая раскрывает содержание главной части; чтобы. 2. частица Употр. при выражении предположительности, условности высказывания; будто, будто бы» [2, 2006]. На основе определения значений *как бы*, учитывая особенности его употребления, заметим, что *как бы* в современном русском языке не является сочетанием лексически полнозначительных слов и имеет неизменяемую форму.

Частица *бы* в этом сочетании представляет собой форму 3 л. ед. ч. аориста (древнего «неопределенного прошедшего» времени) от глагола *быти*, застывшую в условиях конструк-

ции придаточного обстоятельственно-го цели, сначала с инфинитивом в выражениях с единым субъектом типа *како бы погубити*, а с XV в. – с аналитической формой сослагательного наклонения с переносом субъекта: *како бы спаслся*. Очень рано, не позже чем с XIII в., появляются и предикативные наречия, имеющие значение долженствования, необходимости, возможности в оборотах вроде *како бы лзѣ слышати*. Единичные контексты, которые можно было бы расценивать с точки зрения выражения категории аппроксимации, появляются не ранее конца XIV в. (пример из Полоцкой грамоты см. ниже).

Но более или менее устойчивый рост и «очищение» выражения функции аппроксимации от функции уподобления наблюдается только с начала XVIII в.:

...таковымъ прилѣжаніемъ и вѣрностію общія дѣла должны управлять, *какъ бы* своя собственныя. (Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 г. Кн. 2. 1726.)

Частица *как* произошла из наречного неопределенного (а также вопросительного и относительного) местоимения. «Др.-русс., ст.-слав. *како* ꙗѡ, ѡ ꙗѡ, впервые современное *как* отмечено в грам. ок. 1330 г.» [6]. Следовательно, при изучении современного *как бы* необходимо привлекать языковые материалы с полным произношением *како бы*.

В панхроническом корпусе НКРЯ *како бы* встречается всего 106 021 раз, начиная с памятников XI – XII вв. Однако основной корпус пока-

зывает только 25 примеров употребления сочетания *как бы*, после 1937 г. оно вообще не употребляется. В XVIII – начале XX в. *как бы* в основном распространяется в качестве изъяснительного союза. Поэтому в данной работе статистически развитие сочетания *как бы* учитывается только в современном произношении. На нынешний уровень употребительность этого аппроксиматора вышла ко второй половине XIX в., поэтому эволюция *как бы* разделена на два основных временных периода: с 1700 до 1880 г. (становление сочетания *как бы* как аппроксиматора) и с 1880 г. до настояще-

го времени (современное состояние аппроксиматора *как бы*).

Представим выдержку из данных об употреблении *как бы* за 1700 – 1880 гг., которая получена после проверки частоты употребления *как бы* в качестве аппроксиматора. Чтобы историческая динамика выхода на первый план значения аппроксиматора была установлена достаточно подробно, мы разделили указанный период на двадцатилетия (табл. 1).

На основе данной таблицы можно получить кривую, показанную на рис. 1.

Таблица 1

Употребление *как бы* в период с 1700 по 1880 г.

Годы	Частота употребления <i>как бы</i> в качестве аппроксиматора	Общая частота употребления <i>как бы</i>	Доля аппроксиматора <i>как бы</i> , %
1700 – 1720	0	13	0
1721 – 1740	6	40	15
1741 – 1760	21	152	13,8
1761 – 1780	70	476	14,7
1781 – 1800	47	396	11,9
1801 – 1820	143	575	24,9
1821 – 1840	675	1588	42,5
1841 – 1860	1572	3481	45,2
1861 – 1880	4665	7351	63

Рис. 1. Историческая динамика аппроксиматора *как бы* с 1700 по 1880 г.

Полученная кривая показывает, что общая частота употребления сочетания *как бы* довольно быстро растет со временем, особенно с начала XIX в.; с этого же времени растут и доли употребления *как бы* в качестве аппроксиматора.

На основе корпусного исследования развитие *как бы* можно разделить на следующие этапы:

1. Этап первого появления – 1700 – 1800 гг.

Как бы чаще всего используется как союз со значением условно-предположительного сравнения или со значением цели. Но уже в этот период появляется несколько примеров, в которых сочетание *как бы* выполняет функцию выражения приблизительности, однако еще усложненную условным уподоблением. Поэтому первые употребления сочетания *как бы* при именах существительных, прилагательных и одиночных причастиях или деепричастиях уже можно назвать аппроксиматорами, но усложненными значением условного уподобления. *Полочанин – как бы немец, немец – как бы полочанин*:

...а на (то)мъ· миру· ваши пусть к намъ· ѣдутъ· чисто· а наши· к вамъ· ѣдутъ· чисто· а вамъ· блюсти· полочанина· какъ бы· своего немъчина· а мы хотимъ· вашего· немъчина· блюсти· какъ бы· своего· полочанина. (Послание полоцкого наместника Монтигирида и полочан совету Риги... {Полоцк}. 1394 – 1396).

В этом раннем примере объект сначала именуется обычным образом, а потом – при помощи аппроксиматора. В целом такое употребление можно было бы назвать условно-приблизительным уподоблением. В таких конструкциях появляется не одно слово, перед кото-

рым имеется *как бы*, а два: сначала простая номинация без аппроксиматора, затем согласованная с ней по смыслу, а иногда и по форме, другая – перед которой наконец употребляется сочетание *как бы*, показывающее условно-приблизительное уподобление.

В середине XVIII в. наблюдаются существенные изменения в употреблении сочетания *как бы*.

Один из первых аппроксиматоров современного типа встречается в 1755 г.:

...когда засохнетъ, то подобно какъ бы лощеная, столь тверда и гладка бываетъ, что никакой дождь и ненастье ей вредить не можетъ. (...Какимъ образомъ извѣсть наилучше приготовить, чтобъ отъ воздуха и всякой непогоды наидолѣе стоять могла // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Июнь, 1755 года).

...Григорій оплакивая Василиеву смерть, признавал, что с Василиемъ целюю половиною и Григорій вкупе умер: и для того другъ называется, какъ бы другой я, и друзья почитаются две души в едином теле живущія. (архиеп. Платон (Левшин). Слово в неделю мироносиц. 1779).

Древние любомудрцы называли человека микрокосмом, то есть малым миром, разсуждая, что весь мир до безконечности простирающийся в нем одном, какъ бы сокращен и собран. (архиеп. Платон (Левшин). Слово на день Воздвижения. 1780).

В цитате 1779 г. происходит еще условно-приблизительное уподобление: друг – *как бы* другой я (кроме того, здесь используется *figura etimologica* – подбирается однокоренное слово *друг-ой*, т. е. сам Платон пе-

реходит на метаязыковой уровень, толкуя, кто такой друг).

В цитате 1780 г. уже нет такого слова, которое затем только поясняется через приблизительность, а сразу говорится: *сокращен и собран*.

Видно, что использование *как бы* в качестве аппроксиматора происходит постепенно, начиная с его раннего употребления в качестве союза со значением цели или условно-предположительного уподобления, затем наблюдаются постепенный переход к условно-приблизительному употреблению и, наконец, постепенное развитие полноценной функции выражения приблизительности. Особенно ярко эта новая функция выражается в проповедях архиепископа Платона (Левшина).

При подсчете данных за этот период мы обнаружили также, что раннее использование *как бы* в качестве аппроксиматора было видно в основном в произведениях, переведенных с французского языка, например:

Совѣтующія имъ, должны такъ предлагать, какъ бы напоминая о забвенномъ (Грациан Придворной человек : с фран. на яз. российский переведен Сергеем Волчковым. 1742).

Грацианъ пишетъ: что многія были совѣты, какъ бы изгнанную съ свѣта правду, паки призвать... [Там же].

Таким образом, сочетание *как бы* вполне сложилось в новом употреблении в русском языке XVIII в., но это употребление не распространилось; затем, в связи с усилением влияния французского языка и французской литературы, французский язык как иностранный язык оказал некоторое влияние на русский литературный язык, что в определенной степени спо-

собствовало развитию *как бы* в качестве аппроксиматора наподобие фр. *comme si*. Однако дальнейший рост и развитие «когнитивной окраски» сочетания *как бы* происходили в сугубо русской культурно-духовной среде.

2. Период интенсивного развития функции аппроксимации – 1801 – 1860 гг.

В этот период отмечается самый резкий рост частоты употребления, особенно в течение 1801 – 1820 гг. – с менее чем 15 % до почти 25 %. В это время в основном в сочинениях Н. М. Карамзина *как бы* выполняло уже типичную функцию аппроксиматора. Н. М. Карамзин употребил *как бы* в своей прозе в этот период 172 раза: при общем числе употреблений у всех авторов 575 раз, его доля занимает 30 %, при этом большинство его контекстов с *как бы* имеет значение аппроксиматора.

В соответствии с этим мы считаем, что это был очень важный этап в развитии аппроксиматора *как бы*. Н. М. Карамзин, будучи создателем «нового слога», продвигал новое употребление *как бы*. После него сочетание *как бы* прочно вошло в практику словесности как эстетическое средство аккуратного, ненавязчивого, приблизительного именованья, вплоть до нашего времени. Например:

Они спокойно жительствовавши в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды... (Н. М. Карамзин. История государства Российского. Том 1. 1803 – 1818).

3. Период становления прототипического аппроксиматора *как бы* – с 1861 – 1880 гг. до наших дней.

Доля других употреблений *как бы* как сочетания частиц со значением

условно-предположительного сравнения на этом этапе уменьшилась, их заменило использование *как бы* в качестве аппроксиматора, причем в такой функции это сочетание используется более чем в 63 % случаев. В этот период в развитие аппроксиматора *как бы* большой вклад внес великий русский писатель Ф. М. Достоевский. Если Н. М. Карамзин продвигал новое употребление *как бы*, то, по нашим наблюдениям, Ф. М. Достоевский сделал аппроксиматор *как бы* настолько же популярным, как и в среде современной молодежи.

В романе «Братья Карамазовы» описание последнего дня земной жизни старца Зосимы Ф. М. Достоевским уверенно можно назвать тем прецедентным текстом, который вызвал к жизни ключевое современное русское средство выражения приблизительности:

...брат Анфим ... имевший вид человека, *как бы* навеки испуганного чем-то великим и страшным, не в подъем уму его. Этого *как бы* трепещущего человека старец Зосима весьма любил ... вдруг умолк и *как бы* задумался. ... был мне лик его (брата старца Зосимы. – Чж. В.) *как бы* напоминанием и пророчеством.... был этот брат мой в судьбе моей *как бы* указанием и предназначением свыше ... и вот уже на склоне пути моего явилось мне воочию *как бы* повторение его.... считал я его *как бы* прямо за того юношу, брата моего ... Порфирий, ... видел я на лице твоём *как бы* огорчение ... **Умилилось** сердце мое и созерцаю всю жизнь мою в сию минуту, *как бы* вновь ее всю изживая...

...в записке этой ведется *как бы* беспрерывно, словно *как бы* он (Алеша Карамазов. – Чж. В.) излагал жизнь

свою в виде повести ... в этот последний вечер жизни своей он (старец Зосима. – Чж. В.), после глубокого дневного сна вдруг *как бы* обрел в себе новую силу ... Это было *как бы* последним **умилением...** (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы». Ч. 2. Кн. 6. «Русский инок». I. «Старец Зосима и гости его»).

Скорее всего, не только этот отрывок романа «Братья Карамазовы», в котором символически соединяется старое церковно-славянское полное произношение сочетания частиц *како бы* и новое сокращенное *как бы*, но и всё творчество Достоевского целиком послужило толчком к ее нынешнему распространению. Всего в НКРЯ в 39 текстах этого писателя отмечается 1929 употреблений *как бы*. В течение 20 лет (с 1860 по 1880 г.) он употребил это сочетание 458 раз, в том числе 86,9 % (398 раз) *как бы* выполняет хорошо заметную функцию аппроксиматора. Наивысший пик частотности *как бы* приходится как раз на период работы над «Братьями Карамазовыми».

В древнерусском языке *как(о) бы* использовалось в основном как союз, но сейчас все чаще используется как модальная составная частица со значением «кажется». Более того, НКРЯ послужил базой примеров, при анализе которых представляется возможным установить, что сверхчастотное употребление конструкции привело к расширению, а также, в небрежной устной речи, к полному нивелированию ее первоначального значения – условно-предположительного [5, с. 79]. Новое употребление *как бы* как аппроксиматора полностью развилось, и оно стало прототипическим аппроксиматором, ко-

торый продолжает развиваться и производить новые семантические сдвиги, вплоть до полной десемантизации в непринужденной разговорной речи.

Общая частотность употребления *как бы* резко возросла после 1880 г. и на таком высоком уровне остается до сих пор наряду с высокой долей употребления *как бы* в качестве аппроксиматора. Из-за огромной массы материала полные подсчеты сделать затруднительно, поэтому на данном этапе мы выбрали синхронные срезы 1889 – 1891, 1910, 1930, 1950, 1970, 1990 и 2009 – 2011 гг. для изучения употребления *как бы* (табл. 2). Общее количество употреблений *как бы* в каждый из этих периодов колеблется от 1162 до 2604 примеров и является вполне репрезентативным. На основе корпусного исследования мы обнаружили, что частота употребления сочетания *как бы* довольно быстро растет со временем, но доли употребления *как бы* в качестве аппроксиматора выровнялись и колеблются от 60 до 70 процентов (рис. 2).

Иными словами, после 1880 г. сочетание *как бы* употребляется в основном для выражения приблизительных значений, в то же время это его употребление в разговорной речи постепенно деградировало, особенно среди современных молодых людей, среди которых в непринужденных беседах *как бы* все чаще используется не только как аппроксиматор, но и просто как «защитное» средство, сохраняющее независимость своей языковой личности, воздерживающейся от точного именованя, на которое всегда может последовать негативная реакция собеседника. Следовательно, сочетание *как бы* основательно можно считать прототипическим аппроксиматором, несмотря на автоматизацию в устной речи представителей определенной социальной среды.

В современных лингвистических исследованиях *как бы* изучается как типичный аппроксиматор. В словаремонографии *как бы* считается прагматическим маркером аппроксимации [1, с. 210 – 211].

Таблица 2

Употребление *как бы* в период с 1880 г. до сегодняшнего дня

Годы	Частота употребления <i>как бы</i> в качестве аппроксиматора	Общая частота употребления <i>как бы</i>	Доля аппроксиматора <i>как бы</i> , %
1889 – 1891	1269	2007	63,23
1910	708	1162	60,93
1930	1484	2269	65,40
1950	943	1679	56,16
1970	1410	2026	69,60
1990	1850	2604	71,04
2009 – 2011	1394	2175	64,09

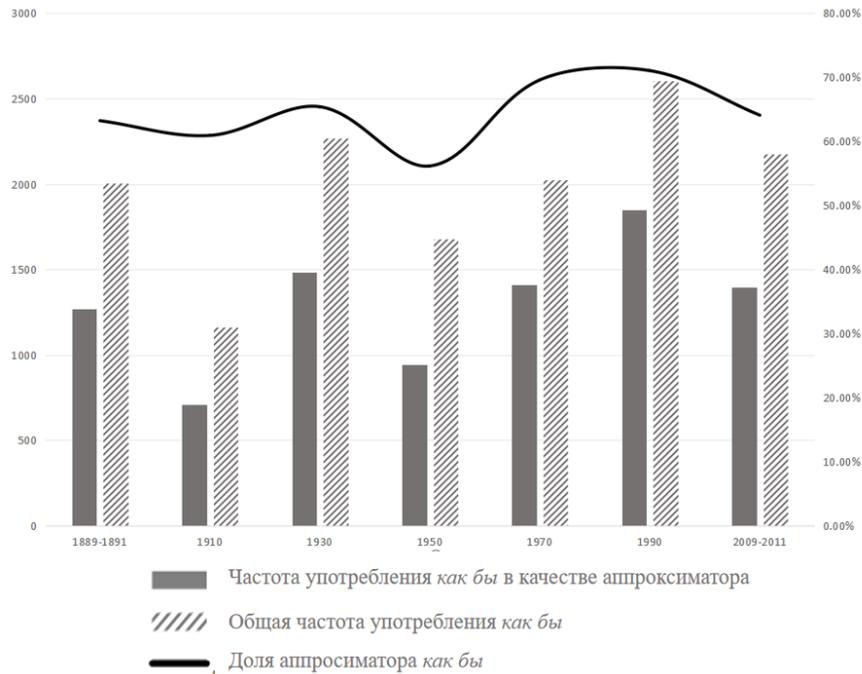

Рис. 2. Современная динамика аппроксиматора *как бы* с 1880 г. до сегодняшнего дня

Как известно, язык меняется быстрыми темпами, особенно в связи с нынешним развитием Интернета, но это позволяет и быстро актуализировать состояния прежних эпох. Сначала сочетание *как бы* использовалось в основном в качестве союза, с оттенком условно-предположительного сравнения и недостоверного сравнения, а в настоящее время *как бы* чаще используется в качестве составной частицы, особенно в коммуникативной сфере, преимущественно молодежной. Как отмечено, в функционально-прагматическом аспекте данная составная частица представляет собой интересный образец изначально наделенного в языке богатыми семантическими потенциями элемента, с которым в последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации [3, с. 552]. По мнению И. А. Нагорного, нивелирование первичного модального значения данного служебного слова, ак-

тивизация новых функциональных характеристик и, наконец, разделение активного грамматико-лексического потенциала составной частицы *как бы* проявляются в том, что к настоящему времени мы имеем фактически омонимичные языково-речевые эквиваленты – грамматически служебное, «полновесное» сочетание *как бы* с присущей ему субъективно-модальной семантикой и его семантически опустошенный звуковой эквивалент *как бы* с нивелированным сравнительно-предположительным и актуализированным выделительным значением. При частом употреблении *как бы* происходит семантическое опустошение, и его семантика в той или иной степени трансформируется еще дальше, например: *Я вчера как бы иду по улице, вижу его, а он ко мне не подходит* (Интернет). В этом предложении семантическая информация самого *как бы* ослаблена; выражение *как бы* больше не подчеркивает ни условно-

предположительное сравнение, ни недостоверное сравнение, а выполняет только функции чистой модальной частицы. По общему содержанию приведенной реплики видно ее прагматическое содержание: показать, что хотя событие и произошло, лучше бы, чтобы оно не происходило, потому что привело к неблагоприятному результату.

Полная социально-стилистическая реальность русского языка хорошо сохраняет духовные традиции, идущие от

церковно-проповеднического стиля архиепископа Платона (Левшина) и творчества Ф. М. Достоевского, а также культурно-эстетические традиции словесной изобразительности, ярко представленные в прозе Н. М. Карамзина, которая распространяет их на публицистику и научную речь. Несмотря на злоупотребления в молодежном дискурсе, сочетание *как бы* устойчиво сохраняет в русском языке позицию прототипического аппроксиматора.

Библиографические ссылки

1. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография. СПб. : Нестор-История, 2021. 520 с.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. 1168 с.
3. Нагорный И. А. Риски семантической трансформации языковых единиц: лексически опустошенная частица *как бы* и ее функции в речевой сфере // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 19 – 20 нояб. 2015 г. Воронеж – Белгород : НИУ БелГУ, Ин-т соц.-политич. исслед. РАН, Юго-Зап. гос. ун-т, 2015. С. 548 – 552.
4. Новиков В. И. Ноблесс оближ. О нашем речевом поведении // Новый мир. 1998. № 1. С. 139 – 153.
5. Татарина Л. В. Анализ функционирования сочетания *как бы* с использованием корпусных технологий // Национальная ассоциация ученых. 2016. № 10 (26). С. 78 – 80.
6. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмер [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 15.10.2023).

W. Zhang

HISTORY AND CURRENT STATE OF THE APPROXIMATOR AS IF IN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

The expression as if is widely used in modern Russian colloquial speech. This article is devoted to the study of the process of origin and formation of the prototypical approximator as if from the 18th century to the present day.

Keywords: as if, approximation, approximator, compound particle, Archbishop Platon (Levshin), N. M. Karamzin, F. M. Dostoevsky.

УДК 291.1

Е. И. Аринин, Т. А. Кильдяшова, Ю. А. Сибирцева

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ

Проблема интерпретации таких феноменов культуры, как «религия» «знания о религии» и «трансляция знаний о религии», сохраняет свою актуальность на протяжении долгового времени. Исторически такая трансляция формировалась, согласно данным археологии, в течение тысячелетий, начиная с традиции поддержания ряда символических форм сакральных практик, включавших солидарное почитание интуитивно понятной справедливости как согласия между «голосом сердца» и «голосом разума» в локальных сообществах, коммуницировавших «лицом-к-лицу». Возникновение городов и урбанистической культуры сопровождалось созданием наглядных образов «незримого» («богов» и «духов»), представленных в соответствующих теологических учениях, стремившихся обрести баланс между перспективами «модели Эхнатона» и «модели Кира». Описаны три (по Ф. Н. Козыреву) содержательно дистанцирующихся типа «передачи знания о религии»: «в религии» (конфессионального), «о религии» (религиоведческо-культурологического) и «у религии» (педагогического). В статье рассматриваются некоторые особенности форм передачи «знания о религии» в университетах двух регионов России (Архангельск и Владимир).

Ключевые слова: Россия, Архангельск, Владимир, религиоведение, религиозность, «знания о религии».

Введение

Проблемы юридически и религиоведчески корректной трансляции знаний о религии составляют важную часть современной коммуникации, особенно в сфере государственного образования. Это зафиксировал Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где отмечено, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъем-

лемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан» [5]. Исторически такая трансляция формировалась в течение нескольких десятков тысяч лет, начиная с устной традиции поддержания ряда символических форм сакрального и практик справедливых норм жизни в локальных сообществах (племенах и т. п.), где привычной практикой была коммуникация «лицом-к-лицу», включая традиции гостеприимства и взаи-

мопомощи. Возникновение городов и урбанистической культуры сопровождалось созданием наглядных образов «незримого» («богов» и «духов») и соответствующих теологических учений, конструирующих так называемые «воображаемые сообщества» (Б. Андерсон) и практики «благочестия», которые могли развиваться в поисках баланса между двумя типологически различными моделями, которые схематично можно обозначить как «модель Эхнатона» («мЭ») и «модель Кира» («мК»).

Первая включала в себя перспективу унификации локальных «практик благочестия» к нормам правящей в столице элиты, тогда как вторая уважала разнообразие самобытных местных практик «почитания божественного». Эхнатон, о котором человечество узнало только после раскопок, начатых в самом конце XIX века, принадлежал к XVIII династии, управляя страной в XIV – XIII веках до н. э., когда власть впервые в известной истории человечества стала утверждать принудительный монотеизм «атонизма» (культ Атона, наблюдаемого солнечного диска), разрушая тысячелетний опыт соблюдения жреческих традиций, завершившись династическим кризисом «фараона-еретика». Описанное в Библии правление Кира II Великого (Куруша), персидского царя (559 – 530 гг. до н. э.), ставшего основателем Ахеменидской державы, при котором завершилось «вавилонское пленение» иудеев, сопровождалось поддержкой норм жизни локальных сообществ, в том числе и принятых в них традиций «благочестия». История России, рассматриваемая в таком глобальном контексте противостояния

двух традиций, тоже включает в себя как периоды попыток унификации локальных верований к одному нормативному образцу трансляции знаний о религии в традиции «мЭ», так и времена относительной «свободы вероисповедания» сограждан в традиции «мК» и, соответственно, поддержания таких особых практик [4].

1. Термин «знания о религии» (религиозное и религиоведческое образование).

«Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) показывает (по данным на 01.04.2024), что в этой базе термины «духовное образование» (41 текст, первое упоминание – 1850, далее: 41 – 1850), «богословское образование» (41 – 1849), «религиозное образование» (32 – 1858), «знания о религии» (2 – 2003), «теологическое образование» (2 – 2004) и «религиоведческое образование» (примеры отсутствуют), как и термин «религиоведение» (38 – 1985), остаются редкими, особенно если сравнить их с более распространенными словами «религия» (5102), «знания» (6249) и «образование» (14 936).

В таком контексте важно различать эксплицитное и имплицитное значения данных терминов, при этом выделив перспективную позицию Ф. Н. Козырева (1961 – 2022), который предложил термин «религиозное образование» понимать в качестве «зонтичного» для обозначения принятых в литературе трех содержательно дистанцирующихся форм «передачи знаний о религии» [1, с. 79]. Он выделил «передачу знаний»:

1) «в религии», т. е. в христианской традиции, где проводится специ-

альная подготовка приверженцев конкретного вероисповедания («братства», «конфессии» и так далее) со своей «богословской наукой» («омологией», «кредо», «теологией» и тому подобным), противопоставляясь, с одной стороны, так называемому «инославию» и «иноверию», т. е. иным конфессиям и религиям, при этом, с другой – дистанцируясь от «безбожного», «волшебного», «суеверного» и других учений;

2) «о религии», т. е. в религиозных, культурологических «конфессионально нейтральных» (надконфессиональных, общегражданских, светских) образовательных проектах и концепциях различных гуманитарных и социальных наук, где «религиозное», «атеистическое» и «волшебное» могут рядоположаться как особые «типы мировоззрений» и т. п.;

3) «у религии», т. е. в педагогических проектах по ознакомлению с духовно-нравственным содержанием религий (учений и практик) как «традиций народов России», включая их «волшебные» и «этические» формы, где, конечно, «сказка – ложь, да в ней намек...», т. е. «религиозное», «атеистическое» и «волшебное» преподаются как важные культурные формы, значимые для образовательного процесса и обучения молодежи.

Заметим, что, как показывает база НКРЯ, эксплицитно все эти термины, оставаясь с 1700 года предельно редкими, становятся более или менее заметными только в последние 150 лет, хотя имплицитно отмеченная выше необходимость передачи знаний о том, что сегодня принято в энциклопедиях и словарях именовать «религи-

ей», сопровождала всю историю человечества. Сегодня теоретическое религиозоведение призвано способствовать межкультурной коммуникации, выступая как особая наука, позволяющая обрести оптимальные, корректные и уважительные формы сочетания «мЭ» с «мК», когда вера отдельных индивидов, «столичных элит» и «традиции народов» вступают в диалог с компетенциями экспертов и требованиями педагогики. Представляется эвристичным обратиться к творчеству К. Д. Ушинского (1823 – 1870), который, согласно НКРЯ, стал автором самого термина «религиозное образование», отметив, что именно оно «должно с ранних лет ложиться в душу человека», выступая «как верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог» (К. Д. Ушинский. О средствах распространения образования посредством грамотности. 1858).

Для современной культуры религия представлена в целом ряде типологических моделей описаний и интерпретаций того, что благодаря гению Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106 – 43 гг. до н. э.) получило общепризнанное сегодня наименование «religio», сочетаясь с феноменом «theologia» как собирательным обозначением философских учений о формах служения и поклонения «высшему порядку природы, который называется божественным», противостоя феномену «superstitio» (суеверие) [6, с. 278]. К рубрике «суеверие» вплоть до XX века часто относили феномены, собирательно именуемые «магия» («magia», «μαγεία»), порой, особенно в контексте формирования авраамических религий, включая христианство, отождествляемые с

народным «колдовством» («волхвованием» и т. п.). Тем не менее исторически этот термин формировался как обозначение государственной религии в «Рах Assyriaca» упоминавшегося выше Кира II Великого, которая впечатлила Платона (Πλάτων, ок. 428 – ок. 348 гг. до н. э.) написать про важность для афинских молодых политиков обучаться «μαγείᾳ ἢ Ζωροάστρου» («магии Заратустры»). Аналогичная двойственность сохраняется в Евангелиях, где именно «маги» (μάγοι ἀπὸ ἀνατολῶν, маги с Востока) приходят увидеть новорожденного Иисуса (Мф. 2:1 – 11), но при этом (Деян. 8:9 – 24) очевидно осуждался так называемый Симон-маг (Симон Волхв, Симон Чародей, Σίμων ὁ μάγος, Simon Magus), чье имя стало нарицательным, породив термин «симония», т. е. профанные практики продажи «должностей» в «Ecclesia Catholica Romana» и «Рах Christiana». Сегодня в религиоведении «зороастризм» считается не «колдовством» и не «магией», но «старейшей из религий откровения», сближаясь с авраамическими традициями [2, с. 463].

Мы сознательно привели оригинальные названия описываемых социальных феноменов, поскольку содержание латинского слова «theologia» стало благодаря упомянутому выше Цицерону латинской калькой греческого термина «θεολογία», введенного Платоном для дистанцирования традиционных для эллинов повествований Гомера и других поэтов про небожителей Олимпийского пантеона, от рациональных размышлений об особенностях уникального «Бога Вышняго» (θεὸν τὸν ὑψίστον, Deum Excelsum, Пс. 77:56, Иез. 1:24). В тот период, т. е.

около 2400 лет назад, у этих терминов не существовало еще привычного для нас «конфессионального» содержания, сформировавшегося после ряда «схизм», преимущественно в эпоху Реформации (1517 – 1648).

Религиоведческая наука, как и другие социально-гуманитарные области современных исследований, исходит из принципа актуализма, согласно которому человеческая природа едина и универсальна, выступая как основание бесконечного многообразия исторических событий, когда, с одной стороны, каждое из них является «особенным» и «неповторимым», тогда как с другой – «ничто не ново под Луной» (Н. М. Карамзин. «Опытная Соломонова мудрость». 1796). Сам факт отсутствия определенного слова в том или ином языке не означает, что его носители ничего не знают о самом так или иначе обозначаемом феномене, как, к примеру, отсутствие у древних греков слова «совесть», возникшего в латинской культуре, отнюдь не означало, что все древние греки, как и другие народы, не владеющие латинским языком, были «бессовестными» [8].

В начале XX века известный российский этнограф Л. Я. Штернберг (1861 – 1927) отмечал, что «состояние первобытных народов не было результатом вырождения от предшествовавшей высшей ступени культуры, а религия их не была искажением первоначальной, некогда всеобщей религиозной истины» [7, с. 487]. Мы и сегодня, с одной стороны, призваны выявлять и конструировать термины, описывающие «универсальную тождественность человеческой природы», а с другой – не менее важно понять и уникальное

своеобразие феноменов «материальной и духовной культуры», сочетая «глобальное» и «уникальное» в «глокальном», или, в терминах Гегеля, всеобщее, единичное и особенное.

В этой связи важным представляется анализ локального опыта межкультурной коммуникации при реализации программ религиозного образования, осуществляющейся на двух кафедрах – кафедре культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова и кафедре философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Кафедры, сотрудники которых принимали и принимают участие в ряде совместных проектов, являются коллективами, связанными не столько Интернетом, сколько самой историей своего становления, личными дружескими связями и научными интересами.

2. Становление особенностей практик религиоведческого образования в Архангельске.

Культурное, конфессиональное и национальное многообразие, как очевидно сегодня, это важная характеристика всех российских регионов. Однако история формирования и развития культурного многообразия в каждом регионе обладает своей спецификой. В одних регионах формирование различных этнических и конфессиональных сообществ имеет длительную историю и богатый опыт взаимодействия. В других культурное многообразие – это результат миграционных процессов последнего времени. Все это становится объектом современного

российского образовательного и научно-исследовательского дискурсов.

Активная общественная дискуссия о роли традиционных религий в современном меняющемся социуме, принятие ряда концептуальных и нормативных документов федерального уровня по вопросам межконфессиональных отношений, необходимость формирования культуры межнационального и межрелигиозного общения в социуме обосновывают обращение к подготовке специалистов в областях, связанных с преподаванием религиозных культур в школах, сохранением религиозно-культурного наследия, содействием в вопросах выстраивания гармоничного сосуществования народов России, профилактикой этнорелигиозных конфликтов, развитием культуры межнационального и межконфессионального общения.

Религия – важнейшая составляющая развития современной культуры и общества, что объясняет интерес к ее изучению в современной российской академической среде. Причем в последнее время все больше исследований посвящается не столько религии как политическому фактору, сколько религии как основанию для духовно-нравственного поиска, как части культурного наследия. Осмысление религиозно-культурного многообразия народов России воспринимается сегодня как важнейшая часть процесса формирования личности, толерантного сознания, сохранения духовного и культурного наследия.

Развитие религиозной ситуации в Архангельском регионе, интерес и внимание к этому академических коллективов способствовали складыванию

профессиональных сообществ ученых, которые стали обращаться к вопросу изучения духовной культуры и религиозного пространства региона на системной основе.

Первые исследования заложили традицию обращения к изучению истории формирования и развития религиозной ситуации на Русском Севере, а также рассмотрению ее в общероссийском историческом и культурном контекстах. Своеобразной отправной точкой в истории развития религиоведения в регионе можно считать публикацию в 1993 году монографии профессора Николая Михайловича Терехина «Сакральная география Русского Севера», в которой нашло отражение авторское осмысление религиозного миропонимания и миропредставления северного крестьянства. Эта работа сегодня уже признана классикой и стала основой для дальнейших исследований сакрального ландшафта Северного и Арктического регионов. Немаловажную роль в формировании локальной исследовательской традиции религиоведения сыграли ряд изданий, в которых нашли отражение не только концептуальные основы религиоведения как науки, но важные вопросы исследования развития религиозной ситуации на Русском Севере.

Ключевой вехой начала исследований в области изучения религиозных практик и становлении религиоведения стало создание в 1993 году Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики (действует в ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» и в настоящее время). Значимыми фактами выступили организа-

ция цикла спецкурсов «История и философия религии» (формат – межфакультетский) в 1994 году и начало работы областного Центра христианской культуры. А с 1997 года начал функционировать семинар «Экология духа» (формат – межкафедральный) [3].

В 1997 году была создана кафедра культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, накопившая к настоящему времени серьезный опыт в подготовке специалистов в области изучения религии, вопросах сохранения и актуализации религиозно-культурного наследия, осмысления и преподавания религиозных культур. Реализация образовательной программы по религиоведению в Поморском государственном университете имени М. В. Ломоносова (а затем в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова) на базе кафедры ведется с 1997 года по настоящее время.

Подготовка специалистов этого направления необходима для общеобразовательных школ города и области, реализующих предметные области «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России», учитывающие региональные, национальные и этнокультурные особенности народов Российской Федерации, в том числе народов Севера и Арктики.

Накопленный опыт подготовки специалистов и бакалавров поставил перед университетом и кафедрой необходимость разработки магистерской программы по религиоведению

(магистерская программа «Межрелигиозные и межнациональные отношения», первый набор – 2018 год). Встал вопрос о направленности подготовки магистрантов-религиоведов, и после SWOT-анализа возможностей кафедры и опыта центральных вузов и вузов Северо-Западного округа было принято решение остановиться на подготовке специалистов именно в области национальной и конфессиональной политики, поскольку для подготовки специалистов в сфере гармонизации национальных и религиозных отношений, конструирования диалога необходимы профессионалы, которые владеют знанием роли религии в интеллектуальной истории, пониманием особенностей национальных и религиозных культур народов, проживающих на территории нашего государства.

В ходе разработки магистерской программы были учтены все современные образовательные тренды. В частности, проведена серьезная работа по созданию собственного образовательного стандарта, что позволило разработчикам расширить перечень профессиональных стандартов и включить такие профессиональные стандарты, как: профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2 августа 2018 года № 514н); профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 года № 1041н).

Профессиональные компетенции и результаты обучения в магистерской

программе формировались с учетом круга обязанностей специалиста в сфере национальных и религиозных отношений, а также специалиста в сфере медиации межнациональных и межрелигиозных конфликтов, который прописан в соответствующих стандартах.

Образовательная программа имеет в своей основе фундаментальную подготовку в области культуры межнационального и межконфессионального взаимодействия, профилактику конфликтов на почве межэтнических и межконфессиональных противоречий, изучение вопросов и построение моделей межнационального и межконфессионального сотрудничества и согласия.

В основе реализации программы лежат три подхода. 1. Междисциплинарный – позволяющий обратиться к широкой проблематике гуманитарного знания в области изучения межнациональных и межрелигиозных отношений. 2. Практико-ориентированный подход, который подразумевает активное взаимодействие с работодателями, задействованными в реализации программы и как преподаватели, и как руководители от баз практик, что, в свою очередь, позволяет готовить специалистов, готовых к планированию, организации, координации и экспертной деятельности по формированию и укреплению межнациональных и межрелигиозных отношений. Интересен опыт сотрудничества кафедры культурологии и религиоведения с отделом по реализации национальной политики департамента по внутренней политике и местному самоуправлению администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангель-

ской области. 3. Проектный подход, согласно которому студенты с момента поступления на программу включены в реализацию различного рода образовательных, культурно-просветительских, организационно-управленческих проектов, реализуемых университетом и кафедрой культурологии и религиоведения, органами управления, учреждениями и организациями, занимающимися реализацией национальной, культурной, образовательной политики.

Плодотворное сотрудничество с работодателями в рамках магистерской программы осуществляется на всех этапах работы: от реализации дисциплин и практик до проведения государственной аттестации и трудоустройства выпускников. Сегодня потребность в подготовке специалистов уровня магистратуры данного профиля испытывают областные и муниципальные органы власти (отдел по реализации национальной политики департамента по внутренней политике и местному самоуправлению администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области, управление культуры и молодежной политики мэрии г. Архангельска, отдел по работе с обращениями граждан мэрии г. Архангельска, администрации г. Северодвинска, Новодвинска, Котласа, Коряжмы, Онеги, Каргополя и других районных центров области), региональный Ресурсный центр в сфере национальных отношений, научные, образовательные институты, которые выступают в качестве партнеров по реализации программы и работодателями.

В рамках реализации программы выстроено взаимодействие с предста-

вителями национально-культурных автономий и землячеств, региональной общественной организацией «Совет национальностей города Архангельска и Архангельской области», представителями Архангельской и Холмогорской митрополии, Еврейским культурным центром, соборной мечетью города Архангельска, другими религиозными организациями и общинами области.

3. Становление особенностей практик религиоведческого образования во Владимире.

Кафедра философии и религиоведения Гуманитарного института ВлГУ с 2001 года ведет подготовку специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов, при этом в штат кафедры уже более 10 лет входят два действующих священнослужителя РПЦ, имеющих степень кандидата наук. Исторически эта кафедра первоначально называлась кафедрой марксизма-ленинизма (1958), затем – философии, в разные годы к ее названию добавлялись «социология», «психология» и, наконец, «религиоведение» (с 2005). Менялись и названия факультетов, в которые она входила, а с 1 сентября 2013 года она входит в состав Гуманитарного института ВлГУ.

Кафедра в разные годы вела студентов укрупненной группы направлений подготовки «ВО 47.00.00 – Философия. Философия, этика и религиоведение» (философы и религиоведы) и «ВО 39.00.00 – Социология и социальная работа» (социальная работа). Активно развивается сотрудничество с основными конфессиями региона, особенно Русской православной церковью, а до 2015 года набирались группы

студентов, где специальность «Религиоведение» по согласованию с Владимирской епархией РПЦ получали некоторые семинаристы Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии. Конструктивно налаживается сотрудничество с религиоведческими кафедрами России и других стран. Преподаватели кафедры ведут занятия по дисциплинам направлений «Философия», «Религиоведение» и еще более 20 курсов для студентов различных институтов и факультетов университета. Преподаватели кафедры публикуются в российских и международных изданиях, издают монографии, учебные пособия, ими разрабатывается целый ряд исследовательских проектов, получивших поддержку научных фондов. Выпущено 39 томов ежегодных сборников статей международных научно-практических конференций («Свеча», 1997 – 2023) и 14 томов сборника «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование» (2009 – 2024). Сотрудники кафедры являются членами ряда диссертационных советов, входят в состав экспертного совета при комиссии по вопросам религиозных объединений при Главе администрации Владимирской области, Российского Философского общества, Императорского Православного Палестинского Общества, экспертных советов РГНФ, РФФИ и РФФ, издательских советов более 10 журналов перечней РИНЦ, ВАК и Scopus.

Коллектив кафедры с 2001 года ведет проекты с религиоведческими кафедрами Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов России, с преподавательской корпорацией Вла-

димирской Свято-Феофановской духовной семинарии и исследователями из университетов Беларуси (Минск), Сербии (Белград) и ряда других стран. Коллективом в 2016 году был организован Третий конгресс российских исследователей религии (Владимир, ВлГУ; грант РГНФ № 16-03-14076). В целом эта деятельность получила поддержку ряда грантов, включая 31 исследовательский грант РГНФ, РФФИ, Министерства образования и науки РФ, ряда других фондов, что помогло опубликовать более 30 статей в изданиях, индексируемых в базах данных «Сеть науки» (Web of Science) и «Скопус» (Scopus), более 200 – в журналах перечней ВАК и РИНЦ, 16 монографий и 25 учебных пособий, 10 из которых были признаны лауреатами всероссийских конкурсов на лучшую научную книгу Фондом развития отечественного образования (Москва – Сочи).

Члены коллектива имеют опыт полномасштабной научно-философской, религиоведческой, исторической, филологической, культурологической и социологической работы с 80-х годов XX века, связанной с анализом религиозности жителей Владимирской области и других регионов России. Благодаря грантам РГНФ и РФФИ опубликованы исследования «500 определений религии», «750 определений религии», «Религиоведение: “религия” как слово и термин», «История определений религии за 3000 лет» и ряд других, а «Энциклопедия 1000 определений религии» размещена на сайте «Академическое религиоведение». Творчески осуществляется координация работ с кафедрами культурологи и

социологии МГУ, СПбГУ, САФУ (ранее Поморского ГУ), К(П)ФУ и целого ряда других вузов. За этот период опубликованы серии томов ежегодника «Свеча» (1997 – 2023), сборника «Дни славянской письменности и культуры» (2009 – 2024), подготовлены и опубликованы получившие положительные отзывы экспертного сообщества переводы монографий с других языков. Под руководством сотрудников кафедры защищено 14 кандидатских диссертаций по специальной тематике и две докторские. При решении этих проблем и развитии методологии исследования исследователи ВлГУ опираются на опыт уже идущего в этой области сотрудничества с МГУ, СПбГУ, Администрацией Владимирской области (2000 – 2023) и рядом других университетов и научных центров. При кафедре создан центр международных религиоведческих исследований «Свеча», в котором имеется уникальная электронная библиотека, насчитывающая более 40 000 изданий, в том числе и фотокопии текстов дореволюционной литературы из Синодальной библиотеки (Санкт-Петербург), проданной в Германию в 30-е годы XX века (более 6000 книг хранятся в библиотеке философского факультета университета Эрланген-Нюрнберг, города-побратима Владимира).

Заключение

В целом, опыт реализации программ религиоведческого образования кафедр в Архангельске и Владимире демонстрирует сложившуюся систему формирования специалистов в области религиоведения, востребованных в разных профессиональных сферах,

начиная от сферы образования и заканчивая сферой реализации государственной национальной, культурной и этноконфессиональной политики, корректно сочетая знания «у религии», важные в образовательном процессе, с подходами академических исследований «о религии» и конфессиональными образами представлений «в религии».

Кафедры Архангельска и Владимира в современной России выступают не просто трансляторами многообразных специальных знаний, но оказываются экспертными сообществами, востребованными и динамично развивающимися в своих регионах, обеспечивая возможности диалога ученых, педагогов и администраторов. Здесь ведется активная научная, образовательная и просветительская деятельность, позволяющая решать задачи подготовки квалифицированных кадров для сферы управления, культуры, образования в области изучения религий, религиозной ситуации, истории и развития религиозных культур и межконфессиональных отношений, разнообразных вопросов духовно-нравственной сферы социального бытия и предотвращения угроз экстремизма и терроризма. Эти сообщества готовы к сотрудничеству во всех вышеперечисленных областях с представителями религиозных объединений, общественных организаций, органов местного управления и силовых ведомств. Только квалифицированный и грамотный подход в преподавании знаний о многообразии религиозных культур позволяет поддерживать перспективные формы межличностного, межнационального и межрелигиозного взаимодействия как на региональном, так и на общегосударственном уровне.

Библиографические ссылки

1. Аринин Е. И., Маркова Н. М. Образы «религиозного образования» в России как имплицитный феномен (религиоведческий анализ) // *Религиоведение*. 2018. № 3. С. 71 – 82.
2. Башарин П. В. Зороастризм // *Энциклопедия религий* / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красников, Е. С. Элбакян. М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2008. С. 463.
3. Кильдяшова Т. А., Сибирцева Ю. А., Рычкова А. В. Религиозно-общественная жизнь в Архангельской области // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2017. № 24 (273). С. 179 – 184.
4. Такахаси С., Аринин Е. И., Погодина И. В. Межкультурная коммуникация в сфере конфессионально-правовых отношений (моменты общего и особенного в России и Японии) // *Концепт: философия, религия, культура*. 2021. Т. 5. № 4. С. 158 – 162.
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.04.2024).
6. Шохин В. К. Философия религии и её исторические формы (античность – конец XVIII в.). М. : Альфа-М : ИФ РАН, 2010. 784 с.
7. Штернберг Л. Я. Тайлор // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXIIA (64). Тай – Термиты*. СПб. : Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1901. С. 485 – 487.
8. Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) // *Античность и современность*. М. : Наука, 1972. С. 252 – 353.

E. I. Arinin, T. A. Kildyashova, Yu. A. Sibirtseva

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS STUDIES ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF KNOWLEDGE ABOUT RELIGION

The problem of interpreting cultural phenomena such as "religion", "knowledge about religion" and "translation of knowledge about religion" has remained relevant for thousands of years. Historically, such a broadcast has been formed, according to archaeology, for thousands of years, starting with the tradition of maintaining a number of symbolic forms of sacred practices, including the solidary veneration of intuitive justice as an agreement between the "voice of the heart" and the "voice of reason" in local communities that communicated "face-to-face". The emergence of cities and urban culture was accompanied by the creation of visual images of the "invisible" ("gods" and "spirits"), represented in the relevant theological teachings, which sought to find a balance between the perspectives of the "Akhenaten model" and the "Cyrus model". Three (according to F.N. Kozyrev) meaningfully distancing types of "knowledge transfer about religion" are described: "in religion" (confessional), "about reli-

gion" (religious studies and cultural studies) and "in religion" (pedagogical). The article examines some features of the forms of transfer of "knowledge about religion" at universities in two regions of Russia (Arkhangelsk and Vladimir).

Keywords: Russia, Arkhangelsk, Vladimir, religious studies, religiosity, "knowledge about religion"

УДК 323.21

Е. А. Плеханов, Д. А. Федулеева

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРАВДА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА
Б. Н. ЧИЧЕРИНА**

В статье рассматривается понятие «справедливость», выражаемая в философии права Б. Н. Чичерина термином «правда». Семантический и содержательный анализ концептов данных понятий осуществлен на основе философско-правовых дискурсов второй половины XIX века. Это позволило сделать вывод о метафизической нагруженности чичеринского понятия «правда-справедливость», а также обосновать персоналистический характер политико-юридической теории русского правоведа.

Ключевые слова: философия права, Б. Н. Чичерин, правда, свобода, справедливость.

Б. Н. Чичерин является мыслителем, многогранное научное творчество которого неотделимо от общественного масштаба и сложности его личности. В истории общественно-политической мысли он выступает одним из видных основоположников консервативного крыла в русском либерализме, стремившемся «к примирению начала свободы с началом власти и закона». Охранительный, по выражению Чичерина, либерализм состоит в обеспечении гражданских прав и свобод со стороны сильной государственной власти как гаранта общественного блага, национального единства, законности и правопорядка.

Теоретико-методологические принципы, в той или иной мере реализованные в трудах Чичерина, посвя-

щенных истории политических учений, теории государства и права, социологии, сложились под определяющим влиянием гегелевской философии. Тесная связь между «философией права» Гегеля и Чичерина была очевидна уже для современников самого Чичерина, заложивших утвердившийся в современной литературе стереотип отнесения Чичерина к гегельянству (или неогегельянству). Так, В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» замечает: «Чичерин очень рано познакомился с сочинениями Гегеля, который его пленил совершенно. Хотя впоследствии он очень значительно отошел от Гегеля, но по существу он остался на всю жизнь гегельянцем, внеся, правда, в гегельянство ряд очень существенных поправок [4, с. 577 – 578].

Последнее уточнение Зеньковского предполагает прояснение следующего вопроса: если, несмотря на гегельянство, философская интуиция Чичерина была самостоятельной и творческой, то в чем состоит его оригинальность как представителя русской философии права?

Косвенным ответом на этот вопрос может быть одна из особенностей философско-правовой лексики Чичерина, состоящая в частом употреблении в значении «справедливость» неюридического термина «правда». Так, указывая на право как на условие истинно человеческого существования, он подчеркивает: «Это начало есть правда, или справедливость... оба эти понятия, право и правда, проистекают из одного корня» [19, с. 68]. Отмечая, что все люди созданы по образу и подобию Божьему и как таковые равны, утверждает: «Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которая с этой точки зрения носит название правды уравнивающей» [Там же]. Существенным определением правды Чичерин считает восходящий к римскому праву принцип «воздать каждому своё» (*suum cuique tribuere*). Наконец, критикуя юридический позитивизм, он указывает: «Когда все метафизические понятия подверглись отрицанию, идея правды вместе с другими была сдана в архив» [Там же].

Как правило, исследователи проходят мимо этой терминологической особенности юридического языка Чичерина полагая, что «правда» и «справедливость» используются им в качестве синонимов. Так, К. А. Волков пишет: «Правда или же справедли-

вость, согласно Б. Н. Чичерину, связана с началом равенства» [1, с. 351]. Отождествление данных терминов встречается и у другого автора. «Как правду (справедливость), так и проистекающее из нее равенство Б. Н. Чичерин в духе восходящей к Аристотелю либеральной традиции делит на два вида: правду уравнивающую... и правду распределяющую» [2, с. 62].

Попытка разграничения понятий «правда» и «справедливость» была предпринята А. С. Шевелевой, отмечавшей: «Чичерин вкладывает в определение естественного права понятие справедливости или правды. Справедливость должна выражаться в равенстве, в то время как правда образует общее начало, с помощью которого разграничивается область свободы отдельных лиц и устанавливаются законы» [21, с. 58]. Но в данном случае различие понятий не только не аргументируется, но остается неясным сам критерий их разделения.

Нам представляется, что уточнение семантики понятия «правда» имеет принципиальную важность не только для понимания чичеринской трактовки юридической справедливости, но и для философского истолкования им природы права.

Если следовать В. В. Зеньковскому, то приверженность понятию «правда», свойственная не только Чичерину, но и другим русским мыслителям, это одно из свидетельств общеконцептуальной особенности русской философско-религиозной мысли. Особенно ярко эту особенность выразил Н. К. Михайловский: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразитель-

тельною внутреннею красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое... Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки. Я... не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя. Во всяком случае, выработка такой точки зрения есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму, и нет усилий, которых жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению – правде-истине, правде объективной и в то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную – такова задача всей моей жизни» [13, с. V – VII].

Можно допустить, что мысль о правде как единстве истины и справедливости не была чужда Чичерину. Однако как должны быть поняты истина и справедливость, чтобы органично соединиться в правде. Во всяком случае, при всей пафосности высказывания Михайловского его субъективистское понимание правды как внутреннего переживания индивида, в котором непосредственная очевидность факта соответствует нашим представлениям о справедливости,

вряд ли может встретить сочувствие у ученого-правоведа. Для Чичерина, хорошо усвоившего уроки кантовского трансцендентализма, важна справедливость, но не в форме «суждения индивидуального вкуса», а в качестве всеобщей и необходимой основы права. Поэтому наиболее важным для него является вопрос не о правде-истине, а о правде-справедливости.

Современные историко-лингвистические изыскания [15] показывают значительную полисемичность понятий «правда» и «справедливость», сложившуюся к концу XIX века в отечественном философско-правовом дискурсе.

Слово «правда», являющееся в древнерусском языке переводом греческого термина δικη [dike] и тесно связанное с идеей «Божьей правды» как высшей истины, сохраняло свою гносеолого-этическую бивалентность вплоть до XVII века. Термин «справедливость», появившийся в письменных источниках только в XVI веке, получил широкое распространение в екатерининское время. Его преобладающими значениями были «точность», «истинность». Рационализация и секуляризация русского общества в эпоху Просвещения привели к расширению семантического поля понятия «справедливость», которое стало использоваться в значении: а) воздаяния должного; б) добродетели (нравственной справедливости); в) юридической справедливости; г) нравственной основы положительных законов (естественно-правовой справедливости). В XVIII веке в интересующей нас паре понятий «правда – справедливость» за первым сохраняются преимущественно

но морально-этические коннотации, а второе выступает в значении «истина», то есть как характеристика соответствия действительности.

В XIX веке понятие «справедливость» включается в структуру теоретико-правового знания и становится важным элементом социально-философского дискурса. Активизация общественно-политической мысли, выразившаяся в острых дискуссиях о путях социальной модернизации России, с одной стороны, способствовала вытеснению на семантическую периферию прежде доминировавшей «справедливости как истины», а с другой – вызвала к жизни конфликтующие друг с другом интерпретации отношений между правдой и справедливостью. Так, славянофилы резко противопоставляли справедливость внешнюю, подразумеваемую формальным законом, и внутреннюю, органично вырастающую из уклада народной жизни. «Там, – пишет И. В. Киреевский, сравнивая западноевропейскую образованность с русской, – юриспруденция стремится к логическому кодексу – здесь вместо наружной связности формы с формой ищет она внутренней связи правомерного убеждения с убеждением веры и быта; там законы исходят искусственно из господствующего мнения – здесь они рождались естественно из быта...» [8, с. 235]. Таким образом, справедливость как правда ассоциируется с правовым обычаем и традицией, с архаичным укладом коллективной жизни. Правда-справедливость в данном случае опирается на концепт *правильности*, являющийся антиподом писаному закону и предполагающему сохранение и

трансляцию традиции, стремление не к равенству, а к единству [14, с. 15 – 48]. Совершенно очевидно, что почвенническое истолкование справедливости в основном не соответствовало умонастроению Чичерина, ориентировавшегося на достижения западноевропейской юридической мысли и усматривавшего в государственной власти оплот либерально-демократических ценностей. Вместе с тем в его работах ясно чувствуется настойчивое желание преодолеть раздвоенность между правом и жизнью, представить право естественным и необходимым элементом повседневных отношений между людьми в обществе.

Во второй половине XIX века в политико-правовой мысли оформилась концепция «естественной справедливости», которую на отечественной почве представляли теоретики анархизма М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. В идеологическом отношении Чичерин резко критически относился к анархизму с его отрицанием государства. Сущность «охранительного либерализма», к которому он себя относил, «состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона...: либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием; сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность...» [20, с. 317 – 318].

Несмотря на идейно-политическое размежевание с анархизмом, чичеринское понимание справедливости обнаруживает ряд важных общих черт с ее трактовкой у Бакунина и Кропоткина. Концепция «естественной справедливости» исходит из идеи равноправия людей как общей для всех них антропологической характеристики, что уже созвучно с исходной персоналистской установкой Чичерина. Общим у него и адептов естественной справедливости выступало отрицание всех естественных прав, за исключением права на свободу. Отсюда вытекало противопоставление сферы свободы позитивному закону, предполагающему внешнее подчинение и ограничение индивидуальных прав, с чем Чичерин, разделявший вслед за Кантом понятия правового и неправового закона, с определёнными оговорками мог солидаризироваться.

Однако за формальной общностью позиций скрывались существенные расхождения. Во-первых, если сторонники «естественной справедливости» в правовых установлениях видели лишь инструмент подавления свободы индивида и, следовательно, нарушение принципа справедливости, то с точки зрения Чичерина и близких к нему правоведов (Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева), естественное право дополняет систему позитивного права, которое средствами юридического законодательства обеспечивает принцип справедливости.

Во-вторых, идея равенства у теоретиков «естественной справедливости» истолковывается в смысле *равноценности* людей и подразумевает не только равенство перед законом, но и

равенство экономическое, политическое, нравственное. Сущность справедливости, считает Кропоткин, «есть признание *равноценности* всех членов данного общества, а следовательно, их *равноправия*, их *равенства* в требованиях, которые они могут предъявлять другим членам общества» [11, с. 272]. Чичерин равенство относит только к равенству прав (к равноправию), но не к равенству состояний. Поэтому для него плоская уравнивающая справедливость в духе утилитаризма Бентама и социализма Бабёфа является абсолютно чуждой. «Равенство, – указывает он, – относится только к сущности человека как существа, одарённого разумом и свободной волей, а отнюдь не к внешним его определениям и тем условиям, в которых он живёт» [19, с. 69]. Фактическое неравенство людей не только не является несправедливым, но, напротив, с необходимостью полагается общей для всех свободой и является собой бесконечно разнообразные формы проявления этой свободы. «Истинная правда состоит в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, в каких бы условиях человек ни находился, и какое бы положение он ни занимал. Это и выражается в равенстве прав как юридической возможности действовать, которая присваивается лицу как таковому. Но так как свободное пользование этими правами ведёт к неравному приобретению жизненных благ, то признание этого неравенства... составляет, в свою очередь, непреложное требование правды» [Там же, с. 70 – 71].

Очевидную парадоксальность вывода – высшая справедливость (правда) состоит в признании как ра-

венства, так и неравенства – Чичерин пытается снять, обращаясь к уравнивающей и распределяющей справедливости. Сферы их действия различны. Уравнивающая, или арифметическая, справедливость требует признания индивидов самостоятельными и равными друг другу лицами в их взаимных отношениях, которые носят договорный характер, присущий частному праву. Распределяющая (пропорциональная) справедливость исходит из значения и роли отдельного лица в составе какого-либо социального целого. В условиях правового государства распределяющая справедливость становится основой публичного законодательства, юридически дифференцирующего права и обязанности различных категорий граждан. «...Основным началом разумной государственной жизни должно быть разделение этих двух областей, гражданской и государственной, с подчинением каждой из них свойственным ей определениям правды, в первой должно господствовать равенство арифметическое, во второй равенство пропорциональное» [Там же, с. 73].

В-третьих, свобода индивида как основание исходного равенства людей в концепции «естественной справедливости» приобретает отчетливый негативный оттенок. От него не спасает свойственная всему живому *солидарность*, которая, если верить анархизму, является достаточной основой нравственного единства людей. Эгоистически понятая свобода с присутствием ей мотивом индивидуальной выгоды способна разрушить любую человеческую общность. Такая свобода деструктивна и непродуктивна. Акцентируя личную независимость, она

граничит с асоциальностью и индивидуалистическим произволом. Требование «естественной справедливости» имманентно враждебно правовой регламентации, нормам рационального общежития, основанного на осознанном самоограничении индивида во имя законных прав окружающих.

Для Чичерина основной характеристикой свободы является ее продуктивность. Но для того чтобы свобода могла стать источником многообразия конкретных прав личности, она должна подчиниться общему закону. Переход от естественного состояния к правовому осуществляется не в результате некоего гласного или негласного общественного договора, а в процессе длительного исторического развития, создающего внутренние цивилизационные условия, для того чтобы отрицаемая естественная свобода «возродилась в новом виде, свойственном человеку». Из такой свободы органично вытекает все многообразие прав граждан на свободу в области частной собственности, труда, вероисповедания, слова, договорных отношений и ассоциаций и т. д.

В правовом учении Чичерина довольно скромное место отводится справедливости как беспристрастности при решении юридически спорных вопросов. В отличие от Канта, утверждавшего исключительно контрактный характер права, Чичерин, следуя здесь в большей мере за Гегелем, представляет «человеческие союзы» – семью, церковь, гражданское общество и государство – органическими целостностями, значительно ограничивая тем самым область договорных отношений. Справедливость в качестве

правовой нейтральности должна олицетворяться судебной властью там, где требуется вынесение вердикта по гражданской тяжбе на основании строго права. «Непременное требование правосудия, – отмечает Чичерин, – состоит в том, чтобы вся эта процедура была обставлена строгими гарантиями, чтобы суд был независимый и неприкосновенный, и тяжущимся была открыта полная возможность действий» [19, с. 102]. Справедливость, осуществляемая третейским судом, ориентируется на формальную правильность и часто воспринимается как несправедливость. Именно это имел в виду Кант, комментируя сентенцию: строжайшее право – это величайшая несправедливость (*summum ius summa iniuria*) и полагая, что «на пути права этому злу ничем помочь нельзя, хотя оно и имеет отношение к правовому требованию, потому что справедливость относится только к *суду совести* (*forum soli*)» [6, с. 144].

Антиномичная, с точки зрения Канта, ситуация разрешается Чичериным путём апелляции к естественной справедливости, состоящей «в примирении противоборствующих притязаний и в стремлении оказать уважение обеим волям, добросовестно проявляющим свою деятельность во внешнем мире... В этих решениях суда принимается во внимание не только формальный акт, но и само его содержание. И к последнему прилагаются начала правды уравнивающей» [19, с. 72]. Таким образом, формальная (строгая) справедливость, требующая эквивалентности в оборотных или меновых отношениях, оказывается ближе к правде-истине, чем к правде-

справедливости. Ведь для установления справедливости обмена и распределения необходимо сведение качественно различных благ к единой количественной мере, роль которой в коммерческих сделках выполняют деньги. И тем не менее в силу подвижности и неопределенности стоимости вещей принцип меркантильности не в состоянии реализовать требования строгой справедливости, которая вынуждена «сообразовываться со свободным движением жизни, то есть с отношениями экономических сил» [Там же].

Уже отмечалось, что наряду с уравнивающей Чичерин выделяет распределяющую справедливость, которая также обозначается понятием «правда». Характеризуя возможную ситуацию поглощения государственным началом частного права, он пишет: «...такое отношение стоит в прямом противоречии с существом и достоинством человеческой природы, а с тем вместе и с коренными требованиями правды» [Там же, с. 73]. Но по своему содержанию уравнивающая правда-справедливость неоднородна. Выделяются по меньшей мере три ее вида: социальная справедливость, справедливость-воздаяние и справедливость-возмездие.

Понятие социальной справедливости в отечественном философско-правовом и общественном дискурсе начинает играть заметную роль во второй половине XIX века в связи с ростом влияния на сознание образованного общества социалистических и коммунистических идей. В социальном контексте на первый план выходит справедливое распределение меж-

ду членами общества материальных благ, достигаемое путём ликвидации экономической эксплуатации как способа несправедливого присвоения собственниками части произведенной прибавочной стоимости. На юридическом языке эксплуатация труда должна быть признана формой неправового договора между частными собственниками. Правовые аргументы Чичерина, направленные против социалистической идеи, сводятся к следующему.

Во-первых, отношения между собственником рабочей силы и собственником средств труда определяются общественным разделением экономических функций. Поэтому они относятся к сфере гражданского общества, где регулируются частным правом. Следовательно, конкретная форма трудового контракта – это результат взаимного соглашения свободных сторон, отвечающий критериям договорной справедливости. Развитие экономических отношений, утверждал Чичерин, под охраной права естественно и неизбежно ведет к неравенству, что ни в малой степени не должно нас смущать или возмущать, ибо распределяющая справедливость вполне допускает неравенство. Правда, согласно самому же Чичерину, сфера частных отношений должна основываться не на распределяющей, а на уравнивающей справедливости. Обвиняя социалистов в распространении на все отношения гражданского общества принципа арифметического равенства, он сам отождествляет юридическую справедливость с фактической (социальной) несправедливостью, то есть формальную справедливость с жизненной неправдой.

Во-вторых, в реальном обществе возможна лишь формально-юридическая справедливость, заключающаяся в равном положении граждан перед законом. Стремление утвердить равенство во всех других отношениях – имущественном, профессиональном, религиозном, культурном – ведет к тотальному обезличиванию и нивелированию личностного начала в человеке, вступает в вопиющее противоречие со справедливостью как правом на свободное саморазвитие индивидуальности. «То равенство, – подчеркивает Чичерин, – которое требуется правдой, состоит не в том, чтобы всех подвести под одну мерку...» [19, с. 70]. Подлинная правда требует признания за каждым права на уважение человеческого достоинства и личной свободы. Но дело в том, что социализм, если не принимать во внимание его вырожденных, «казарменных вариантов», которыми богата социальная история XX века, как раз и утверждает не всеобщую уравниловку, а всеобщность заслуженного воздаяния в зависимости от индивидуального вклада в общественное благо (каждому по его труду). В этом случае мы имеем дело с воздающей справедливостью.

Вознаграждающая справедливость – один из наиболее архаичных видов справедливости, восходящий к принципу «do ut des» («ты – мне, я – тебе») и предполагающий отношения субординации. В пространстве легального права такого рода справедливость может относиться только к публичному праву, где реализуются связи между государством и гражданами, имеющие характер устанавливаемых законом обязанностей. Поскольку «права

властей и права подчиненных не одни и те же», то «здесь господствуют начала не правды уравнивающей, а правды распределяющей, которая воздаёт каждому то, что ему принадлежит соответственно с его значением и призванием в общем союзе» [19, с. 201]. Чичерин акцентирует обязанности власти в отношении гражданского общества (такие как защита права, внешняя и внутренняя безопасность, удовлетворение общественных потребностей и т. д.), но проходит мимо обязанностей самих граждан перед государством. Важнейшая из таких обязанностей – законопослушание – не является добродетелью и поэтому не предполагает особого вознаграждения, но только до тех пор, пока исполнение предусмотренного законом долга не примет форму личной заслуги. Защищать свою страну – обязанность, вменяемая гражданину законом. Если при выполнении этой обязанности были проявлены мужество, стойкость, самопожертвование, то правовая справедливость требует выделения и награждения этого человека. Здесь юридическая и нравственная справедливость совпадают, правда-истина и правда-справедливость подразумевают друг друга, поскольку если награда не соответствует действительной заслуге, то это значит, что она получена несправедливо, и наоборот. Однако ситуация заслуженного вознаграждения носит особенный характер. Героизм может быть массовым, но не может и не должен быть всеобщим.

В трактовке справедливости-возмездия, составляющего суть ретрибутивного права, Чичерин достаточно традиционен. Вслед за Кантом и Гегелем он отклоняет устрашающее, пре-

вентивное и педагогическое значение наказания. Смысл наказания состоит в восстановлении попорченного преступлением права на основании самого же права, коль скоро преступник остаётся разумно-свободным существом, противопоставившим свое частное право всеобщему закону. «Истинная теория наказания есть та, которая отправляется от начала, составляющего самоё существо права – от правды, воздающей каждому своё» [Там же, с. 105]. Отсюда следует неотвратимость наказания, исключая вынесение условных приговоров, требующая соразмерности тяжести преступления мере наказания, допускающая смертную казнь за умышленное лишение жизни другого человека. «... С точки зрения правосудия, смертная казнь составляет чистое требование правды. И государство имеет полное право её прилагать, ибо высшее его призвание состоит в отправлении правосудия... Справедливая же кара состоит в отнятии того, что имеет одинаковую цену» [Там же, с. 106].

Особенностью чичеринского взгляда на проблему наказания является введение понятий вины и ответственности. Если Кант, ограничивавшийся лишь внешним планом действий индивида, исключал из области права внутренний мотив преступления, то русский правовед подчеркивает, что в понятиях вины и ответственности речь идет об осознанном действии противозаконной воли, что и должно отражаться в мере ответственности и, следовательно, характере наказания за совершенное преступление. В этом случае противоправное действие является одновременно нарушением и

правовой, и нравственной справедливости. В острой и не всегда лицеприятной полемике с Вл. Соловьевым Чичерин подчеркивал, что общим источником морали и права является природа человека как разумно-свободного существа («практический разум» по Канту), но управляются они разными началами: «одно внутренними побуждениями человека, определяемыми совестью, другое внешними отношениями свободы одного лица к свободе других. Эти две сферы имеют каждая свои требования и свои законы» [18, с. 330]. Это не означает, что они совершенно изолированы друг от друга, и поэтому понятие вины должно приниматься во внимание не только «судом совести», но и уголовно-процессуальном правом.

Наш анализ показал, что использование Чичериным понятия правды в значении справедливости не укладывается в рамки какой-либо из парадигм юридической мысли конца XIX века. Однако было бы неверно на этом основании считать особенность правовой лексики Чичерина беспочвенной. Более обоснованным является предположение о недостаточной продуктивности прагматической концепции дискурса, связывающей значение юридических понятий с только устоявшимися практиками их употребления. Действительно, во второй половине XIX столетия под определяющим влиянием позитивизма Конта и Милля начинает формироваться специфический понятийно-терминологический аппарат, который претендовал на эмпирическую точность и метафизическую нейтральность. Этот сложный и многоплановый процесс, касавшийся основополагающих аспектов научного познания, стал

предметом критического анализа со стороны русской религиозной философии. Концептуальную основу для критики позитивизма наиболее полно сформулировал Вл. Соловьев. Основательный труд Чичерина «Позитивная философия и единство науки», посвященный развенчанию контовского эмпиризма, является продолжением этой критики. Одним из заключительных выводов, к которому автор приходит, стало убеждение, что «с отрицанием внутренней свободы человека право потеряло существенную свою основу; оно низводится к уровню простого интереса. Понятия о справедливости, ответственности отнесены к области мечтаний» [17, с. 332].

В лице Б. Н. Чичерина философия права возвращается от абстрактного практического разума Канта к реальному человеку как разумно-свободному существу, заключающему в себе абсолютное начало и потому обладающему абсолютной ценностью. Антропоцентризм, как характерная черта отечественной философской мысли, в форме персонализма составляет основной принцип чичеринского учения о праве. Именно это хотел сказать Е. Н. Трубецкой, утверждая, что «пламенная вера в достоинство человека», его безусловную ценность и «уважение к свободе человеческой личности» составляют характерные черты философии права Б. Н. Чичерина [16, с. 353].

В «Философии права» тема личности предваряет последующее развернутое изложение общесоциологических и теоретико-правовых аспектов. «...Не зная природы и свойств человеческой личности, – подчеркивает Чичерин, – мы ничего не поймём в

общественных отношениях. Она поэтому должна составлять первый предмет исследований» [19, с. 24]. Уже здесь русский мыслитель расходится со своими западноевропейскими предшественниками – Кантом и Гегелем. Кант при обосновании права отпавлялся от априорно полагаемого закона практического разума, осознанное следование которому во внешнем плане позволяет выступить индивиду в качества лица, т. е. индивида, обладающего правами. Иначе говоря, у Канта лицо не является в полной мере суверенным субъектом права. Гражданские, политические, личностные определения индивид получает благодаря правовым установлениям, а не наоборот. Если в «Метафизике нравов» Кант показывает, как благодаря праву индивид становится лицом, то с точки зрения Чичерина, возможность самого права связана с субстанциональностью личности как свободного и разумного существа. Гегель также исходит из субстанциональности личности. Однако, в его понимании, поскольку правовая воля лишь частично воплощена в отдельном индивиде, то полнота субстанциональности может относиться только к духу.

Концепция личности резюмируется Чичериным следующими положениями.

Во-первых, личность – это устойчивое, внутреннее начало, «постоянно пребывающая сущность», которой определяются осознанные действия и поступки индивида, лежащие в основе его отношений с другими людьми. Личность выходит за границы физических, гендерных, возрастных, этнических и иных особенных опреде-

лений индивида и выражается в ее тождественности самой себе. Поэтому Чичерин считает необходимым «признать метафизические начала основными определениями природы человека» [Там же, с. 41].

Во-вторых, личность не есть ни абстрактная сущность, разлитая во множестве отдельных индивидов, ни некое сверхиндивидуальное существо. Это реальный, живой человека, выступающий самостоятельным центром силы и деятельности во взаимосвязях с такими же, как и он, социальными атомами.

В-третьих, личность – это телесное, живое существо, обладающее физическим телом и естественными потребностями. Но ее сущность духовная. Только человек обладает разумом и волей. Благодаря духовным началам личность становится уникальной ценностью. Во имя сохранения человеческого достоинства, защиты права быть личностью индивид способен принести в жертву собственную жизнь.

В-четвёртых, «воля этого единичного существа признаётся свободной. Вследствие этого ей присваиваются права, то есть власть распоряжаться своими действиями и присвоенными ей физическими предметами. В этом заключается коренной источник права» [Там же, с. 42].

В-пятых, как свободно-разумное существо личность возвышается над миром вещей и имеет право на особое признание, на уважение в качестве высшей ценности, что и было выражено Кантом в форме категорического императива, требующего относиться к человеку исключительно как к цели, и никогда как к средству [Там же, с. 33].

Персонализм как философский принцип, полагающий личность отправной точкой при объяснении таких явлений, как общество, государство, право, нравственность и так далее, исключает необходимость противопоставления априорного и эмпирического, теоретического и практического, сущности и явления. Личность как духовный микрокосм есть синкретичное единство (всеединство по В. С. Соловьеву) воли и разума, чувства и мысли, индивидуального и общественного, свободы и самоограничения. Цельность и полнота духовной жизни человеческой личности делают ненужными искусственные разграничения между внешним, объективным и внутренним, субъективным, между правом и моралью. Чичерин далек от того, чтобы использовать термин «жизнь» в значении философского понятия. И тем не менее его учение о праве не является теоретическим обоснованием права как такового («чистого права»). Чичеринская философия права – это освещение правовой стороны исторической, социальной и политической жизни общества, раскрытие места и значения права в жизни человека и государства. В общем контексте социально-исторической жизни

юридические понятия, сохраняя в целом определенность своих значений, перестают быть жесткими схемами правовых реалий и обогащаются дополнительными смыслами, придающими им более объемное содержание.

Стремление Чичерина к правовому синкретизму привело к максимально полному соединению юридических понятий с политической и правовой реальностью. В результате явления правовой жизни, приобретая внутренний, сущностный смысл, перестают быть рядом разрозненных, поверхностных фактов и обнаруживают закономерность и необходимость, а сами правовые понятия, обогащенные метафизическим содержанием, уже не воспринимаются как спекулятивные конструкции, навязываемые законотворческой деятельностью и реальной юридической практике. Они приобретают силу гуманистических принципов, которые как высшая правда определяют содержание права и его основную цель – уважение достоинства человека и защиту его личных прав и свобод средствами закона. В этом видится подлинный смысл правды как справедливости в учении выдающегося отечественного философа и правоведа.

Библиографические ссылки

1. Воловик К. А. К вопросу о равенстве перед законом и судом в политико-правовой мысли Б. Н. Чичерина // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Могилев, 20 мая 2016 г.). Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. С. 350 – 353.
2. Грязнова Т. Е. Проблемы свободы, равенства и справедливости в политико-правовом учении Б. Н. Чичерина // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 60 – 64.
3. Захаров А. В. Взгляды Б. Н. Чичерина на права личности // Вестник Тамбовского университета. 2001. № 4. С. 26 – 29.

4. Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический Проект : Раритет, 2001. 880 с.
5. Зорькин В. Д. Чичерин. М. : Юридическая литература, 1984. 109 с.
6. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. С. 107 – 438.
7. Кацапова И. А. История и современность: о дискуссии между Б. Н. Чичериным и В. С. Соловьевым // Философские науки. 2012. № 3. С. 40 – 52.
8. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 199 – 238.
9. Кокорев А. С. Б. Н. Чичерин: поборник права и свободы личности // Вестник ТГТУ. 2003. Т. 9. № 4. С. 794 – 803.
10. Короткова О. А., Гусарова О. С. Проблемы равенства, свободы и справедливости в учении Б. Н. Чичерина // Вестник Калужского университета. 2020. № 4. С. 33 – 34.
11. Кропоткин П. А. Справедливость и нравственность // Кропоткин П. А. Этика. М. : Политиздат, 1991. С. 260 – 279.
12. Матюхин А. В. Концепция гражданского общества Б. Н. Чичерина // Журнал политических исследований. 2019. № 1. Т. 3. С. 93 – 102.
13. Михайловский Н. К. Предисловие к 3-му изд. // Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909 – 1914. Т. 1. С. V – VII.
14. Печерская Н. Справедливость: между правдой и истиной. (История формирования концепта в русской культуре) // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. М. : Ключ-С, 2011. С. 15 – 48.
15. «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. М. : Ключ-С, 2011. 368 с.
16. Трубецкой Е. Учение Б. Н. Чичерина о сущности и смысле права // Вопросы философии и психологии. М., 1905. Год XVI. Кн. V (80). С. 353 – 381.
17. Чичерин Б. Н. Позитивная философия и единство науки. М., 1892. 423 с.
18. Чичерин Б. Н. Вопросы философии // Чичерин Б. Н. О началах этики. М., 1904. С. 223 – 340.
19. Чичерин Б. Н. Философия права // Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. М. : Юрайт, 2024. С. 9 – 219.
20. Чичерин Б. Н. Виды либерализма // Философия права. Избранные сочинения. М. : Юрайт, 2024. С. 309 – 318.
21. Шевелев А. С. Либеральные взгляды Б. Н. Чичерина по вопросу развития государства и права (вторая половина XIX – начала XX века // Гармонизация права в современном мире: проблемы и перспективы (к 75-летию создания ООН) : сб. ст. XVI Всерос. науч.-практ. конф. 3 окт. 2020 г. Курск : Кур. гос. ун-т, 2000. С. 57 – 63.
22. Щекотова Р. Р. Философия права Чичерина // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2008. № 61. Вып. 6. С. 98 – 107.

JUSTICE AS TRUTH IN B. N. CHICHERIN'S PHILOSOPHY OF LAW

The article examines the peculiarity of the concept of "justice", expressed in B. N. Chicherin's philosophy of law by the term "truth". The semantic and meaningful analysis of the concepts of these concepts is carried out on the basis of philosophical and legal discourses of the second half of the XIX century. This allowed us to conclude about the metaphysical burden of the Chicherin concept of truth-justice, as well as to substantiate the personological nature of the political and legal theory of the Russian jurist.

Keywords: philosophy of law, B. N. Chicherin, truth, freedom, justice.

УДК 13+165.12+291.1

А. С. Тимощук, Е. А. Тимощук

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК РАЦИОНАЛЬНАЯ ДУХОВНОСТЬ

Статья ставит вопрос о феноменологическом типе рациональности, который представляет разновидность наукообразной духовности, или одухотворённой рациональности, что предоставляет интересный материал о месте религии и духовной культуры в нашей жизни. Стандартное объяснение духовности связано с интерпретацией супра-субъективной силы, которая формирует интуитивное взаимодействие субъекта с миром. Такая духовность аффективна и затронута культурным наполнением посредством исторически обусловленных институций и традиций. Феноменология предлагает особую интроспекцию о духовности путем формулирования многослойности бытия, его интересубъективности и интенциональности. При обсуждении феноменологической духовности мы стремимся учесть научность и субъективность. Доминирующие представления об исключительности логической ясности натурализма потеснили феноменологию с ее дескриптивностью, коммуникативностью и эмпатией.

Ключевые слова: феноменологическая духовность, феноменологическая рациональность, интересубъективность, интенциональность, ноэзис, ноэма.

Введение. Феноменология – философское направление, популярное на Западе в XX веке. Феноменология в узком смысле относится к философской школе, основанной европейским философом Э. Гуссерлем (1859 – 1938), и состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле – философское

направление, в ее содержание входят, помимо философии Гуссерля, также различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке XX века.

Эволюция феноменологии восходит к работам философов: Декарта,

Ламберта, Канта, Гегеля. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление дологическое, оно выступает результатом феноменологической редукции.

К феноменологии часто относят всю проблематику сознания от Платона и Секста Эмпирика до Канта и Гегеля.

Феноменология – это не набор учений с фиксированным содержанием, а описание явлений через «непосредственное знание». Явление, о котором говорится, не есть ни объективная вещь, ни объективно существующий эмпирический факт или «чувственные данные», а «существование в чистом сознании», отличное от любого психологического опыта.

Основные характеристики феноменологии в основном отражаются в методологии, то есть путем возвращения к исходному явлению сознания, описания и анализа процесса формирования понятий (в том числе существенных понятий и категорий) с целью получения реалистичной информации об установлении (смысле) концепции, а также четких доказательств. Считается, что только на этой основе можно уточнить истинное значение этих понятий в традиционной философии, тем самым по-новому объяснить проблемы традиционной философии и провести глубокие исследования в различных областях.

Этимология слова «феноменология» восходит к работам французских философов XVIII века Ламберта и Гегеля, но его значение отличается от употребления Гуссерля.

«Феномен» – латинское слово, первоначально полученное из греческого. Его аналог в средненемецком и современном немецком языке – *Erscheinung*. До эпохи Просвещения «феномен» был, прежде всего, богословским термином. Слово «феномен» также означает «явление», что в основном относится к «чудесам» и описывается как «откровение» Бога. Опыт общения с Богом, Марией и так далее выступает важной концепцией в католицизме. В христианстве избрание Богом человека – центральная тема в распространении вселенского блага. Что касается «видимости» Бога – она имеет несколько особенностей. Во-первых, это духовный опыт могут получить только избранные Богом люди; во-вторых, явления – это своего рода откровения, через них Бог хочет сообщить людям что-то важное. Поэтому церемонии «канонизации» в римском католицизме удостоиваются те, кто видел чудеса. Как бы велик ни был ваш вклад в церковь, если вы не видели чудес и Бог «не явил» вам Свой Дух, это означает, что Бог не избрал вас, поэтому вы можете быть только обычным человеком.

Поскольку «видения» и «явления» – это всегда божественные откровения людям, то объяснение этих феноменов очень важно. Другими словами, за этим процессом стоит нечто более важное, и человек должен иметь способ правильно понять Божье откровение. Здесь феномены выступают важным путём к божественному откровению, но их нельзя правильно понять без твердой веры – богословского основания.

Наиболее важными среди течений, которые оказали решающее влия-

ние на мысль и культуру Нового времени, стали эмпиризм и скептицизм. Феноменология возникла как реакция на их позитивистское содержание, как научный способ объяснить веру, интенциональность, интересубъективность. Юм выразил самые фундаментальные и глубокие сомнения относительно человеческого разума, независимо от того, имел ли он божественную помощь или нет. Под его воздействием традиция впала в глубочайший кризис, который феноменология старалась преодолеть.

Феноменология и конструирование смыслов в гуманитарном знании составляют важное направление в современном мировоззрении. Идеология, политика, пропаганда, связи с общественностью, управление образованием, СМИ – все эти ключевые домены новой социальной онтологии неизбежно связаны с методологией социокультурного инжиниринга, которое начинается с идеационного проектирования, интенциональной многовекторной геометрии общественного сознания.

Прошлое и будущее феноменологии неотделимо от развития цивилизации. Феноменология не только возвращается к удивлению древнегреческого философа, но и влияет на мировоззрение современного философа, который обращается к образу будущего и социокультурному контексту. Развитие феноменологии в России неотделимо от внимания к западной методологии и заимствования когнитивной культуры, как континентальной, так и атлантической. Феноменология помогает навести мосты между древними практиками восточной цивилизации и современностью, позволяет расширить свою

собственную точку зрения на проблемы сознания. Благодаря традиционной культуре мы чувствуем себя более уверенно исторически, однако модернизация активизирует производственные силы и отношения. Благодаря феноменологии мы получаем развитие древнего и современного, восточного и западного, личного и интересубъективного.

Феноменология имеет также уникальное значение для творчества и искусства. В настоящее время она встречается везде, где идёт глубокое влияние на человеческую жизнь, самореализацию, изучение структуры сознания, трансцендирование. И в этом смысле феноменология имеет значение для выживания вида *homo*, так как предлагает практическую социокультурную теорию человеческого сознания.

Феноменология и развилась как философия выживания, будучи интеллектуальной реакцией на марксизм и ницшеанство, позитивизм и кризис рационализма. Она предложила преодоление опыта проживания в теле, линейного времени и пространства, справедливо заслужив титул «философии будущего». Действительно, с тех пор угас интерес к позитивизму, прагматизму, экзистенциализму, неотомизму, персонализму и даже космизму, а психоанализ и марксизм превратились в социальные практики, выбрав всю свою философскую глубину. В то время как феноменология только расширяет своё поле, разрабатывая региональные домены религии, права, политики и искусства. Способность оставаться продуктивной методологией феноменология приобрела благодаря

своей фундаментальной категории – сознанию. Даже герменевтика, сохраняющая популярность благодаря основательности концепта «текст», имеет некий потолок в приёмах и методах. В то время как изучение и поиск инструментов описания сознания не могут быть исчерпаны. И в этом смысле феноменология сохраняет свежесть и новизну, подтачивая ницшеанский нигилизм.

Гуссерлианство нашло новые области описания – региональная онтология, эстетика, этика, антропология, мировоззрение, трансцендирование, социальное время. Продолжая картезианство и кантианство и реагируя на вызовы эмпириокритицизма, феноменология расширила концепции «опыт», «истина», «искусство», «диалог», «биография», «жизненный мир», «техника», «гуманизм», «Другой». Гуссерлианство устанавливало мост между социальными структурами, поэтикой и когнитивизмом. Рациональное единство, связывающее Декарта, Канта, Ингардена, Шюца основано на совмещении фундаментальности, интерпретативности, критичности, аналитичности. Если конкретные науки в отношении естественного мышления не обращают внимания на основания познания, знание «как это возможно», то феноменология может сделать объектом познания существование посредством «значения», которое будет построено как существование в сознании. И в этом смысле феноменология преодолевает естественно-научный детерминизм, рассматривая мир с поворотной точки зрения сознания. Рациональность, природа, восприятие неизбежно становятся внутренними, поме-

щённые в феноменологический контекст. Гуссерлианство представляет возможный взгляд на свободу с точки зрения существования сознания.

Феноменологическая школа постоянно обсуждала причины, по которым не были видны результаты философии в области практических обществоведческих штудий. Феноменология указала, что постоянное углубление и уточнение философических исследований Декарта, Юма, Канта не утомляют академическое сообщество. Тексты, этика, идеальное – такие разные темы, но столько много общего, если опираться на категорию сознания.

Принято считать, что вокруг дискуссии о рациональности науки в современной западной научной философии сформировались две традиции: логицизм и историзм. Как мы видим, на Западе существует и третья важная традиция научной философии, а именно феноменологическая школа. Ее отличительная особенность в том, что она придерживается резкого критического отношения к современной науке и ориентируется на анализ и критику оснований и сущности науки, пытаясь тем самым реконструировать рациональность науки путем реконструкции ее метафизических оснований.

В каком-то смысле все вопросы философии науки можно в основном отнести к вопросу научной рациональности. Феноменология показала, что вопрос научной рациональности – это не только вопрос логики и методологии, он тесно связан с другими областями философии, в частности, с антропологией. Если научная философия – это теория научной рациональности, то феноменология – это гуманитарная

теория сознания. Допущение сознания в сферу науки с учётом строгости дескриптивной методологии феноменологии представляет программу умеренного рационализма, что уравнивает радикальный рационализм с его логицизмом, историцизмом и технократизмом.

Гуссерлианство как третий путь – важная традиция научной философии. Гуссерль, основоположник феноменологии, был уверен, что с помощью феноменологического знания будет решен фундаментальный вопрос о возможности всякого исследуемого знания и науки. Дебаты вокруг рациональности науки в современной западной философии сформировали важные модели, которые, по сути, остаются на аналитическом треке, но имеют разные источники.

По сравнению с другими традициями научной философии феноменологическая школа, основанная Гуссерлем, имеет совершенно иной стиль и кажется весьма «альтернативной» и уникальной. Впервые она была предложена философами континентальной Европы и в целом должна принадлежать континентальной европейской философии. При этом она явно отличается от британской и американской аналитической философии науки.

Прежде всего, феноменологическая школа отказалась от узкой концепции аналитической философии, ограничивавшей «науку» естествознанием. Она включила философию и всю духовную науку в категорию науки, поэтому имеет явную антинатуралистскую, антисциентистскую позицию. Как мы все знаем, аналитическая философия, особенно логический эмпи-

ризм, решительно отрицает и отвергает метафизику, ценности, деонтологию. Фанатичная антиметафизическая позиция не делает сциентизм сильным. Такие феноменологи, как Гуссерль, Хайдеггер, Гадамер, Ингарден, Шюц, вынуждены защищать научность философии и всей духовной науки. Решающее значение для правильного понимания феноменологии имеет то, что она не ограничивала концепцию познания естественными науками, предлагая целостный взгляд на мир и человека. Единая система знаний феноменологии относит различия между естествознанием и философией к различным установкам познания, где возникают разные самоочевидности и самоданности. Естественно-научная установка не является при этом высшей и окончательной, феноменология представляет знание о существующих вещах в абсолютном смысле.

Для Гуссерля сфера духа или человеческого поведения является «внутренней». Гуманитарные науки можно также назвать «субъективными», «эндогенными» науками. Конечно, это не означает, что в гуманитарных науках нет объективных факторов, ведь дух должен сначала выразить себя и культурные и духовные достижения – и все это проявления духа, они могут быть названы «объективированным духом». Вдобавок Гуссерль как классический европейский философ унаследовал все немецкие идеалы *Wissenschaft*.

Чтобы понять объекты исторической феноменологии, то, как формировался их понятийный аппарат, концептуальные фреймы, необходимо проследить путь формирования фи-

лософии идеализма от Платона до Вальденфельса, его характеристики, связь первоначального смысла и входящих эмерджентных идей в происхождении социокультурной феноменологии, связь социальных практик и рациональности, роль инструментального освоения мира в становлении социокультурной оптики.

Считается, что возвращение идеалистического проективного мышления и реконструкция смыслов составляют суть исторического гуссерлианства. На основе феноменологического исследования вырисовываются два основных тренда: историческая феноменология как история становления идей и историческая феноменология в широком смысле как генерация идеалистического логоцентризма.

Гуссерль придал феноменологии институциональный характер, с него она и ведёт своё историческое начало в философии, собирая множество имплицитных ранних концептов вроде *эйдос*, интенция, эпохэ. «Историческая феноменология» здесь относится к мыслям и теориям Гуссерля, возникшим из его размышлений об исторических проблемах в последние годы его жизни, а также будущем гуманитарных наук, наук о сознании. Это породило основные положения исторической феноменологии в «широком смысле». Поздняя феноменология дала начало социокультурным и историческим феноменологическим исследованиям. Размышления о рациональности, историческая ретроспекция и построение смысла составляют корень гуссерлианства и постгуссерлианства.

Юбилей И. Канта (1724 – 1804) и феноменология. Когда мы говорим о

феноменологическом подходе к знанию, обязательно включаем одного из первых в список Иммануила Канта, помимо Платона, Аристотеля, Бэкона, Юма, Гегеля, Фихте, Кассирера, Гадамера, Мерло-Понти и Гуссерля.

Иммануил Кант – крупный мыслитель, который открыл много направлений в философии, до сих пор не потерявших актуальность. Он же подхватил феноменологические идеи Декарта и редукцию Юма. Продолжая тематику Просвещения и Нового времени, Кант, главным образом, повлиял на гносеологию, этику, эстетику и социальную философию. Он примирил рационализм и метафизику, естествознание и этику, сохранив за философией роль генератора новых значений и идей.

Кант стал одним из первых философов, который последовательно нагружал феноменологическую зону разными смыслами и создавал пролегомены к этому концепту. То, что мы называем феноменологией сегодня, находилось в процессе сборки во времена Канта. Три программы феноменологии (кантовская, гегелевская и гуссерлевская) имеют свои особенности, но все укоренены в «археологии достоверности» [5].

Феноменологическое прочтение философии Канта связано с общим конструктивистским трендом Нового времени. Так, феноменологическая интерпретация его этики начинается с Другого и рефлексивно-интенционального принципа отношения к нему. «Долг», если понимать его феноменологически как естественную установку, звучит оригинально и вдохновляющее. Переживание долга как трансцендентного смысла морального контрастирует с

миром фактов и наличных вещей. Вместе с тем, говоря о феноменологической экспликации морали Канта, можно отметить, что подобное эйдетическое прочтение требует особого ноэматиического воображения. Феноменология позволяет заглянуть в трансцендентные смыслы морального и превзойти действия, погруженные в мир фактов и наличностей [8].

Можно ли сказать, что от Канта до Гуссерля остаётся один шаг? Маловероятно. И дело не только в работах Гегеля, Фихте, Brentano, подготовивших дальнейшую почву выхода феноменологии на новый уровень. Мало заметным остаются частные исследования, где кантианско-феноменологическая мысль работает на сложном уровне осмысления идеального. Так, Рудольф Отто (1869 – 1937) толковал религию как состояние священного живого существа, предстающего перед Великим. У нас не может быть позитивно-эмпирического познания Бога с точки зрения науки, но мы можем зафиксировать субъективные чувства возвышенного, духовного, благоговейного. Якоб Фриз (1773 – 1843) применил критическую философию Канта к познанию феномена религии и открыл экономный способ синтетического познания априори священного через фиксации *sensus numinis*, которое не может быть фальсифицировано, в отличие от рациональных теологических конструкций [4, с. 59 – 74].

Отто продолжил кантианско-фризовскую модель описания «*Ganz Andere*» как возвышенного, несоизмеримого, непостижимого, мистического, трансцендентного. Нуминозный опыт превосходит классические отношения

субъекта и объекта, разрушая границы между духовным и материальным, индивидуальным и всеобщим, видимым и невидимым, индивидуальным и коллективным [1].

Другие феноменологические проблемы философии Канта касаются соотношения репрезентизма и дескриптивности, единства сознания и дискретности ощущений; ума как формы времени, собирающей впечатления в их многообразии; сознания времени как устойчивого единства; особенности генеалогии логики [9; 10]; особенности обоснования морали у Гуссерля [11]; эволюции феноменологии от Платона к Канту и Гуссерлю и преодоления эпистемологических проблем в феноменологии [12]; кантианского толкования Гуссерля [2; 3]; «феноменологической редукции» философии Канта [6]; параллелизма этики и логики [1].

В целом же интерес Гуссерля ко всякому становлению (*Werden*) – характеристика его поздних работ, в которых он начинает рассматривать мир более реалистично, не с позиции трансцендентального наблюдателя, а как аналитик интересубъективного Другого. Индивидуальный модус сомнения вроде «мне кажется», «я полагаю», «по моему мнению» погружён в обыденность и повседневность, далёк от какой-либо систематизации и обобщения. Такие алетические акты предикации практически никогда и нигде не могут стать наукой, кроме как феноменологией, достающей из экплицитного уровня пропозиции имплицитный слой феноменологических операторов – естественную установку, интенциональность, жизненный мир.

Постмодернизм и постструктурализм можно считать и постфеноменологией в силу того, что они не разделяют гуссерлевскую теорию субъективности. И дело не только в том, что деконструкцией субъекта пронизана философия Левинаса, Дерриды, Лиготара, Кристевой. В трудах постгуссерлианских феноменологов тема трансцендентального субъекта либо умалчивается, либо, как в случае Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти, концептуально критикуется. Трансцендентальный субъект Гуссерля подвергается фрагментизации, децентрации и существует только в отношениях, выступает как бы следствием чего-то Иного. Подобное дробление и отчуждение трансцендентального субъекта происходит постепенно под влиянием различных стратегий: встреча с Другим Левинаса, растворение границ видимого и невидимого Мерло-Понти, поэтическое самопреодоление Хайдеггера.

Вывод. Таким образом, «критики» Канта пронизаны фундаментальными феноменологическими категориями – схема синтеза воображения, автономия воли, самозаконодательство, поиск архе, основоположения, Альтер эго (Другой). Оппозиция «*ding für sich*» и «*ding an sich*» повторяет трек феноменально-ноуменального.

Трансцендентализм Канта неизбежно касается вопросов эпистемического фундамента знаний. Если Юм и Кант в XVIII веке доводят до рационального предела агностицизм в отношении манифестаций мира вещей, то Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер и Лукман создают в XX веке descrip-

тивное наполнение для аскетичного мира *étoilé*.

Метод дескрипции Гуссерля, вместе с тем, отличается от философских методов Канта. Кант сохраняет определённый натурализм, пытается совместить позиции эмпиризма и рационализма. Чтобы примирить сознание и опыт. Кант был вынужден прийти к странному выводу о существовании двух видов реальности и существовании неизвестной стороны объектов. Гуссерль полностью преодолевает этот натурализм. Сознание и опыт больше не являются своего рода естественным объектом, а законы сознания и опыта больше не являются законом индукции. Сознание и опыт имеют свое собственное интенциональное измерение. Гуссерль принял идеал, который Кант хотел понять, но не смог достичь его полностью, – тщательное исследование субъективности. Вектор философии Гуссерля только приближает нас к Канту. Мы можем даже сказать, что Гуссерль – это новый кантианец, который больше, чем другие, возвращается к Канту.

Открытие динамических идеальных структур составляет не только предмет исследования Гуссерля, но и Платона, Августина, Декарта, Канта, которые производили рефлексию над априорными предметностями [5]. Редукция своей обусловленности является базовым философским действием ради усмотрения дифференциации между сущностью и существованием, наличным и процессуальным. Созерцание бытия как коррелята сознания происходит в момент избавления от принудительной необходимости есте-

ственной жизни с её демонстративной причинностью.

Проводя исторические обобщения – «Гуссерль продолжает трансцендентальную эстетику И. Канта» [6], но почему просто не описать мышление и его акты? В области ноззо-ноэматиического описания высказано много идей, ряд из которых интуитивно ясны, другие же относятся к метафизическим постулатам. Например, сама репрезентация ноззиса и нозмы как мышления и содержания его актов, процесса и его компонентов не является чем-то необычным. Действительно, данные категории вполне вписываются в онтологию процесса, системно-структурную методологию, «агент-среду», ориентированное моделирование.

Гуссерль исходил из феноменологической точки зрения трансцендентности. Глубоко размышляя о рациональном духе Европы, возлагал надежду на то, что его феноменология и философия спасут кризис европейской науки. Это составляет академическую основу и предпосылку исторической феноменологии Гуссерля. Основные вопросы социокультурной феноменологии – это интенциональность, рациональность и смысл, которые должны быть интегрированы и включены в историю.

Основные проблемы феноменологического мышления исходят из вопроса внутреннего смысла, оснований рациональности и перспектив феноменологической интенциональности. Позитивистский историзм не позволяет глубоко размышлять над историческими проблемами, равно как и метафизика истории, историцизм, логи-

цизм, юридизм. Феноменологический смысл заставляет рассматривать историю как развёрстку горизонтов и конкретизацию жизненных планов. Феноменология через стратегии редукции, эмпатии, слушания биографической ситуации, изучение нарративных слоёв, анализ дискурсов, фокус на интерсубъективность интеракций создаёт свой проект социокультурной истории, где движителями выступают кайрос, энтелехия, онтопозис, пролиферация, конституирование, индивидуация, фабулизация, аппрезентация, визуализация, креативность, социологическое воображение. Феноменологический контекст рефлексии позволяет переосмыслить вопрос историчности вообще, усматривая последовательность событий как развёрстку смысловых горизонтов. Феноменология не столько заставляет задумываться над содержанием общего исторического смысла, сколько задаёт параметры индивидуальных жизненных миров и интересуется их сопряжением, умножением, созданием обобщённых смысловых доменов. Исследование истории вообще невозможно в феноменологии, ибо она конкретизирует свой интерес, направляя на системы релевантностей, биографические ситуации и другие детерминанты интенциональной рефлексивности. История вообще невозможна, так же как невозможен дискурс вообще. История, текст, цивилизация всегда конкретны и персонифицированы. Общие понятия являются абстрагированными формами конкретного. Поиски первоначального смысла и универсалий ценны тем, что есть конкретные мыслители, которые в определённой ситуации задают такие горизонты, со-

здавая определённые смысловые локации для других идущих.

Антиномичность истории – ещё одна проблема, которая решается феноменологически через признание эстетической детерминанты смыслового, а не временного. Креативность, эстетичность, самоочевидность, смыслопорождение, опредмечивание, концептуализация, аксиоматичность схемы изменяют смысл традиционной метафизики как поиска онтогносеологического первоначала. Социокультурная феноменология легитимизирует, таким образом, смысловую генерацию как принцип реализации свободы живого существа.

Допущение сознания в сферу науки с учётом строгости дескриптивной методологии феноменологии представляет программу умеренного рационализма, что уравнивает радикальный рационализм с его логизмом, историцизмом и технократизмом. Подобно философам в истории, Гуссерль часто называл свою феноменологию «научной философией». Мало того, он даже пошел дальше и посвятил свою жизнь «философии как строгой науке». Видно, что Гуссерль не только унаследовал традицию европейской философии, особенно немецкой философии, всегда привыкшей

рассматривать философию как «науку», но и довел эту традицию до рационального предела в изучении субъективных феноменов.

Выражение «эмпирическая наука» сложно примирить с философской потребностью обобщения. Философия не является собранием эмпирических материалов, которые перечислены в нормативных областях исследования других наук и могут быть изучены независимо. Потому что философия должна изучать целое. Поскольку это целое представляет собой идею, выходящую за пределы ограниченных возможностей познания, это не то, что мы можем познать эмпирическим путем.

Духовная наука, феноменология, историческая наука, философия отличаются от естественных наук. Естественная или эмпирическая наука подчеркивает легитимность своих методов, но методы естествознания нельзя применить к области духовной науки. Если мы измеряем духовную науку на основе углубления понимания закономерностей, то мы не можем правильно уловить суть духовной науки. Опыт субъективно-интенционального и общественно-исторического мира не может быть продвинут в науку посредством индуктивных процедур естествознания.

Библиографические ссылки

1. Лаврухин А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. С. 61 – 76.
2. Орлова Ю. О. Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб. : СПбФО, 2001. С. 226 – 251.
3. Орлова Ю. О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб. : СПбГУ, 2005. С. 193 – 204.

4. Пылаев М. А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 6 (38). С. 59 – 74.
5. Разеев Д. Н. Учение о феноменальности (феноменология) Канта // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: Понимание. 1997. Вып. 1. Изд-во СПбГТУ. С. 38 – 74.
6. Счастливец Р. А. Вперед, к Канту! Феноменология чистого разума // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 26 – 33.
7. Тимошук Е. А. Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 1. С. 4 – 12.
8. Финдлер Р. Феноменологическая этика Канта // Топос. 2002. № 1 (6). С. 29 – 50.
9. Kinkaid J. Phenomenology, idealism, and the legacy of Kant // British Journal for the History of Philosophy. 2019. 27:3. P. 593 – 614.
10. Morrison R. Kant, Husserl, and Heidegger on Time and the Unity of "Consciousness" // Philosophy and Phenomenological Research. 1978. Vol. 39, № 2. P. 182 – 198.
11. Peucker H. Husserl's Critique of Kant's Ethics // Journal of the History of Philosophy. 2007. № 2 (45). P. 309 – 319.
12. Rockmore T. Kant and Phenomenology. University of Chicago Press, 2011. 257 p.

A. S. Timoshchuk, E. A. Timoshchuk

PHENOMENOLOGY AS RATIONAL SPIRITUALITY

The article raises the question of the phenomenological type of rationality, which represents the type of sci spirituality, which allows you to more and deeply think about religion and spiritual culture in our life. The standard explanation of spirituality is associated with the interpretation of supra-subjective power, which forms the intuitive interaction of the subject with the world. Such spirituality is affective and affected by cultural filling through historically determined institutions and traditions. Phenomenology offers a special introspection about spirituality by formulating the multi-layer of being, its intersubjectivity and intentionality. When discussing phenomenological spirituality, we strive to take into account scientificity and subjectivity. The dominant ideas about the exclusivity of the logical clarity of naturalism was supplanted by phenomenology with its descriptivity, communicativeness and empathy.

Keywords: phenomenological spirituality, phenomenological rationality, intersubjectivity, intentionality, noesis, Noem.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

БЕЗДЕЛЬ Вероника Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет МИТСО», г. Витебск
Bez_4verona@mail.ru

БУТ-ГУСАИМ СВЕТЛАНА ФЕОДОСЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент доцент Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест
svfbg@tut.by

ЖИГАЛОВА Мария Петровна – доктор педагогических наук профессор Брестского государственного технического университета, действительный член Академии педагогических и социальных наук РФ, г. Брест
zhygalova@mail.ru

ЖУКОВ Всеволод Сергеевич – ассистент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
istoriarossii911@mail.ru

КИЛЬДЯШОВА Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
t.kildyashova@narfu.ru

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент докторант Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, зав. кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет МИТСО», г. Витебск
anton_lavitski@mail.ru

ПЛЕХАНОВ Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Владимир
eaplekhanov@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

САННИКОВА Яна Михайловна – кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
sannikowa@mail.ru

СИБИРЦЕВА Юлия Александровна – кандидат философских наук, доцент
зав. кафедрой культурологии и религиоведения Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
yu.sibirtseva@narfu.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru

ТИМОЩУК Елена Андреевна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
e@timos.elcom.ru

ФЕДУЛЕЕВА Диана Александровна – студент факультета права
Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Владимир
dianafeduleeva75@gmail.com

ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович – доктор филологических наук, профессор
профессор Ивановского государственного университета, г. Иваново
arsen1418@mail.ru

ЦВЕТКОВ Василий Жанович – доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического
государственного университета, профессор кафедры истории России Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Москва
istoriarossii911@mail.ru

ZHANG WENZHE – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург
zhangwenzhe@yandex.ru

ЧЕРЕМУХИН Вячеслав Владиславович – кандидат исторических наук
ведущий специалист Управления общественных проектов
Московского педагогического государственного университета, г. Москва
cheremuchin_v_v@mail.ru